

Олег Николаевич Верещагин

Завещание рыцаря

http://zhurnal.lib.ru/w/wereshagin_o_n/zavescanie.shtml

Аннотация

Эта книга была первой, написанной мною не в струю долго и тщательно разрабатываемой темы (см. эссе Герои моего времени) - и, в сущности, первой книгой, посвящённой окружающей нас, реальной, жизни. Конечно, я писал её, глядя на мир через розоватые очки. Но с другой стороны - я писал просто классическую приключенческую книгу для подростков - какую сам хотел бы прочитать в 12-14 лет. И я думаю, что в этом ракурсе книга вовсе неплоха. А хотя - оцените её сами. Это будет лучше всего.

Олег Николаевич Верещагин

Завещание рыцаря

Не имеет никакого смысла пытаться восстановить путь героев книги по картам и тексту - большинство географических названий и местоположение населённых пунктов изменены. Версии о присутствии на территории России Святого Грааля, существовании крепости Краевая и клада, вывезенного из неё во времена нашествия монголо-татар - полностью вымышлены автором. НО КЛАДЫ ВСЁ-ТАКИ СУЩЕСТВУЮТ. УДАЧИ!!!

От автора

Глава 1.

Главное - что?

Главное, если вам кажется, что за вами следят, не пытайтесь себя убедить, что это вам КАЖЕТСЯ.

Конечно, может итак статься, что ваша крыша, и без того расшатанная многочисленными прочитанными книжками, наконец-то не выдержала постоянного и напряжённого контакта с "виртуальной реальностью" и поехала в сторону мании преследования с просто-таки угрожающей скоростью. Просто не надо было покупать и читать по ночам "ОНО" Стивена Кинга. И всё было бы в порядке.

Но с другой стороны - расслабляться в наше время тоже не рекомендуется! Я вот читал где-то (не помню, где) про одного английского "командоса" (настоящего, не из кино), который с 39-го по 45-й воевал с фашистами в Африке и Европе, наполучал кучу наград, ни разу не попал в плен, ни разу не был ранен... Короче, был спец высшего класса. А уже после победы приехал к себе домой, расслабился и... поскользнулся на банановой кожуре на тротуаре. Хряпнулся черепом и умер. Вот так бывает даже в мирное время! Хотя меня и сомнение берёт - где же это он нашёл в Англии банановую кожуру на тротуаре? Это у нас - да... но с другой стороны, у нас народ так наловчился, что даже в гололёд травм не так уж много. Иммуитет выработался... или рефлекс? Не знаю точно, как называется, но только нашего человека с ног банановой кожурой не собьёшь!

Да... о чём это я? Это моя беда. Начинаю о фильме "Звёздный десант", а через минуту ловлю себя на том, что пересказываю собеседнику Библию с комментариями собственной выпечки. Евангелие от Андрея. Апокриф, блин!

А началось это вчера вечером...

...Жить одному - вовсе не так весело, как может показаться. Да, никто не стоит над душой с разными мелочами типа "вынеси мусор" или "что собираешься делать вечером?". И это как раз здорово. Но и поесть никто не приготовит, куча мелочей ускользает из поля зрения, и в самый неподходящий момент обнаруживается, что кончился маргарин и не на чем даже поджарить колбасу.

А поджарить её просто необходимо. Во-первых, потому что хочется жрать. А во-вторых - колбаса куплена позавчера, всё это время пролежала забытая на подоконнике и в результате как-то противоестественно выглядит. Вот и задумаешься - а стоило ли так радоваться самостоятельности? И надо ли было так прыгать в душе, когда мама шесть дней назад уехала по путёвке от профсоюза в дом отдыха под Тамбов?

Усугубляла хорошее настроение погода. Жара была одичалая, прямо-таки невозможная в наших местах. Начало июня, а леса уже кое-где горят, на сельских дорогах удушливо пахнет синеватым дымком пожаров, и ты словно не идёшь, а проталкиваешься плечом вперёд через разогретую вату. На речке, прудах и озерах, которых полно вокруг нашего городка - народу столько, что вода выплёскивается, как из архимедовой ванны. Только вот с криком "эврика!" никто не бежит. Какое там бегать - только дома сидеть в трусах и с полотенцем на шее. Читать и слушать Высоцкого - два моих любимых занятия. Думайте, что хотите.

Но маргарин-то всё равно был нужен. И я, содрогаясь, влез в одежду, что-бы отправиться в круглосуточный магазин, расположенный аж в полукилометре от нашего дома.

Если бы не эта чёртова колбаса... Сколько раз потом я клял себя, что не скормил её Геббельсу - нашей с мамой кавказской овчарке. Он-то всё сожрёт. И даже без маргарина. Только с другой-то стороны - останься я в тот вечер дома, и не было бы **ВООБЩЕ** ничего. А это ещё хуже того, что было.

Короче говоря, я двинул в магазин. А чтобы сократить путь и не так мучиться по жаре - пошёл не улицами, а через кладбище. В смысле - через старое. Я там люблю бывать. Нет, честное слово! Может, это и немного кошунственно, только я его рассматриваю скорее как большой, тенистый и очень спокойный парк... Так вот, если кладбище пройти наискось, мимо церкви, то через дыру в дощатом заборе можно попасть на городской стадион, место насквозь знакомое - там наш класс, сколько себя помню, проводит каждый второй урок физры. А за стадионом - магазин. И маргарин в нём.

В десятом часу вечера на кладбище, конечно, никем и не пахло. Только сиренью. Я шёл по тропинке между могил и - под влиянием обстановки! - вспомнил, как вчера московский патриарх отслужил молебен с грандиозным названием: "О спасении образования в России и ниспослании просветления российскому правительству." Взрослые люди, но иногда ляпнут такое, что я бы умер со стыда. А они ничего, живут. Даже страной управляют. Вот тут и спросишь себя - как из таких балбесов, как мы, получается такой мудрый народ, как наш?

К религии я вообще отношусь... да никак не отношусь. Сам некрещёный, хотя это сейчас и немодно. Дед мой был секретарём парторганизации нашего городка, он и не дал крестить, тогда с этим было строго. А я сам и не стремлюсь. Ну не верю я в бога, не понимаю веры, а уж тем более - моды на неё! Может, тут свою роль моё увлечение историей сыграло? Любить-то я её всегда любил, но года два назад с подачи нашего нового учителя серьёзно увлёкся. А уж когда историей вплотную займёшься, то трудно как-то в бога верить. Попробуйте! Сразу поймёте, почему... Но церковь наша, эта, на старом кладбище, мне нравится. Хотя она не очень большая и даже по масштабам нашего городка не особенно старинная - построена в 1837 году, а самому Фирсанову Екатерина Великая даровала звание города в 1779-м. До этого было просто село Фирсаново - в честь основателя, первопоселенца XVII века Фирса Зубатина... Был в Фирсанове собор - красивый, я фотографии видел - но его рванули в 30-е, а на его месте отгрохали кинотеатр "Россия", который тоже пора взрывать - из-за нерентабельности. Кому он нужен, если в каждом третьем доме видак, а в каждом первом принимают шесть передач из центра и местный коммерческий канал? Наш историк

говорил, что, когда он был в нашем возрасте (где-то вторая половина 80-х), то в кинотеатре было не протолкнуться, даже скамейки из фойе вносили! Интересно было бы посмотреть...

Опять меня куда-то в сторону унесло. Ладно, будем считать, что я вас просто немного познакомил со своим городом...

...Вот тут-то, на кладбище, недалеко от церкви, я и почувствовал, что за мной следят. У одного моего приятеля старший брат был в Чечне, он-то и говорил про это ощущение - словно в тебя уперся тупой, холодный нож. Как раз вот такой нож я ощутил между своих лопаток.

Говорят, в таких случаях ни в коем разе нельзя оглядываться. Я просто пошёл быстрее, но нервы всё-таки не выдержали - я оглянулся.

Ни о какой ошибке речи не шло. Вариантов тоже не было - метрах в двадцати за моей спиной неспешно чапал по той же тропинке невзрачный мужичонка лет 35-40. Невысокий, в спортивном костюме и растоптанных кроссовках уже совершенно неопределимой фирменной принадлежности. И я застал его врасплох - он быстро отвёл взгляд и, замедлив шаг, уставился на ближайшую могилу. Даже лицо скорбное сделал - с понтом, отыскал безвременно почившего родственника. Я отвернулся и прошёл ещё метров тридцать.

Мужик шёл за мной.

Надо сказать, я немного забеспокоился. Или, если честно, забеспокоился довольно сильно. Или - если совсем уж честно - перетрусил. Что если этот тип - маньяк вроде Чикатилло и тут, на кладбище, выбирает себе новую доверчивую жертву? Или, может, он некрофил - тогда ему самое место на кладбище! Правда, тогда, кажется, мне ничего не грозит. Но что если сначала он превратит меня того... в "некро"? Сейчас подойдёт и скажет: "Парень, помоги гроб опустить в могилу..." НЕТ, ОПРЕДЕЛЁННО ОН НА МЕНЯ СМОТРИТ! Советы по ОБЖ вихрем взметнулись у меня в голове, превратились в какой-то бессмысленный калейдоскоп, к ситуации совершенно неприменимый...

Погоди, Андрюшенька. Ты так совсем рехнёшься. Какой Чикатилло, какой гроб, какой некрофил? Может, это просто мирный селянин, приехал из деревни навестить покойную бабушку, а на тебя косится потому, что ты мешаешь ему предаваться тихой скорби...

Но на лице "селянина", когда я в очередной раз оглянулся, не было и следа тихой скорби. Скорее - явный нездоровый интерес ко мне. Он смотрел внимательно и оценивающе, словно прикидывал, сколько сможет за меня содрать со среднеазиатского плантатора или саудовского шейха.

Я вообще-то достаточно крепкий парень. Четыре года занимался боевым самбо, бросил совсем недавно, со мной не всякий взрослый мужик справится... но при всём при том я до боли мнителен и массу энергии трачу на то, чтобы это скрывать. Надо сказать - успешно, в классе я заработал себе репутацию "железного парня", у которого над ухом стрелять можно - он и глазом не моргнёт. Но это так, маска...

"Заорать, что ли?..." - тоскливо подумал я. Но тут же понял, что любой нормальный человек, услышав в 9.30 вечера дикий крик на кладбище, наверняка помчится... но не на помощь, а как можно дальше.

Маньяк-некрофил-работорговец вдруг мотнул головой, отвернулся и неспешно повернул на параллельную аллею.

От облегчения у меня ослабели ноги и зашумело в ушах. Вот ведь идиот, а?! Конечно, он просто меня за кого-то принял. И, естественно, всматривался. Разглядел, что это не его знакомый и пошёл по своим делам! Переведя дух, я уже вполне бодро зашагал к забору...

...Когда я шёл обратно, стадион был по-прежнему пуст. С травы, которой местами поросло футбольное поле, при каждом шаге поднималась серая пыль. Окна в вагончиках-раздевалках поблёскивали ярко-алым светом заката.

Я не спешил. Во-первых, потому что жара не спадала. А во-вторых, по-тому что спешить было некуда. Спать - рано, читать - не тянет, по телику - очередной штатовский "дефектив", терпеть их не могу. Оставалось лишь поесть и выбирать - всё-таки лечь спать или отправиться к кому-нибудь из приятелей, если только они уже притащились с речек и

прудков и ещё не утащились на дискотеки. Вот ещё бред - какие дискотеки в такую погоду?!

Именно потому, что я шёл медленно - а у дыры ещё и задержался, чтобы напоследок оглянуться на пустынный стадион - именно поэтому я и услышал то, что услышал. Сразу за забором, у дыры, разговаривали два человека. И первые слова, долетевшие до моего слуха, были:

- И концы в воду. Мало ли кто его мог убить?

Глава 2.

Я остановился сразу же. Благо, реакция у меня хорошая. И слух тоже. Быстро, но плавно сместился в сторону от дыры, мельком отметив, что солнце на закате светит С ТОЙ стороны забора, и значит моя тень в щелях между досками не появится. Правильней всего было бы тихонько убраться со стадиона на улицу и жать домой... но я остался. В тот момент - из чистого любопытства.

Голоса продолжали звучать - рядом, говорившие стояли точно у самого забора.

- Но это точно не он?

- Говорю же тебе, Сергеич, обознался. Пацан похожий, но не он.

- Смотри... Дело такое. Он, гад, шустрый, вспомни, как в Питере нас наколол?

- Сергеич, кто ж знал, что у него мотоцикл будет?

- Смотри...

- Значит, прямо сегодня, Сергеич? Во сколько?

- Да прямо сейчас. Он к порядку приучен, по ночам нигде шариться не станет. Небось, уже у себя сидит, прибыль подсчитывает...

- Какой у него номер-то, напомни?

- У тебя, Витька, не память, а...

- Такт я университетов не кончал.

- Да при чём тут университеты?... Пятьдесят первый у него номер.

- А, точно, точно, вспомнил! Ну, ладно, чего ждать? Пошли к Ольке, дуру заберу, да и пойдём.

- Попалят нас с этой дурой твоей когда-никогда, Витёк.

- Привык я к ней, Сергеич... Да и чего, твоим ножиком его пугать? Не заботится, не таковский.

- Зачем пугать? - голос Сергеича стал вкрадчивым, а у меня по коже побежали мурашки.

- Откроет, ты его сразу мочи в фанеру. И дави к полу. А я по горлу, он и вякнуть не успеет. Ну а потом припрячем где-нибудь.

Наступила тишина. Потом я услышал какой-то тихий сип, и голос Витька.

- Ты что?! - он даже пискнул. - За пацана, да ещё иностранца! Пожизненное дадут, не фик делать!

- А чего ты трясешься? - презрительно и сердито спросил Сергеич. - Мало ты их кончил?

- Пацан же...

- Ведь договорились!

- Сергеич, я ж думал, ты шуткуешь... Нафик его убивать?! Пугнём, бумаги хапнем...

- ...а потом на Колыму, когда он на нас покажет? Нечего и затеваться. Да не дёргайся ты так! - прикрикнул Сергеич. - Мы его сюда не звали, сам сунулся, ну и... это ж не их Европа, где фараон на каждом углу. Это Россия, понимать надо! Пошёл в лес и в болоте утоп, ну и дело с концами, а концы в воду... хе-хе! - он мелко, гадко захихикал. - Вся ООН не найдёт.

- Тоже верно, - явно повеселел Витёк. - Мы ж ему всё по-честному предлагали, скажи?

- Ну... Пойдём, что ли, свечку поставим за упокой души малолетка?
- Да зачем, Сергеич? Он же это... нехристь, лютеранец.
- Лютеранин, дурак. И не лютеранин, а англиканин... Но тоже правильно.
- Грехи наши... - вздохнул Витёк. Наступило глубокомысленное молчание. Я, почему-то, был уверен, что они крестятся на церковь и ощутил приступ тошноты, до того мерзко это было. Вдобавок меня охватило болезненное желание, непреодолимое, посмотреть на этих... людей. Так бывает во сне, в кошмаре, когда знаешь - нельзя смотреть, но смотришь.

Очень осторожно я выглянул за край щели, почти уверенный, что уже замечен, и эти двое сейчас стоят по ту сторону и смотрят на меня.

Они в самом деле смотрели... но на церковь. А я почти не удивился, увидев моего знакомого некрофила в спортивном костюме. Почему-то я сразу подумал, что это и есть Витёк (будущее показало, что я не ошибся). Рядом с ним стоял плотный, уже немолодой здоровяк с лицом самым обычным, даже скорее располагающим, и одет он был прилично, в дорогой костюм, не то что эта помесь Тараса Бульбы и Крысы Шушеры.

Пока я их разглядывал, эта парочка, так и не обернувшись, зашагала по аллее к выходу с кладбища. Я ещё какое-то время тупо смотрел в удаляющиеся спины, потом резко отпрянул и привалился к забору.

В сознательные борцы с преступностью я не гожусь, наверное. Просто не знаю, с какого конца за это браться. Да и нет у нас в городке никакой особенной преступности, только драки по пьяной лавочке, кражи кур с поросятами и кое-когда - изъятие шмали типа конопли или Госпожи Мари Хуаны. Но если вот так... на ваших глазах сговариваются убить человека - по-моему даже полный трус или совсем равнодушный побегут предупредить. Тем более, что никакой опасности в этом нет.

Номер, они номер назвали... Точно, 51! Это могла быть только наша гостиница, она у нас одна и называется очень остроумно - "Фирсанов". Простенько. И со вкусом. Если не через кладбище, а через стадион, то всего-то и две минуты бега!

Я уж было рыпнулся бежать... и меня вдруг словно за шиворот схватили. Я даже вспотел ещё больше, как будто вокруг стало градусов на десять жарче.

Погоди, Андрей, а КОГО ты собрался спасать?! Ладно, Сергеич этот с Витьком - бандиты, двух мнений быть не может. А тот, кого они прикончить собираются, он что - ангел? Откуда я знаю?! Они, правда, говорили, что он вроде малолеток, даже иностранец... ну и что? Бывают четырнадцатилетние киллеры, а в Казани трое девятиклассников вообще всю местную мафию взрывчаткой снабжали. На дому у одного парня, в ванной, делали и продавали. И это у нас! А ТАМ?! Работали втроём, не поделили чего, ну и сбежал этот парень от них в провинцию. А они его, естественно, выследили. Нормальному человеку в это дело лучше и не лезть, того и гляди, сам же "спасённый" и "поблагодарит".

Вспомнилось, как Витёк шёл за мной по кладбищу. Да уж, счастье попёрло, подставляя рюкзак... Неужели я и впрямь на их "объект" похож? Хорошо ещё, дали себе труд разобраться...

Вроде всё стало ясно. Но я по-прежнему торчал у забора, изучая носки своих кроссовок. а если всё это не так? Ты, Андрей, успокойся и пойдёшь домой, жарить колбасу. А в пятьдесят первом номере вашей тихой гостиницы зарежут парня. Не бандита, заметь. НОРМАЛЬНОГО парня.

В сердцах я поддал камешек ногой. Чёрт! И посоветоваться не с кем! Наш историк - мужик толковый, понимающий, вот бы к кому сбегать... но ведь времени - ни капли. Да и потом, вспомнил я, он-то, должно быть, ещё в конце мая укатил в область, сдавать летнюю сессию в университете. (Это он только так говорит, а на самом деле "свалит" всё за неделю, для него это не проблема, забросит за плечи рюкзак, сунет под мышку свою мелкашку - и на турбазу, где его уже ждёт тёплая компания. А там ищи его по лесам вдоль Цны! И правда - вся ООН не найдёт...)

Мда, иногда я ему завидую. Он хоть и вырос "при застое", а видак впервые потрогал в 19 лет, в армии, но мне кажется, у него жизнь была интереснее. Во всяком случае, у него

куча настоящих друзей и к 25 годам - масса интересных воспоминаний...

Я сердито дёрнулся, сообразив, что думаю о нашем историке, чтобы защититься от других мыслей. Трушу?! Попытался убедить себя, что осторожность - не трусость, но подумалось снова: "Трушу."

Правду говорят - никто не может так легко оправдать и так безжалостно осудить человека, как он сам. Это обвинение в трусости показалось мне страшнее сказанного вслух, в лицо, кем-то другим.

Я повернулся на пятках и бросился бежать по дорожке к выходу со стадиона.

Глава 3.

Гостиница наша расположена очень удачно - напротив милиции. Лет шесть назад, когда мне ещё десяти не было, в ней часто останавливались первые в наших краях "челноки", в основном - южане. И такое стратегически выгодное расположение гостиницы частенько спасало их - чуть ли не каждое воскресенье, после окончания базарного дня, наши ребята устраивали у подъезда жуткие драки с велоцепями и арматурой. Сейчас объект для подобных действий - вьетнамцы, но они живут за городом, сообща снимают там какой-то заброшенный корпус. Драки бывают и там, но реже - добираться далеко.

Короче говоря, сейчас наша гостиница - спокойное место. Подбегая к ней со стороны Парка Победы, я ещё подумал, что Сергеич и Витёк либо полные долбаки, либо очень рискованные, если уж решили убивать кого-то там, где достаточно выбить окно и даже ничего не кричать, чтобы в ту же, считай, секунду явился не только наряд, но и все свободные от дежурства менты, постоянно опухающие от безделья на лавочках во дворе своей конторы.

Не добегая до подъезда - солидного, выложенного серым гранитом и совершенно не соответствующего общему виду и обшарпанному фасаду гостиницы - я перешёл сперва на лёгкую побегушку, потом - снова на шаг. Эти двое козлов никак не могли тут оказаться раньше меня, тем более, если они собирались зайти к какой-то Ольке... но осторожность никогда не помешает.

На улице темнело и никак не могло стемнеть, вы знаете, наверное, как это бывает длинными летними вечерами. Было очень пусто и очень тихо. Ещё раз внимательно оглядевшись по сторонам, я, словно под обстрелом, перебежал от угла до крыльца, птицей взлетел на него и буквально ворвался в вестибюль. Сердце колотилось так, словно я и в самом деле бегал где-нибудь в Грозном под пулями чеченского снайпера. Появилась и помогла справиться с волнением злость - у меня так бывает. Чего я, собственно, боюсь?!

Пожилая женщина за конторкой читала журнал-каталог клуба "XXI век" и на меня даже глаз не подняла. Я смог вполне спокойно рассмотреть доску с ключами - №51 отсутствовал... Мда, при таком контроле в гостиницу может человек двадцать с оружием войти, прежде чем это заметят.

Я смутно помню, как поднимался на второй этаж. В коридорах, на лестнице - везде было пусто, даже в номерах стояла тишина, словно в фильме ужасов, где разом исчезли все люди, кроме меня, человека в номере и двух уже наверняка идущих сюда бандитов. Что говорить - мне даже в голову не приходило. Главное было успеть добраться да №51 раньше убийц, словно это решало все проблемы.

Пятьдесят первый номер располагался в конце коридора, справа. Подойдя к двери, я прислушался. И различил тихие шаги и бормотание. Что говорил человек - было непонятно, но он находился там. И он был жив! Я обрадовался, как будто речь шла о самом близком друге.

Мой стук в дверь эхом отдался во всём коридоре, я почти испугался, что вот-вот отовсюду повыскакивают люди. Но не открылась даже та дверь, которая мне была нужна!

Я постучал ещё раз - уже настойчиво, громко. Снова никакого эффекта. Занёс руку в

третий раз - и...

...и дверь распахнулась мне навстречу.

Там, внутри, был полумрак, но свет не горел, поэтому ничего нельзя было различить, кроме контуров вещей и мебели. Но человека, стоящего в проёме двери, я видел очень хорошо.

Он не прятался, стоял, придерживаясь одной рукой за косяк и не сводя с меня взгляда. Больше всего я удивился, увидев парня моих лет, может - чуточку старше. Хотя из разговора убийц мне это было известно, подсознательно ожидал всё-таки взрослого... А тут передо мной стоял ровесник, одетый в самую обычную ало-синюю ковбойку, заправленную под ремень узких голубовато-белых джинсов и расстёгнутую на ворота. Пояс у джинсов был классный - широкий, из коричневой кожи, а пряжка сделана в виде щита и руки; застёгиваешь, и рука "берёт" щит. Самой же необычной деталью гардероба оказались... сапоги. Узкие сапоги из мягкой даже на вид кожи. Высокие, до колен. Никогда не видел на своём ровеснике таких сапог.

Лицо я разглядел позже одежды и удивился, как Витёк мог спутать меня с этим парнем. Мы были примерно одинакового роста и сложения, и волосы я тоже ношу длинные, не по нынешней моде, это да. Но в остальном... Открывший мне дверь оказался рыжим. Нет, неправильно. Волосы были тёмные, но с отчётливым медным блеском. Лицо - узкое, загорелое, чуть удлинённое, лоб высокий, а подбородок - тяжеловатый, почти взрослый, с решительной ямочкой. На меня холодно и непроницаемо смотрели большие, какие-то жутковатые глаза - зеленоватые, как толстое стекло старой бутылки.

Короче говоря, спутать нас можно было только в темноте или спяну. Я-то белобрысый, кожа светлая, а глаза серые, таких у нас на улицах полным-полно...

Всё это я увидел и подумал за какую-то секунду. И опередил парня, хотя он уже открыл рот для вопроса.

- Слушай, - быстро сказал я, - только ничего не спрашивай и не подумай, что я вру. Быстро собирайся и уходи, тебя хотят убить. Я сам слышал.

Знаете, когда я поверил, что вся эта история - не лажа и не мой бред, вызванный жарой? Когда увидел его реакцию. Он ничего не спросил, больше того - даже не удивился и не засомневался. Просто процедил что-то не вполне понятное, но очень злое, коротко кивнул и метнулся вглубь комнаты. Чем-то там грохнул, потом зашуршал... А я остался стоять, как идиот, на пороге номера у открытой двери... Хотя, как говорят у нас в классе: "Почему - "как", даже обидно..." Вспомнив это мудрое изречение, я решил, что пора отсюда двигать - к колбасе, дому и Геббельсу. Да и маргарин в пакете тает, небось. Свой долг перед совестью я выполнил, а дальше... Парень не походил на беспомощного деточку-иностранца, потерявшегося в заснеженных русских просторах.

Когда я повернулся, чтобы идти, в коридор с лестничной площадки вошли Сергеич и Витёк.

...Помню, что я не испугался. Ни капельки. Просто стоял и с интересом смотрел, как они неспешно идут по коридору, Сергеич смотрит направо, Витёк - налево. Сергеич держал правую руку в кармане, на Витьке была распахнутая брезентовая куртка, какие носят дорожники на жэ-дэ. Зачем она ему в такую жару - было ясно, как божий день.

И сцена вновь походила на фильм. На этот раз - не на хоррор, а на триллер. Витьку оставалось широким жестом распахнуть свою куртку, на ходу достать обрез и вмочить картечью в полисмена, дежурящего в коридоре у комнаты опасного свидетеля.

Следовательно - в меня.

Стучать в двери с криком: "Пожар! "? Может, и выбегут. Даже наверняка. Только вот что успеют со мной сделать за это время? Так. Влип.

Мысли оставались холодными и быстрыми. Нет, наверное, я напрасно обвинял себя в трусости. Совершенно спокойно, неспеша, я повернулся лицом к убийцам и прогулочным шагом двинулся навстречу, без интереса на них взглянув - как совершенно посторонний человек на совершенно посторонних людей. В коридоре было тесно, Сергеич даже чуть

посторонился, пропуская меня... но этот паразит Витёк оказался куда наблюдательней, чем можно было предположить по его лоховатому виду. Он, уже пройдя мимо, сбил шаг, оглянулся (честное слово, я ощутил это спиной!) и окликнул меня:

- Пацан, погоди.

- Да? - я обернулся тоже.

Витёк смотрел на меня в упор. И глаза у него были НЕХОРОШИЕ. ОЧЕНЬ.

- Знаешь, пацан, а ведь я тебя где-то видел, - медленно сказал он.

- А? - удивился я. И улыбнулся, превращая всё в шутку. - Очень может быть, я там часто бываю.

- Витёк, чего ты застрял? - негромко окликнул его Сергеич, остановившийся уже у самой открытой двери. - Слушай, тут открыто... - он ещё больше понизил голос, слова прозвучали растерянно.

- Погоди, Сергеич, - голос Витька звучал уже откровенно угрожающе. - Тут у нас дятел залетел... Стукнул, пацан?

Не помню, испугался я, или нет. Но, когда он полез под куртку, мне не пришлось даже думать - тело всё сделало само.

Здорово, что наше поколение - акселераты. Я весил если не столько же, сколько Витёк, то немногим меньше. И, едва он достал свою "пушку" - сперва мне показалось, что это большой пистолет - я перехватил его руку в запястье и швырнул через себя. Несобранно падая, Витёк гулко ухнул, а этот пистолет... остался у меня в руке.

Сергеич поворачивался ко мне, его лицо застыло, как маска, в правой руке с коротким щелчком сверкнуло длинное прямое лезвие, на конце которого зажглась жёлтая искра. Бандит видел у меня в руке оружие, но, кажется, был уверен, что я им не воспользуюсь. Если честно, мне тоже так казалось - выстрелить в человека даже в такой ситуации я не мог.

- Брось дуру, пацан, - тихо, спокойно сказал Сергеич, делая шаг ко мне. - Витёк, вставай, быстро...

Не знаю, что получилось бы у нас дальше, не появился в этот момент четвёртое действующее лицо - обитатель 51-го номера. Он выскочил из двери, держа в левой руке объёмистую джинсовую сумку, а в правой...

В правой у него был пистолет. И, раньше чем Сергеич успел повернуться к нему, кулак с этим самым пистолетом ударил бандита в затылок.

- Хрук... - сказал Сергеич, сядя под стенку и задумчиво свесив голову на бок. Витёк поспешно прижался к полу и сделал вид, что тоже потерял сознание.

Парень бросил на меня короткий взгляд и, перескочив через ноги Сергеича, оказался рядом.

- Бежим, скорее, - скомандовал он. Я успел ещё удивиться - он говорил без акцента, а ведь эти двое упоминали: иностранец, мол...

- Ментов надо вызвать, - выдавил я, всё ещё не вполне понимая, что к чему.

Мой новый знакомый замотал головой - так, что волосы взлетели веером:

- Нет, нельзя! Бежим, я не могу вызывать власти!

Все мои подозрения вырвались на волю с новой силой. Что если он всё-таки бандит? Тем временем он уже убежал по коридору, на ходу пряча пистолет под рубашку.

В гостинице мне всё равно было нечего делать - я припустил следом со всех ног. Мы ссыпались по лестнице и, проскочив вестибюль, выбежали на улицу. Только теперь я заметил, что всё ещё держу в руке оружие - оно оказалось не пистолетом, а обрезом ижевской шестизарядной "помпы" 12-го калибра, без приклада и части ствола.

Сам не знаю, почему я последовал за этим парнем, когда он со всех ног побежал за гостиницу, в её двор, доставая из кармана джинсов какой-то небольшой предмет, похожий на микрокалькулятор. По идее, мне надо было драпать в другую сторону, домой, но я следовал за ним, как хвост.

Во дворе стояла техника постояльцев - несколько легковушек и мотоцикл. Не знаю, какой марки, но, похоже, мощный и проходимый - на широких колёсах, свинцового цвета.

Не добегая, парень вытянул в сторону мотоцикла руку с "калькулятором", и я услышал еле-еле донёсшийся щелчок. Ага, дистанционка...

Явно спеша, но не суетливо, он начал пристраивать сумку на плоскую решётку багажника. Не поворачиваясь, спросил быстро:

- Слушай, мне надо на пару дней куда-нибудь скрыться. Слово чести, я не бандит и не убийца. Помоги.

Несколько секунд я думал. Точнее не думал, а просто оцепенело молчал, потому что знал, как отвечу. Как ответил бы любой нормальный парень на моём месте...

- Едем, я покажу.

У ворот к нам метнулась тёмная фигура, словно в фильме ужасов мелькнули вытянутые руки со скрюченными пальцами... Парень ловко выкинул ногу вперёд, послышался вопль, гулкий лязг железа... Мотоцикл вильнул, почти лёг набок, выправился, срезал угол тротуара, проскочил под фонарём и пропал в окончательно сгустившейся темноте улицы...

...Колбаса меня не дождалась. Пока мой постоялец закатывал во двор мотоцикл и закрывал, путаясь со щеколдой, калитку, я прошёл на кухню и обнаружил, что забыл её на столе, а лишних два часа жары сделали своё чёрное дело. Чертыхнувшись, я убрал маргарин (деформировавшийся в лепёшку, кстати) в морозилку, вышел на заднее крыльцо и швырнул колбасу Геббельсу - тот поймал кусок на лету.

Неожиданный гость уже поднялся на крыльцо, с интересом осматриваясь по сторонам. Сумку он тащил с собой и, остановившись на крыльце, осведомился:

- Можно войти?

- Не на улице же я тебя оставляю, - буркнул я, поднимая с диванчика, стоявшего на веранде, обрез. Всю жизнь мечтал иметь настоящее оружие. получил, здрасьте - наверняка "палёную" бандитскую "дуру"!

- Я прошу простить, - сказал он, входя, - я понимаю, что моё вторжение не очень приятно... но я на нём не настаивал.

В переводе на нормальный русский язык это звучало так: "Ты меня сам сюда притащил." Мысленно признав его правоту, я протянул ладонь:

- Андрей. Лобанов.

- Антон, - тут же ответил он, резко встряхивая мою руку. Рукопожатие у него оказалось коротким и крепким, как тиски. И было видно, что он не силу показывал, как многие стараются сделать при первом знакомстве. - Я правда чувствую себя неудобно... Твои родители не будут против, что ты привёл незнакомого?

- Я живу с матерью, её сейчас нет. И ещё три недели не будет.

- А-а... - протянул он. Как мне показалось - облегчённо...

...Антон отказался от еды и лишь спросил, где у меня душ. Когда я ответил, что во дворе и воды для него надо ещё натаскать, а уже поздно - моргнул, неуверенно улыбнулся и поинтересовался, где ему лечь. Если честно, я сам хотел спать больше, чем жить, поэтому лишь обрадовался такому вопросу.

- Я сейчас Геббельса отпущу, - предупредил я Антона, который сидел на диване и стаскивал сапоги, с интересом рассматривая корешки книг в шкафу.

- Геббельса? - удивлённо посмотрел он на меня.

- Собаку мою. - пояснил я. - Ты ночью на улицу не высовывайся, сожрёт и фамилии не спросит!

Взгляд Антона из удивлённого стал странным, настороженным:

- Зачем мне ночью выходить на улицу? - равнодушно спросил он.

Глава 4.

- Андрей... Андрей...

- Я всё куплю, мам, - быстро сказал я, переворачиваясь на другой бок, чтобы поймать ускользнувший сон. - Ты иди, всё сделаю, пока...

- Андрей... - меня легко, но настойчиво тряхнули за плечо.

- Ма, каникулы! - уже обиженно и сердито дёрнулся я под простыней.

- Андрей... - потряхиванье повторилось.

Только теперь до меня дошло, что зовёт меня не мамин, незнакомый мальчишеский голос. Следующей моей мыслью было воспоминание о вечерней переделке и неожиданном госте.

Я открыл глаза и сел в постели.

"Избушка на курьих ножках" - мой будильник - показывала всего пять тринадцать! За окнами ещё еле-еле рассвело, птицы, и те ещё не начали драть глотки! Я почувствовал, что злюсь, и с каждой секундой сильнее - хорошо началось утро!

Разбудил меня, конечно же, Антон. Не было его тут - и не надо, я раньше восьми вставать не собирался! Но сейчас он сидел на краю моей постели с весьма обеспокоенным лицом. Очевидно, тоже только-только проснулся, потому что был в одних трусах и босиком, волосы спутаны.

- Извини, но я никак не могу найти туалет, - вздохнул он и провёл ладонью по волосам.

- Во дворе налево, - я зевнул и, отбросив простыню, спустил ноги на пол. - Пошли, поддержи Геббельса...

И тут до меня дошло, ЧТО он никак не мог, видите ли, найти. У меня в доме, в частном особнячке, построенном в начале 60-х. Дураку же ясно, где в таком случае находится туалет! Если бы он разбудил меня и попросил придержать собаку, всё было бы логично. Но...

Очевидно, он прочёл ошарашенность в моём взгляде, потому что весь подобрался. А я, не спуская с него взгляда, сказал:

- Так ты и правда иностранец... Поляк, что ли? Или болгарин?

- Почему? - тихо спросил он, вставая. Бесшумно отошёл к окну, встал ко мне лицом. Руками за спиной нашарил подоконник, оперся.

- Ну... - я сделал в воздухе неопределённый жест рукой. - Антон... Или чех, что ли?

Антон вздохнул. Поставил ногу за ногу. Поднял голову.

- Меня зовут Энтони Джеральд Спенсер Колвилл, младший граф Мерсисайд.

...Помнится, я сказал одно-единственное слово, очень точно отражавшее моё настроение. Я сказал:

- Дурдом...

Это вовсе не значило, что я не поверил. Наоборот! Поверил, сразу! Почему? Не знаю... Наверное, потому что всегда мечтал о приключениях, а при одних этих словах - "Энтони Джеральд Спенсер Колвилл, младший граф Мерсисайд" - повеяло Кипплингом, Хайнлайном, "Первым рыцарем" и сериалом про Горца.

Короче, я поверил разом, как прыгают в холодную воду. Но иных слов, кроме "дурдом" у меня не нашлось. Зато нашёлся вопрос:

- А эти... Сергеич и Витёк... Они кто?

- Если бы я знал, - вздохнул Ан... Энтони. - Прицепились ко мне в Санкт-Петербурге. Я думал, что стряхну их с себя - не поехал на поезде, рванул сюда на мотоцикле. Догнали, хитрые...

- А что им нужно? - быстро спросил я. - Тоже не знаешь?

Энтони посмотрел на меня в упор, не мигая. Я не отвёл взгляда, и он медленно сказал:

- Нет. Как раз это я знаю.

Потом тронул кассеты в стойке, отведя взгляд. Длинно вздохнул - и словно на что-то решился:

- Знаешь, что?... Давай сейчас ты всё-таки поддержишь своего Геббельса, а то я и лопнуть могу... Потом, если ты это не сочтёшь за наглость, мы что-нибудь поедем. А потом я тебе всё расскажу. Ну а уж ты сам решишь.

- Что... решу? - осторожно спросил я. Энтони снова вздохнул и сказал:

- Сможешь ли ты мне помочь. И захочешь ли...

...Не очень приятно развивать "туалетную" тему, но куда денешься? Пока я привязывал Геббельса, Энтони нашёл "совмещённый санузел" - там располагались и душ, про который я говорил вчера вечером, и хранилищем зерна для кур (которых сейчас всё равно не было). И вернулся он оттуда какой-то растерянный:

- Послушай, разве нельзя провести канализацию? - спросил он, заглянув в кухню, где я пытался приготовить подобие завтрака. Вопрос меня разозлил не меньше, чем злит реклама разных средств для чистки этих самых туалетов. Я резко поставил на плиту сковородку и повернулся к англичанину:

- Слушай, ты... - тщательно выговаривая слова, сказал я. Глаза Энтони стали недоумённо-тревожными. - Моя мать - учитель. Просто учитель в школе. Ты знаешь, сколько она получает в пересчёте на ваши деньги? Чуть больше ста фунтов в месяц, понял?! У вас даже чернорабочие, всякие там пакистанцы, больше получают, да? А мы на эти деньги вдвоём живём!

- У тебя нет отца? - тихо и сочувственно спросил Энтони. Я мотнул головой, помедлил и объяснил:

- Он есть, конечно. И даже алименты платит... знаешь, что такое алименты? Но с нами не живёт уже пять лет. Мать развелась.

- Не сошлись характерами?

- Почти, - усмехнулся я через силу. - Он пил по-чёрному.

- По... чёрному?

- В лоск, в стельку, в дребадан, до чёртиков, до визга. Здорово, значит.

Энтони медленно наклонил голову. Как-то странно посмотрел по сторонам и вышел, но вернулся ещё до того, как я успел вновь заняться завтраком. В руке он держал тугой свёрток.

- Держи, - англичанин протянул этот свёрток мне, и только теперь я увидел, что это деньги! Банковская упаковка из ста сторублёвок нового образца¹, свёрнутая в рулончик! - Держи, это... тебе.

Я почувствовал, что кровь бросилась мне в лицо, и услышал свой собственный хриплый, незнакомый голос:

- Не возьму...

Сколько раз я мечтал о больших деньгах! Честно, мечтал и не стыжусь в этом признаться. Да и сейчас у меня было не густо, чтобы мама могла отдохнуть - первый раз за четыре года! - мы соскребли всё... Но взять эти десять тысяч из руки Энтони я не мог. Более того - я чувствовал, что сейчас будет драка...

Кажется, Энтони это понял тоже. Он небрежно швырнул деньги на табурет и улыбнулся, но не оскорбительно, а виновато:

- Погоди, послушай, Андрей... Ты меня спас. Кроме того, я ведь живу у тебя.

И собираюсь есть твои продукты, так что...

- У нас за это денег не берут! - выкрикнул я. Сейчас, пожалуй, мне были понятны делавшие революцию большевики, их неприязнь к дворянам...

- Погоди, - снова сказал Энтони. - Хорошо. Я понял. Прости, пожалуйста.

Но деньги всё-таки возьми... Да погоди же! - выкрикнул он, увидев, что я снова открываю рот. И засмеялся: - До чего же ты упрямый, прямо шотландец! Я оставляю тебе эти деньги, как плату за работу. Сложную и, возможно, опасную. Только тогда ты уже не сможешь от неё отказаться, контракт, даже устный, для нас - англосаксов - свято. А мы тоже упрямые.

- Предлагаешь мне быть чёрным проводником при белом охотнике? - злость проходила. - Как на сафари?

- Н-ну-у... - кажется, Энтони не нашёл, что ответить. И пожал плечами: - Хотя бы. Ты берёшь деньги?

- Не раньше, чем услышу, что это за работа такая.

- Я всё расскажу, - пообещал Энтони. И выделил одно слово - ВСЁ.
- Тогда и будем говорить... А сейчас, если не трудно, подай масло из холодильника. И не ищи "стинол", холодильник - это вон тот гроб в углу.

- Старые аппараты надёжнее, - совершенно серьёзно ответил Энтони...
...Вермишель с мясной тушёнкой и кетчупом выглядела не слишком аппетитно. Я-то знал, что она вкусная, но как убедить в этом нормального иностранца? Тем более, что Энтони посматривал на вермишель с подозрением... Ничего, съест, они в своих "макдональдсах" и не такую гадость лопают!

- Первый принцип любой готовки, - ободряюще заметил я, кладя рядом с тарелками вилки, - что получилось - то и хотели. Апельсинового сока нет. Чай будешь?

- Конечно, - я взялся за чайник с заваркой, но Энтони остановил меня:

- Это что?

- Заварка, - ответил я слегка растерянно. Англичанин вздохнул:

- Я так и знал. Оставь, я сам потом заварю. КАК НАДО...

...Довольно странно было сидеть с ним за одним столом. Приходилось всё время напоминать себе, что этот парень, который ест мою вермишель - графский сын. Ничего такого "графского" в нём не было. Разве что он не клал локти на стол, зато с энтузиазмом слизывал кетчуп с вилки.

- А у тебя есть... отец? - осторожно спросил я. - В смысле - сейчас?

- Конечно, - Энтони вроде бы удивился.

- А кем он работает?

- Он не работает, он служит. Он подполковник, офицер Мерсийского полка Её Величества... Вот, смотри, - он чуть выдвинулся из-за стола и показал трусы. Слева на бедре чёрным, алым и золотом был наштампован какой-то герб: двухглавый орёл, как у нас, только обе головы - под одной большой зубчатой короной. - Это эмблема отцовского полка. У отца Крест Виктории за Фолкленды, он был тогда совсем молодым лейтенантом и высаживался у Гус-Грин. Аргентинцы стреляли, зенитчики не прикрыли десант вовремя, но люди отца всё равно не легли. В снег, при сильном ветре, они поднялись на высоты и заставили врага замолчать. Её Величество лично награждали отца!

Я не очень-то много знал о Фолклендской войне 1982 года, но в словах Энтони прозвучала отчётливо гордость за отца, и я позавидовал про себя...

- А во время "Бури в пустыне", - Энтони помрачнел, - отца ранило. Эти идиоты, янки, выпустили ракету по отцовскому "Султану"... это такая машина, передвижной командный пункт. Их чёртова техника ошиблась в опознании цели... троих наших разнесло в куски, а водителя оглушило, так отец с разорванным бедром, истекая кровью, вытащил его и только тогда потерял сознание... Знаешь, - Энтони вдруг засмеялся, - а компенсацию он не взял! Отослал чек обратно и приписал: "Графы Мерсисайд отдают свою кровь Богу, Королеве и Отечеству, но никогда не торгуют ею!"

Это звучало, как строчка из учебника истории. Однако я был уверен - Энтони говорит правду.

- А ты сам кем хочешь стать? - поинтересовался я. Энтони удивлённо посмотрел на меня - словно я спросил, есть ли у него голова.

- Военным, конечно!

- Понимаю, традиция... - кивнул я. Энтони помедлил, словно не был уверен, надо ли мне это говорить. И всё-таки сказал:

- Конечно... Но не только. Ты не читал Хайнлайна?

Хайнлайн был у меня почти весь. И мне он казался лучшим из западных фантастов. Поэтому я кивнул:

- Он мне очень нравится.

- Мне тоже. В его "Звёздной пехоте" есть такие слова... сейчас, подожди...

- Энтони отложил вилку и потёр лоб. - А, вот! "Высшее счастье, о котором только может мечтать мужчина - это заслонить своим смертным телом родной дом от того

опустошения, которое приносит война." Я хочу быть военным, чтобы служить Англии - моей Родине.

Я задумался.

- У нас сейчас непопулярно быть военным. А многие вообще говорят, что военные даром едят свой хлеб, ведь на нашу страну никто не собирается нападать...

- У нас так тоже многие говорят, - кивнул Энтони. - Отец всегда смеётся.

И отвечает, что, когда соберутся, то едва ли предупредят. И тогда уже поздно будет готовиться. А те, кто в дни мира больше всех клянут армию, в дни войны больше всех скулят, чтобы их защитили. Но вы у себя слишком уж ругаете армию. Поэтому проиграли Чечне.

Я почувствовал, как снова ошестиниваюсь против воли:

- Наши храбро сражались, ты просто не знаешь!

- Знаю и не спору, отец тоже так говорит. Но ваши люди не понимали, зачем эта война. А ваши газеты и телевидение открыто помогали чеченцам. Кто же во время войны разрешает выступать пацифистам?

- Твой отец их тоже не любит?

- Презирает, - твёрдо ответил Энтони. - Он говорит, что пацифисты больше, чем трусы. Это трусы, которые хотят, чтобы их уважали за трусость, как идейных борцов с насилием.

Я невольно подумал, что, учись Энтони у нас в школе, не видать бы ему пятёрки по биологии, как своих ушек. Наш биолог - как раз идейный противник любого насилия, и ничего ему против не скажи - сдонжит, как моя бабка говорит, со свету сживёт! Но ещё я подумал, что Энтони вряд ли стал бы молчать даже ради пятёрки. Похоже, он не такой.

- А ты кем мечтаешь стать? - спросил Энтони, снова берясь за вилку.

- Историком.

Так и не донеся вилки до рта, англичанин положил её обратно и уставился на меня, словно я сказал что-то странное. Потом почесал нос, смешно сморщил его и сказал:

- Очень удачно. Очень!

Глава 5.

На мой взгляд чай, заваренный Энтони, пить было невозможно - слишком крепкий, да ещё и с молоком. Но Энтони совершенно спокойно выпил обе чашки и спросил:

- Какая фирма?

- Чёрт его знает, - я уже сгорал от нетерпения услышать рассказ Энтони и меня совершенно не интересовала фирменная принадлежность моего чая. - "Майский Чай", по моему...

- Покупай только "Липтон", - посоветовал Энтони совершенно серьёзно. Я поклонился:

- Непременно последую вашему любезному совету, сэр.

Англичанин засмеялся и хлопнул меня по плечу - довольно крепко:

- Прости... Ну, где удобней устроиться? Рассказ долгий...

- Пошли ко мне в комнату, - я махнул рукой.

Но в комнате Энтони первым делом обратил внимание на мой кассетник. И поморщился, чем меня страшно оскорбил. Магнитофончик у меня был не какой-нибудь "Фунай" или "Кансай", а настоящая японская "сонька", я на него в прошлом году сам заработал. Ясно, конечно - дворянство, всё такое, собственный замок (кстати, не спросил, есть ли он?), но "Сони" и в Африке "Сони". Я прямо так Энтони и сказал.

- Прости, не имел в виду ничего плохого, - Энтони устроился в кресле, обхватив руками поднятое колено. - Ну и жара... Магнитофон хороший. Просто наша семья не покупает ничего японского.

- Ещё новости, почему?! - поразился я.

- Мой дед Роберт командовал партизанским отрядом в Бирме, когда японцы захватили её. В 1942 году его схватили, пытали в кемпетах и обезглавили. Кемпетах - это... - начал он, но я прервал:

- Японская тайная полиция, я знаю.

- Да. С тех пор... ну, ты понимаешь.

Понимал ли я? Не знаю... Зимой я носил хорошую немецкую куртку, а дед мой был в немецком лагере для военнопленных. И жив остался чудом. Я хотел сказать об этом Энтони, но не решился...

- Так какую работу ты мне хотел предложить? - напомнил я, устраиваясь на неубранной кровати. - Я слушаю.

Энтони сплёл вместе пальцы и хрустнул ими. Потом подогнул под себя ногу. С сомнением посмотрел на меня, словно всё-таки не был уверен, можно ли мне доверять. Кивнул, отвечая на какой-то внутренний вопрос. И заговорил - не очень громко, глядя в стену сбоку от меня...

- Наш род - очень древний. Первый Колвилл документально зафиксирован в хрониках, относящихся примерно к середине XII века, но, по косвенным сведениям, среди наших предков были короли ещё донормандской Мерсии Пенда, Оффа и Бургред, а это уже VI-VIII века... Почти все мужчины в нашем роду служили Британии с оружием в руках. Бои с викингами, потом с норманнами и уже за норманнов, крестовые походы... Вот в 1221 году один из Колвиллов, графов Мерсисайд, присоединился к герцогу Людвигу Баварскому, который повёл рыцарей на помощь воинам 5-го крестового похода, которые только-только взяли штурмом крепость Дамьетту в Египте. Но 5-й крестовый поход окончился для европейцев неудачно. Разлился Нил, войска султана Аль Камила напали на армию крестоносцев возле Мансуры и разбили её, а потом отбили Дамьетту... Но моему предку было всего семнадцать лет, он стал рыцарем совсем недавно и хотел и дальше сражаться с неверными... Кстати! - Энтони щёлкнул пальцами. - Его звали так же, как и меня - Энтони. Сэр Энтони... Короче говоря, он долго пробыл на Востоке, а в 1228 году присоединился к Фридриху II, императору Германии, начавшему 6-й крестовый поход... После окончания похода сэр Энтони просто исчез.

Насколько я мог судить, история по тем временам самая обычная. Если меня что и заинтересовало - так это поразительная осведомлённость Энтони о "делах давно минувших дней". Я-то лично не знал, кем был мой прадед! Хотя это и не причина для гордости... Очевидно, Энтони заметил, что рассказ не слишком меня заинтересовал, потому что поспешно продолжил:

- Но дальше! В 1242 году в наш замок пришло письмо. Его привёз вернувшийся из вашего плена шотландский рыцарь, он сражался против Александра Невского... я вот не помню - где...

- Чудское Озеро, - подсказал я заученно. - 5 апреля 1242 года, Ледовое побоище.

- Наверное. Короче говоря, шотландец это письмо завёз по дороге домой. До нашего времени не дошёл рассказ о том, как письмо попало к нему, кто дал его в плену шотландцу, но только письмо было написано сэром Энтони! Написано в 1237 году, на территории Руси, в Рязанском Герцогстве!

- Княжестве, - поправил я. Энтони кивнул:

- Ну да... За те восемь лет, что прошли между окончанием 6-го крестового похода и написанием письма, сэр Энтони каким-то образом оказался у вас! Но даже это само по себе совершенно неинтересно в сравнении с тем, что он пишет!

Энтони вскочил и выбежал из комнаты. Я даже не успел ничего подумать, как он уже влетел обратно, неся в руке несколько листочков плотной бумаги. Англичанин плюхнулся рядом со мной и бросил эти листки мне на колени:

- Вот! Это то самое письмо! Ну, конечно, не оригинал, а ксерокопия, оригинал хранится у нас дома...

Я с интересом посмотрел на цветные ксерокопии. Написано было ярко-чёрными

чернилами, крупно, разборчиво, и буквы узнавались легко, но, как я не пытался прочесть, ничего не получалось, хотя английский я знал неплохо.

- Это что, староанглийский? - спросил я наконец, отчаявшись прочесть хоть словечко. Энтони секунду непонимающе глядел на меня, потом вздохнул:

- Фух! Это не английский вообще, это латынь!

- А, ну, конечно, - ядовито буркнул я, - как это я не догадался... Отвык, наверное, уже три дня ничего по латыни не читал...

- Да я переведу, всё нормально, - Энтони забрал листки. - Сэр Энтони был грамотным, одно время учился в бенедиктинском монастыре. Тогда немногие умели писать и читать, даже короли могли были неграмотными...

- У нас грамотных было много, - возразил я. - А в Новгороде, на севере - почти все. Даже простые люди.

Энтони посмотрел на меня немного обиженно, но спорить не стал и вообще замял эту тему. Держа листки на колене, он начал довольно медленно, с запинками переводить. Ещё бы - ведь ему нужно было сначала перевести в уме с латыни на английский, а потом ещё с английского на русский...

Вот что я услышал...

Дорогая моя матушка!

Пишу эти строки с прискорбием и тоскою. Смерть моя близко, но не она меня страшит - я умру, как подобает рыцарю и христианину - а мысль, что более не увижу я ни белых скал на берегах нашей весёлой Англии, ни нашего замка, ни вас. Утешаюсь тем, что гибну за христианское дело и спешу пересказать обстоятельства своей гибели.

Вам уж, верно, известно, какой неудачей окончился наш поход в Святую Землю. Неверные владеют Иерусалимом, и не вижу я силы на одоление их - разве что Господь наш в своей милости пошлёт ангела с огненным мечом и поразит нечестивые полчища своим гневом. На что надежды мало, ибо ордена, поставленные охранять дело Христа на Вос-токе, погрязли в склоках, интригах, разврате и беспутстве.

Впрочем, мне грешно жаловаться. В неудачах похода обрёл я величайшее сокровище на земле.

Простите, матушка, что не вернулся я к вам. Я воин, и воинский долг повёл меня в места, ещё более удалённые от нашей доброй страны, нежели Дамietta и река Нил. Сейчас нахожусь я в войске князя русов Теодора, властителя города Рязань. Мы стоим в крепости, называемой на языке русов Краевая. Крепость расположена к востоку от большой реки Цны, среди лесов и болот. Пишу я это на случай, если придут лучшие времена, и мой прах, коий, по всему судить, останется неуспокоенным, будет разыскан и погребён кем-либо из наших родичей или же слуг в соответствии с верой Христа, спасителя нашего.

Крепость наша расположена на самой границе земель князя Теодора, среди племён мордванов. Они же и доносят нам, что сквозь леса и болота, пользуясь зимней стужей (которая здесь такова, что трескаются деревья!), движутся орды неведомого злобного народа - конечно же, безбожников, неверных, и крепости нашей они никак не минуют. Гонец к князю Теодору будет послан (с ним я и отправляю это пись-мо, весточку вам, матушка!), а мы решили отбиваться, как и положено добрым рыцарям, пока есть возможность. И пасть с честью. Ибо русы, хоть и еретики, но отважны в бою и верны в дружбе - кому, как не мне, знать это!

Пусть всё моё имущество и наш замок переходят моему младшему брату Рэли, в чём сделает заверение отец Примус из часовни Святого Джорджа. Пусть так же мой брат Рэли забудет наши детские ссоры и обиды и не откажет в крове и пище моей несчастной жене Дженне - ради христианского милосердия, рыцарских добродетелей и его давней, хорошо мне известной, хотя и скрываемой им любви к ней. Если же Дженна

пожелает сочетаться с моим братом Рэли законным браком, то пусть подождёт два года. Коли я не вернусь - она вольна в себе. Бог им в помощь.

Прощайте, матушка. Не горюйте обо мне. Жаль только, что обретённое мною сокровище будет похоронено в чужой земле вместе со мной, но, как видно, судьба моя - погибнуть, испытав всё, что может испытать человек. Молитесь о душе моей в праздники и реже вспоминайте в будние дни.

Писано в день Св. Иакова.

Год от Рождества Христова 1237-й.

- Год монгольского нашествия на Русь, - машинально определил я.

Энтони сложил листки, бросил их на постель рядом. На меня он не смотрел, но я видел, что на щеках англичанина горят красные пятна волнения.

- Вот так, - сказал он наконец. - Это письмо читали все в нашем роду. Но никто так и не приехал на Русь, чтобы исполнить последнюю волю сэра Энтони. Отпугивали дороги, опасности, мешали какие-то свои дела, войны... Потом люди стали практичней, да никто уже и не думал об этом письме... Ещё потом англичанину в вашу страну приехать стало вообще невозможно, сам знаешь. А вот мне повезло. Мне было семь лет, когда я впервые прочёл это письмо. Ну и загорелся, как говорят. Да так загорелся, что, как видишь, не поленился даже язык выучить - в полку у отца есть очень хорошие специалисты, всеми тонкостями владеют... В то время у вас как раз шла перестройка... Проще говоря, хочешь верь, хочешь нет, а я приехал сюда найти место, где погиб мой предок. И, по возможности, его останки.

Если честно, затея Энтони показалась мне не трудно- а вообще - невыполнимой. Шесть с половиной веков прошло! Кроме того, мне показалось (и казалось всё сильнее с каждой минутой!), что Энтони не всё рассказал. Я подождал, пока сомнение оформится в мысль и выложил её:

- А ещё ты хочешь найти сокровища. Верно? И те двое жлобов охотятся за тобой по той же причине. Я угадал? Останки едва ли можно найти, что бы ты тут не пел. А вот сокровище... при надлежащей постановке дела - вполне. Так?

Англичанин поднял на меня глаза. Они были грустные, эти глаза. И понимающие.

- Те двое, наверное, тоже так думают... Но я даю слово чести, что не ищу ни золота, ни драгоценностей. Сэр Энтони в самом деле пишет о "величайшем сокровище", но подумай, какое "величайшее сокровище" мог обрести рыцарь в Святой Земле... и без особых затруднений привезти на Русь?

Историю я знал хорошо. Что ни говори - хорошо, поэтому сразу догадался, о чём говорит Энтони. Мне даже жарко стало, ещё жарче, чем было...

- Это... - начал я неверящим голосом. А Энтони тихо и торжественно закончил:

- ... Чаша Святого Грааля, Андрей. Вот что мог назвать крестоносец "величайшим сокровищем"! Вторая после Гроба Господня цель крестовых походов, которая так и не была обретена. И Чаша - где-то тут, в ваших местах. Я уверен в этом.

- Последний крестовый поход... - прошептал я. - Доктор Индиана Джонс... о чёрт! Офигеть... Где тут можно подешёвке купить боевого коня и доспехи?... Ты серьёзно веришь в это?

- Я похож на сумасшедшего? - вместо ответа спросил Энтони.

- Нет, но...

Ты поможешь? - прервал он меня. - Я плохо знаю места, хотя у меня есть карта. И совсем не знаю историю вашего края.

- Я знал, - обречённо сказал я, - я знал, что надо поменьше читать. Надо было как все - смотреть штатовские боевички... а если читать - то Чейза... На дворе, как говорил кот Матроскин, конец двадцатого века, а мне предлагают помочь искать Святой Грааль... Здорово!

Энтони, кажется, понял, что меня "несёт" от неожиданности и нервов. Поэтому он

быстро спросил:

- А как ты меня нашёл? Что вообще там произошло у тебя с этими гадами?

Чтобы отвлечься от абсурдности ситуации, я подробно пересказал всё, что случилось со вчерашнего вечера до того момента, когда Энтони выскочил в коридор гостиницы с пистолетом в руках.

- Кстати, он у тебя газовый? - поинтересовался я. Энтони хмыкнул:

- На кой чёрт мне девчоночьи игрушки?! Это "вальтер" Р.88, девятимиллиметровый полуавтомат.

- Как же ты его протащил через границу? - удивился я.

- Да никак. Я его в Петербурге купил... Хочешь, покажу?

- У меня теперь своя пушка есть, - гордо ответил я, вспомнив о трофейном обрезе.

Энтони кивнул, а потом вдруг спросил:

- Ты веришь в бога?

- Нет, - я удивился такому вопросу, но задал его же в ответ: - А ты?

- Нет, - чуть-чуть смущённо улыбнулся Энтони. И у меня на языке завертелся вопрос, которого он, наверное, ожидал: "За каким же лешим тебе тогда Святой Грааль?" - но я его не задал. Не задал, потому что понял - не за Святым Граалем Энтони приехал в нашу страну. И даже не за гипотетическими костями своего предка-тёзки. А приехал он сюда за тем же, за чем в своё время приехал ТОТ сэр Энтони - за ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ. Энтони хотел приключений, как хотел их я... только у него было больше возможностей эти приключения находить. И мне стало ясно, как глупо будет упустить подвернувшийся наконец-то шанс. Я согласен искать хоть Грааль, хоть Ноев Ковчег, хоть молодильные яблоки... Что угодно, лишь бы ИСКАТЬ! Скажете - глупо? Может быть. Но не для меня! - Но я уверен, - продолжал англичанин тем временем, перебивая мои лихорадочные размышления, - что Святой Грааль существует. Ведь Иисус Христос тоже существовал в реальности... Так ты поможешь мне?

Я всё-таки не удержался от ехидства:

- Решил за большие деньги купить себе русского друга?

Сказал - и прикусил язык. Но Энтони, похоже, не обиделся. Он лишь спокойно ответил:

- Нельзя покупать друга за деньги. Можно купить себе предателя... Считай, что я нанимаю проводника. Договорились? - он протянул руку.

Я не стал набивать себе цену - и пожал протянутую ладонь. В этот момент (да простится мне!) я подумал только - до чего удачно, что мамы нет и ещё долго не будет!

- Сумма оплаты достаточная? - по-деловому осведомился Энтони. Похоже, он не шутил, и я кивнул, ответив так же серьёзно:

- Вполне... Давай-ка вот что. Давай сначала всё-таки выясним, как к тебе на хвост прицепилась эта крутая парочка?

- Совершенно не представляю, - англичанин вздохнул. - Просто мистика!

- Так-таки не представляешь? - продолжал допытываться я. - Может, это какие знакомые твоего отца?

- Буллит! - фыркнул Энтони - я впервые услышал от него внятное слово на родном языке. - Чуть, не может быть у отца таких знакомых!

- Ну, может у кого из родственников...

- Да нет же... хотя... - Энтони почесал нос, поморщился. - Нет, это глупости...

- Что такое? - насторожился я. - Выкладывай, а там посмотрим, глупости это, или нет!

- Да понимаешь, - юный граф выглядел смущённым, - я о своей затее никому толком не рассказывал. Родные думают, что я в лодочном туре на Амазонке... вот... ТОЛКОМ не рассказывал, понимаешь?

- Ясно. А не толком? - нетерпеливо поправил я.

- А не толком - у нас служил... у отца, то есть... личный шофёр, сержант Уилбоу. Я к нему несколько раз обращался за консультациями.

- За какими консультациями?

- Ну, он в армии уже шестнадцать лет прослужил. В своё время три года был в Специальной Воздушной Службе², специализировался по России... по СССР. Я ему и рассказал.

- Много? - спросил я ядовито. Энтони поспешно мотнул головой:

- Нет, что ты! - потом задумался и добавил: - Почти всё.

- Ты уверен, что он надёжный человек? - любопытствовал я. Англичанин смотрел в угол:

- Ну... Был уверен. А сейчас, когда ты спросил, вспомнил... Он уволился месяц назад. Так странно... Понимаешь, он всегда говорил, что на гражданке у него ничего и никого, собирался выслужить двадцать два года и выйти с полной пенсией, и вдруг... Я тогда как-то и не задумался... Я ведь ему даже сказал, когда еду... ну, приблизительно. И письмо показал.

- Приятно... - буркнул я. - Высший кайф! Я это дело понимаю так - он решил пенсию не выслуживать, а разом обеспечить и себя, и... говоришь, он не семейный? Значит, себя получше... Одно утешает - с этим "командосом" нам дела иметь явно не придётся.

- Почему? - удивился Энтони.

- Подумай сам. Приехал он сюда. Наверное, снюхался с этой гнилой парочкой, страна-то всё-таки не ваша, а наша... Должно быть, рассказал им всё...

- Всё? - я увидел, что губы Энтони плотно сжались, а глаза стали злыми.

- Конечно, иначе сам подумай, как они тебя ухитрились от Санкт-Петербурга вести? По дороге, что ли, за тобой ехали? Пока ты сюда на мотоцикле пилил, они в купе сидели и над тобой, дурачком, смеялись... Ты ведь сразу собрался в Фирсанов?

- Ну да, - Энтони кивнул. - Мы с Уилбоу смотрели генштабовскую карту, и я ещё сказал, что этот городок, похоже, больше всего соответствует координатам в письме. И остановиться там есть где... ну, вроде базы для поисков.

- Точно. А сержант твой, наверное, уже где-нибудь в отстойнике с булыжником на шее. Чистить будут - найдут. Года через три... И тебя они тоже туда собирались, чтобы не мешал честно богатеть на поисках клада...

- Да нет же никакого клада! - крикнул Энтони. Он был бледен. - Я же сказал...

- Это для тебя нет, - возразил я. - Каждый думает, что люди все таковы, как он сам. Ты прочитал и подумал про Святой Грааль. А твой сержант... может, про сокровище князя Фёдора? Про этих ублюдков я и вообще не говорю.

- Не верю, что они убили Уилбоу, - упрямо сказал Энтони. - Он таких на хлеб мазал и за чаем вприкуску трескал. Серьёзно. Ты его не видел.

- Может, и не убили, - отмахнулся я. - Может, он просто продал им все сведения за хорошие бабки, чтобы не таскаться по чужой стране. Это не важно, в любом случае мы твоего сержанта никогда больше не встретим... ты не встретишь больше, а я и в первый раз не жажду. Важно другое - Сергеич и Витёк знают всё, что знаешь ты.

- Не всё, - вдруг сказал Энтони и звучно щёлкнул пальцами. - Подумай, почему они сидели и ждали меня вместо того, чтобы самим попытаться найти клад? У них же месяц был!

- Не хотели мозги трудить, - предположил я. Энтони засмеялся:

- Может и это тоже! Но самое главное - они, клянусь честью, считают, что у меня есть какие-то сведения, точные указания относительно местонахождения клада!

- То-очно... - протянул я. - Нет, всё верно! Они говорили про какие-то бумаги... я думал - это про письмо, но раз сержант им всё рассказал...

- Возможно, даже снял копию, это нетрудно, - добавил Энтони.

- Тем более... Значит, письмо-то им и не требуется. Им нужен твой багаж, - я кивнул на сумку, видневшуюся за дверью. И похолодел.

История с кладом неожиданно обернулась очень и очень опасной стороной. Если бумаг у Энтони нет никаких, то нам и близко нельзя встречаться с бандитами! Они этому всё равно не поверят (ещё бы, такой облом!) - и даже подумать страшно, что сделают, схватив англичанина!

Однако Энтони на эти мои соображения отреагировал с ледяным высокомерием:

- Не хватало мне ещё бояться этих ублюдков, - процедил он. - Просто надо быстрее начать искать, и всё тут. Теперь нас двое, мы вооружены - они просто ничего не посмеют сделать!

Хотел бы я разделять его уверенность... Несомненно одно - они станут осторожнее. Но это как раз ещё хуже... Чтобы перебить неприятные мысли, я спросил:

- А с чего ты, собственно, собираешься начинать? Ты знаешь, какая у Цны протяжённость? Как ваша Англия с севера на юг. Или с юга на север, как хочешь. И никаких точных координат. Будешь шарить отсюда и до Уральского хребта?

Но мой вопрос оказался "не в кассу". Об этом англичанин, очевидно, уже думал.

- У нас есть точка привязки. У русских это, кажется, называется "танцевать от печки"? Крепость Краевая - поставим своей задачей найти её или место, где она стояла.

Я мельком подумал, что мой наниматель отнюдь не дурак. Но в то же время - я про такую крепость никогда не слышал. Правда, мой авторитет в истории пока не так чтобы велик...

Кажется, Энтони догадался о моих сомнениях.

- Не знаешь такую крепость, да?

- Н-не слышал... - промямлил я. - Есть вообще-то один человек, который может нам здорово помочь... но его нет.

- Ерунда какая-то, - сердито сказал Энтони. - Я думал, что хорошо знаю русский! ЕСТЬ?! Или всё-таки НЕТ?!

- Он **ВООБЩЕ** есть, - пояснил я. - Наш историк. Олег Никитович. Но **СЕЙЧАС** его **НЕТ**, он в Тамбове на сессии, - точно мне это было неизвестно и я добавил: - Должен быть, во всяком случае.

- Проверь, - предложил Энтони. - Позвони.

- Алло? - я сделал вид, что набираю номер и слушаю. - Нет у меня телефона.

Лицо англичанина стало непонимающим.

- Как нет телефона?

- Вообще нет! - уже сердито сказал я. - И видака нет, и персонального компьютера, и загранпаспорта! Вы что, милорд, забыли, что приехали в дикую страну с диким народом и отсталой жизнью?! Привыкайте, раз уж в глубинку забрались! А то, блин, в Москве побывают, вернутся домой и расписывают всем Россию!

- Да хватит тебе, - Энтони нахмурился. - Ничего такого я и не думал!

- Проехали, - буркнул я. - Ладно, сходим, проверим. Тут недалеко... Только ты вместо этой рубашки мою майку надень. Выбери там у меня любую... И не сапоги, у нас так никто не ходит. Городок небольшой, зачем светиться?

- Думаешь, они попробуют нас найти? - быстро спросил Энтони.

- А что же им, такое дело на полдороге бросать?

- Верно... Так я посмотрю в шкафу? Где у тебя одежда?...

...Я оделся быстро и вытащил из шкафчика в сених свои кеды. Сперва думал пожертвовать Энтони кроссовки - гость, а ещё и иностранец! - но потом решил, что обойдётся и кедами, тем более, что они вполне прилично выглядят. Пожалуй, даже приличней, чем кроссовки. Не такие замученные...

Англичанин уже вернулся в мою комнату. Стоял, разглядывая кассеты - салатная майка навыпуск, свои джинсы, босиком. Я протянул ему кеды:

- Пойдёт?

Он кивнул, даже толком не взглянув. Что уж его так заинтересовало в моей небогатой фонотеке? Нашу попсу он, конечно, не знает - и слава богу, я её тоже на дух не переношу... Что там у меня, кроме Высоцкого? Газманов, ДДТ, старые концерты "Мэнсуора", "Любэ", афганские песни... что ещё-то?

- Кто это?

Я обалдел, увидев, что Энтони держит в руках именно кассету Высоцкого - 10-й концерт "Студии Союз". Ответил коротко, понимая, что фамилия всё равно ничего не скажет

Энтони:

- Высоцкий.

- А что он пел?

- Да разное... под гитару, - мне хотелось найти аналогии для пояснения, но никто из английских исполнителей на ум не приходил.

- Кантри?

- Вроде того... - пожалуй, самое близкое сравнение. Мне надоело думать над примерами и я, бесцеремонно забрав кассету, толкнул её в магнитофон. - Да вот, слушай, если интересно...

...Обычно я никогда не оставляю кассету после прослушки не перемотанной на начало. А вот тут как-то получилось, что прослушал "сторону А" и забыл перемотать. Поэтому сам удивился, когда услышал оркестровое сопровождение (оно мне не очень-то нравится, я люблю "чистого" Владимира Семёновича) "Баллады о времени", а потом - непередаваемый, неповторимый никем голос моего любимого певца...

...- Замок временем скрыт и укутан, укрыт
в нежный плед из зелёных побегов,
но... развяжет язык молчаливый гранит -
и холодное прошлое заговорит
о походах, боях и победах...

Глаза Энтони расширились, он не глядя опустил на кровать, нахмурился, вслушиваясь... А Владимир Семёнович после короткого мига тишины снова запел - напористо, яростно:

- Время подвиги эти не стёрло:
оторвать от него верхний пласт
или взять его крепче за горло -
и оно свои тайны отдаст!
Упадут сто замков, и спадут сто оков,
и сойдут сто потов с целой груды веков,
и польются легенды из сотен стихов -
про турниры, осады, про вольных стрелков!
Ты к знакомым мелодиям ухо готовь
и гляди понимающим оком,
потому что любовь - это вечно любовь,
даже в Будущем вашем далёком...

Энтони смотрел на мой японский магнитофон так, словно хотел различить лицо поющего... или увидеть то, о чём пелось. Я его понимал. Мне скучно "балдеть под маг". Но эти баллады я мог слушать без конца, не двигаясь и даже не дыша!

- Звонко лопалась сталь под напором меча...
Тетива от натуги дымилась...
Смерть на копьях сидела, утробно урча,
в грязь валились враги, о пощаде крича,
победившим сдаваясь на милость...

Но не все, оставаясь живыми,
в чистоте сохранили сердца,
защитив своё доброе имя
от заведомой лжи подлеца!
Хорошо, если конь закусил удила
и рука на копьё поудобней легла,
хорошо, если знаешь - откуда стрела,
хуже - если по-подлому, из-за угла!
Мурашки по коже. Честное слово...
- Как у вас там с мерзавцами? Бьют? Поделом!
Ведьмы вас не пугают шабашем?
Но не правда ли - зло называется злом
даже там, в светлом Будущем вашем?!

Сейчас... вот сейчас... Я почувствовал, что сжимаю кулаки в предчувствии этих строк...

- И во веки веков, и во все времена
трус, предатель - всегда презираем!
Враг есть враг, и война - всё равно есть война,
и темница тесна, и свобода одна -
и всегда на неё уповаем!
Время эти понятия не стёрло,
нужно только поднять верхний пласт -
и дымящейся кровью из горла
чувства вечные хлынут на нас!
Ныне, присно, во веки веков, старина -
и цена есть цена, и вина есть вина,
и всегда хорошо, если честь спасена,
если другом надёжно прикрыта спина!
Чистоту, простоту мы у древних берём,
саги, сказки из прошлого тащим,
потому что добро остаётся добром -
в Прошлом. Будущем. И - в Настоящем...

Глава 6.

Я чуть было не поддался на предложение Энтони ехать на его мотоцикле - тачка была классная, что и говорить, я сразу вспомнил ночную гонку... Но это было бы верхом глупости - привлекая всеобщее внимание, гнать на мотоцикле за три квартала, десять минут неспешным пёхом. Энтони не спорил со мной - с интересом посматривал по сторонам, пока я закрывал калитку. Англия, говорят, тоже страна зелёная, но наш Фирсанов полулес и, слава богу, совершенно неокультуренный. Видели мы это "благоустройство" - понавтыкают огрызков с гордым названием "пирамидальные тополя"... Знаем! Ни тени, ни внешнего вида...

На улице было пусто, лишь соседский пёс, обалделый от жары до потери ориентации в пространстве, валялся, тяжело дыша, в тенёчке. Я иногда чувствовал себя виноватым перед

Гербельсом - самая жарынь, а я его - на цепь... если ему дать выйти на улицу, то всё живое разбежится. Он у меня мирный, но ведь попробуй поди-кому докажи! Голову из калитки высунет, и уже говоря: "Больше не надо!"

- Куда идти-то? - Энтони обмахнулся подолом майки, и я заметил чёрный, сумрачный блеск. Свой "вальтер" он засунул за ремень...

- Лучше всего бы - на речку, - честно сказал я. - Ладно, шагаем, тут рядом...

Слушай, у тебя деньги на снаряжение найдутся?

- На какое... а, на туристические? Найдутся... Это что? - Энтони кивнул на контейнеры помойки, не вывозившиеся уже неделю. Вокруг них расплылась живописная лужа.

- Цветник, - спокойно ответил я. - Похоже?

- Нет.

- Тогда чего спрашиваешь?

Энтони покосился на меня и вдруг сказал:

- Тебе очень неприятно и обидно это видеть. Поэтому ты злишься.

- Психолог, - сердито ответил я.

- А песня мне очень понравилась. Даже странно, что так сразу попалась.

- Кассету вчера забыл перемотать.

- Всё равно странно... У вас часто слушают Высоцкого?

- Не очень, - всё ещё сердито ответил я. - Чаше эту... любимую песню чеченских террористов.

- Какую? - очень удивился Энтони.

- "Ах, как хочется вернуться,
ах, как хочется ворваться
в городок!..."

- пропел я. Лицо Энтони осталось удивлённым, он неуверенно усмехнулся и промолчал. Ясно. Урок впредь - помнить, с кем говоришь. Наши приколы тут не катят.

Улица Пушкинская, на которую мы вышли, прямая, как стрела и длинная, на ней стоит моя школа. А историк живёт рядом со школой. Скорей всего, он всё-таки в отъезде. Ну, придём, постучим, в ответ в лоб не стукнут... Надо ещё подумать, под каким соусом это английское чудо подать! Олег Никтович, конечно, хороший мужик. Но он учитель - скажешь, что один (ну, вдвоём!) собираешься в многодневный несанкционированный ни школой, ни родителями поход по отдалённым местам, связанный со вполне реальными опасностями - и можешь ставить на затее крест. А отказываться от этой затеи уже ну совершенно не хочется.

- Разговаривать буду я, - предупредил я Энтони. - Ты помалкивай и делай умное лицо...

- Тише! - англичанин вдруг пригнулся, словно решил поиграть в войну, толкнул меня с тротуара за толстенный вяз и сам прыгнул следом. - Смотри!

От неожиданности я ободрал об этот чёртов вяз локоть и собирался не смотреть, а ругаться. Но тут же заткнулся, так ещё ничего и не сказав, потому что увидел, как по дороге уныло пылят Сергеич и Витёк.

Уныло - именно это первое, что пришло мне в голову. Видок у них был потёртый, пыльный, потный и вообще неинтересный. Похоже, они даже не переругивались. Боковым зрением я заметил движение руки Энтони и прошипел:

- Не смей, ты что?!

Я думал, он полез за пистолетом. Но англичанин посмотрел на меня удивлённо - он смахнул со лба волосы.

Вы когда-нибудь замечали, что так бывает сплошь и рядом: нужен тебе человек - можешь ноги стоптать до подмышек, но его не застанешь. Оттуда он вышел, туда он не

дошёл, а тут вообще не появлялся, хотя ждут уже третью неделю... Но если встреча нежелательная - шаг за ворота, и он тебе навстречу. Вот в полном соответствии с этим правилом бандитская парочка не только пёрла нам навстречу, но ещё и засекла нас, невзирая на то, что мы засели за деревом, как дудаевцы в засаде. Вычислил нас Сергеич - они с Витьком остановились как раз рядом с вязом, за которым мы прятались, только на дороге. Конечно, стоять там не имело ни малейшего смысла. Энтони толкнул меня, и мы вышли на дорогу, остановившись шагах в пяти от бандюг.

Если честно, никакого страха я не испытывал. Во-первых, стоял белый день. Во-вторых, нас было двое. В-третьих, я помнил, как приложил Витька... Короче, я сразу пошёл на обострение отношений:

- Чего надо? Шли мимо - и идите себе.

Витёк аж запыхтел от злости, поглядывая на меня свирепо-многообещающе. Меня же разобрал смех. Честно говоря, не верилось, что он кого-то там где-то там убивал - больно уж киношная у него была рожа. Я и не пытался скрыть, что мне смешно. Сергеич между тем миролюбиво и даже весело сказал:

- Ладно, чего там... Переиграли вы нас, парни. Может, договоримся по-хорошему, а?

- Смотря что вы считаете хорошим, - холодно и настороженно ответил Энтони. - Мне почему-то показалось, что у нас разные об этом представления.

- Прибить кого-нибудь - это у них хорошо, - пояснил я. - Например вдвоём одного. Да ещё неожиданно. Ножом по горлу.

- Ах ты... - Витёк побагровел и отпустил в мой адрес несколько не очень конкретных, но эмоциональных замечаний. Я тоже не остался в долгу. Материться я не люблю, поэтому просто спросил:

- Ты что, ещё не весь пол в гостинице вытер?

- Ах ты... - Витёк явно повторился и шагнул вперёд, но Энтони прикоснулся к майке на животе, и Сергеич понял намёк:

- Ста-ста-ста, - зачастил он, хватая подельника за рукав. - погоди, не лезь.

Ребята не поняли. И мы погорячились. Никакой, как это - конфронтации. Стоп. Предлагаю старое... - он перечеркнул воздух рукой. - Заключим контракт.

- Письменный? - насмешливо спросил я.

- Зачем? - серьёзно осведомился Сергеич. - Хватит слова джентльмена. Ведь хватит?

- Если я его дам, - спокойно ответил Энтони. - А я пока слышал только угрозы и какой-то лепет. Ничего делового.

- Хороший подход. Мы вам не мешаем искать клад...

- Клада нет, - не меняя тона, поправил Энтони. Сергеич улыбнулся:

- А-а, ну да, я понимаю... Короче, мы вам не мешаем. Даже поможем... транспорт там бесплатный, денег немного, если нужда будет, это мы можем, ладно? Потом клад пополам. Фифти-фифти, как у вас говорят, ага?

- У нас так не говорят, - равнодушно сказал Энтони. - Это в Штатах. А клада нет.

- Да я... - вновь вознамерился перевести конфликт из дипломатической стадии в военную Витёк.

- погоди, Вить, - Сергеич сощурился. - Ребята не поняли. Мы ведь можем и в органы стукнуть. Мол на территории Российской Федерации подданный Соединённого Королевства незаконно... понял? А наш несознательный ему продался. За валюту.

Мне захотелось всё-таки им кое-что сказать. И я сказал, но не то, что хотел:

- Хватит чушь пороть. Вас в ОРГАНЫ, как вы выражаетесь, только под конвоем можно доставить. Сами небось даже милицееское отделение по дуге обходите.

Судя по всему, я угадал. Витёк аж скривился, а Сергеич покачал головой:

- Невежливо как...

- Да уж вот так, - вздохнул я. - Телевизор смотрите, наверное? Сейчас вся молодёжь такая. Невоспитанная.

- Ну тогда и по-другому можно, - Сергеич вздохнул. - Грубо, конечно... зато надёжно.

Пойдём мы за вами. По-тихому уйти и не надейтесь, городок весь, как на ладони. Подождём, пока вы клад откопаете. И на его место вас положим. И закопаем опять. Пойдёт? Или лучше всё-таки полюбовно пополам?

- Нету клада, - Энтони улыбался. А мне стало немного страшно. Угроза Сергеича была не такой уж и пустой. Вполне выполнимой... - Ну а уж если захотите пойти за нами - мы оставляем за собой право на активные ответные действия. У нас два ствола, вы об этом помните?

Похоже, если и не помнили раньше, то вспомнили сейчас. И воспоминание оказалось неприятным. Витёк опять выругался.

- Кончай материться, - не выдержал я, - слушать противно!

- А ты подумай, - обратил своё внимание на меня Сергеич, - подумай, парень, как он с той добычи делиться с тобой будет? а то прямо там грохнет тебя какой корягой по башке... И возиться с делёжкой не надо. Ты ему кто? Русское быдло, дикарь...

- Заткнись, - процедил я. Слушать их было пакостно. Как и смотреть на них.

Похоже, терпение наших конкурентов тоже закончилось. Витёк, который всё это время бурчал что-то невнятно-угрожающее, огляделся и достал из кармана выкидной нож. Сергеич сделал то же - не очень охотно, но ловко. Расчёт у них был ясный - стрелять среди бела дня на улице Энтони не станет, а нож - оружие тихое...

Во рту у меня всё пересохло, как в пустыне Сахара в разгар засухи. Но, в конце концов, как говорил наш тренер: "Опасного оружия не бывает, бывают опасные люди," - а того же Витька я уже кидал и довольно легко.

- Убери нож, - не сказал, а приказал я, аж сам удивляясь своему тону и словам. Витёк пригнулся, прошипел:

- Ты на кого прыгаешь, баклан?! - и рассёк воздух перед собой ножом. Как в кино... Но до драки дело так и не дошло. Сергеич вдруг ловко убрал нож и даже улыбнулся:

- Пошли, Вить. Хотели по-хорошему - не вышло. Значит, дальше будем по-плохому. Но не здесь... не здесь...

- Где сержант Уилбоу? - неожиданно спросил Энтони.

- Кто это? - уже через плечо бросил Сергеич. Витёк тоже убрал нож и, выругавшись напоследок покрепче, поспешил за своим напарником и боссом. Энтони не уточнил. Но, когда они отошли подальше, быстро сказал мне:

- Ты был прав, сержанта они убили.

- С чего ты взял? - я всё ещё дрожал внутренне мелкой, нервной дрожью.

- Нож у этого, главного...

- Сергеича.

- Да... Это нож Уилбоу. Он на заказ сделан. Если нажать там выступ сбоку, то лезвие вылетает ярдов на двадцать. Я боялся, что эта тварь выстрелит...

- Мало ли похожих ножей? - я сам предложил идею убийства, но сейчас мне очень хотелось, чтобы она не подтвердилась - это сделало бы нашу историю окончательно серьёзной.

- Монограмма на лезвии, - покачал головой Энтони. Я мог только восхититься про себя - в такой ситуации он ещё рассматривал монограммы на ноже, направленном, между прочим, ему в пузо! - Послушай, Эндрю... можно, я буду тебя так называть?... - я кивнул. - Эндрю... если хочешь - откажись. Дело, кажется, опасней, чем я думал... Те деньги можешь оставить себе. Я как-нибудь один...

Не скажу, что я сразу же возмутился и, ударяя себя в грудь, поклялся в верности. Нет, я ещё с полминуты довольно серьёзно думал, изучая улицу, по которой всё ещё удалялись наши нежеланные знакомые - невольно напоминая о реальной опасности дела. Энтони ждал - спокойно, понимающе и молча.

Во-первых, я не хотел, чтобы англичанин даже заподозрил меня в трусости. А во-вторых, мне делалось тошно при одной только мысли, что трусом меня могут счесть эти двое козлов. Ну и в третьих - где-то в глубине души тихий, но явственный голос шептал, что это и

есть ПРИКЛЮЧЕНИЕ...

- Нет уж, - я тряхнул головой. - Пойду с тобой. Только... разреши и мне называть тебя Антон!

На лице англичанина до смешного отчётливо проступило облегчение - очевидно он боялся, что я всё-таки откажусь и ему придётся идти одному.

- Конечно! - быстро и весело сказал он. - Ну что, мы идём к этому твоему учителю, как его там...

- Олег Никитович, - напомнил я. - Пошли, тут уже рядом. Наверняка его нет дома...

...Жил наш историк в проходном дворе рядом со школой. Вернее, этот двор, может, когда-то и не был проходным - при прежних хозяевах. Вход в школу располагался с другой стороны, что создавало массу неудобств в виде аж двух лишних кварталов определённому проценту учеников - в том числе и мне. Так продолжалось, пока в городе не появился Олег Никитович. Тогда, четыре года назад, он только-только вернулся из армии, из погранвойск, поступил на заочный истфак в Тамбове и устроился работать на освободившееся место историка в нашей школе. Он когда-то сам в ней учился, его там неплохо помнили и взяли на работу охотно. Кое-какие деньги у историка имелись, он купил этот самый дом, переплатив хозяевам - и въехал на новое место жительства.

Первое, что он сделал - прорубил в заборе калитку, уже этим заработав себе начальный капитал уважения. Когда же выяснилось, что он любит историю сам и умеет заставить и других полюбить её, новый историк стал в школе очень популярной фигурой. Популярность его росла ещё и потому, что с ним можно было поболтать "за жизнь" и даже запросто зайти "на огонёк". Раньше я думал, что такие учителя только в книжках бывают... Нет, они у нас в школе хорошие, но... как бы вам сказать... у них у всех какие-то свои заботы. У тех, кто постарше - семьи. А те, кто помоложе, слишком уж помнят, что они - УЧИТЕЛЯ, а мы - УЧЕНИКИ. С такими, кстати, чаще всего, несмотря на их усилия и обращение соответствующее: в смысле - никто их всерьёз не принимает. А вот с Олегом Никитовичем такое не проходит. У нас вначале некоторые горе-остряки пытались его "обломать" или "довести", но как-то так получалось, что через пару минут и тройку фраз весь класс покатывался как раз над ними и они не знали, куда деваться от стыда.

У меня же с учителем был полный контакт как раз на почве истории. Кроме того, Олег Никитович умел хранить чужие тайны. Конечно, насчёт похода ему распространяться не стоит - он тут волей-неволей сообщит...

...Всё это я излагал Энтони, пока мы добирались по жаре до дома Олега Никитовича. Когда же я закончил заочное представление, то спросил с неподдельным интересом:

- А у вас учителя какие?

Энтони ответил не сразу, с запинкой:

- Понимаешь... я учусь в Виндзоре, в публичной школе. У нас преподают даже профессора из Оксфорда и Кембриджа. Но такого нет. Они - сами по себе, мы, ученики, сами по себе...

- А у вас до сих пор применяют телесные наказания? - вспомнил я то, что слышал и читал об английских школах.

- Ну да, - совершенно спокойно ответил англичанин.

- Вот чёрт! - вырвалось у меня. - И старшеклассники дедуют?

- Как? - не понял Энтони.

- Ну, в смысле, лупят младших, всё такое...

- Воспитывают, - уточнил Энтони равнодушно, это его, судя по всему, не трогало. - Человек должен уметь подчиняться, иначе в жизни ему придётся очень плохо. В школе всё делается ради нашей пользы. Если ребёнку дать слишком много свободы, он начинает себя считать центром мира. А потом приходит жизнь с разочарованиями и трагедиями - ну, когда выясняется, что он в этом мире вовсе не главный...

- И тебя били? - всё это никак не укладывалось у меня в голове.

- Редко. Отец меня приучил к дисциплине.

Мне захотелось спросить, колотит ли младших сам Энтони, но в голове возник куда более насущный вопрос:

- Вы ведь отдельно от девчонок учитесь?

- Угу, - судя по короткому ответу, эта статья школьных порядков у Энтони

восторга не вызывала. У меня бы тоже не вызвала... Конечно, девчонки - существа совершенно нелогичные и во многом бестолковые, а в остальном - просто непонятные, но учиться с ними порознь?! Да ещё в закрытой школе?! Кошмар. Настоящий интерес девчонки начали у меня вызывать года два назад, не больше (до этого я их воспринимал, как недоразумение по всем статьям, а зачастую - помеху), но теперь и представить себе было трудно, что можно лишиться ежедневного общества этих существ, до такой степени не похожих на нас, парней. Я проникся к Энтони настоящей жалостью, хотя сейчас у меня не было девчонки. Ну, это история отдельная, трагическая и посторонним малоинтересная. А если и интересная - я не собираюсь ни перед кем выворачиваться наизнанку. Однако, сам я от любопытствования удержаться не смог:

- А ты уже целовался?

- Угу, - снова коротко ответил Энтони. Или этот поцелуй не оставил особо приятных воспоминаний, или англичанин, как и я, не хотел, чтобы в его личные переживания лезли руками без перчаток. Мне надо было заткнуться, а я задал ещё один вопрос - совершенно глупый:

- С кем, с девчонками?

Энтони несколько секунд смотрел на меня, как на чокнутого, потом ответил - как мне, дураку, и надо:

- Не с мальчишками же!... Не этот двор?

Я споткнулся и искренне удивился:

- Ого! Как догадался?

- Элементарно, Ватсон, - вдруг улыбнулся Энтони. - Широкий вход. Вон та самая калитка. Вон ваша школа торчит. Всё сходится...

Двор у Олега Никитовича большой. У прежних хозяев там был сад. Вернее, он и сейчас есть, но наш историк ухаживать за ним то ли не умеет, то ли не желает - почему сад и превратился в подобие живых декораций к американскому фильму "Снайпер" - зелень без просвета, тропа, протоптанная вьеконговцами (учениками школы №3 города Фирсанова). А за этой стеной зелени прячется особнячок Олега Никитовича. Если не знаешь к нему дороги - не найдёшь. Олег Никитович - то ли в шутку, то ли всерьёз - говорил, что такая обстановка ему в самый раз: можно прятаться от начальства, обманутых девиц и собственной памяти, в которой живут два года, проведённые в голой степи.

- Здесь только военные игры проводить, - удивлённо и одобрительно заметил Энтони. - Отличное местечко.

От слов "военные игры" повеяло "духом застоя" - обо всяких там "Зарницах" с пеной на губах распространялся наш биолог. Я хотел спросить, неужели в Виндзоре занимаются такими застойными вещами, но именно тут обнаружил, что дверь дома Олега Никитовича распахнута.

- Эй, он дома, - удивлённо бросил я, шагая быстрее, - наверное, заехал на пару дней... Нам повезло!

Если Олег Никитович и был дома, то время для визита мы выбрали не очень удачное - из дома слышались шум, смех и магнитофонный голос:

- Шагом марш в ногу! (Р-раз, раз!)

Шагом марш! (Эть, дв-а!)

- Гости, - разочарованно сказал я, остановившись у самого крыльца. Сказал негромко, но нас, наверное, заметили из окна - в сенях распахнулась дверь, шум стал громче и отчётливей, высокий белобрысый парень в полувойском, выскочив на крыльцо, весело спросил:

- Вам чего, братва?

- Кто там, Ва-ад?! - завопил из глубин комнат девичий голос. Что-то неразборчиво ответили, послышались хохот и звуки борьбы.

- Олег Никитович дома? - деловито спросил я.

- Переэкзаменовка? - подмигнул белобрысый. Я сделал вид, что улыбаюсь - как будто эта шутка не наступает уже самой себе на бороду. - Оле-оле-оле-Олег! - проскандировал он тем временем через плечо. - Сейчас будет собственной персоной, готовьте дневники.

В спину ему отвесили тумака, вдёрнули внутрь, дверь захлопнулась, но мы даже удивиться не успели - она открылась вновь и на пороге возник наш историк. Тоже в полувоенном, но в домашних тапочках.

- Пойди, помоги Таньке на кухне! - рявкнул он через плечо и повернулся к нам. - Андрей? - он, похоже, удивился. - Здравствуй.

- Здравсьте, - кивнул я.

- Здравствуйте, - поздоровался и Энтони. Олег Никитович смерил его оценивающим взглядом и констатировал серьёзно:

- Не наш. Засланный.

- Это Антон, мой друг из Санкт-Петербурга, - быстро соврал я. - Мы к вам по делу.

- Инкогнито из Петербурга, хм... - проворчал историк. - Могли и не застать. Вернее - удивительно, что застали. Срочное дело?

- Очень, - умоляюще сказал я.

Олег Никитович зачем-то взглянул на солнце, просвечивающее сквозь ветки деревьев. Вздохнул:

- Буть проклят тот час кагда я сэл за бараныку этаго пилэсоса... Ладно, я сейчас.

Он вошёл в дом и буквально через полминуты появился уже в высоких ботинках. Вслед крикнули:

- Ну мы ждём!

- Дождётесь! - рявкнул Олег Никитович и вновь посмотрел на нас с Энтони.

- Куда же нам пойти... Вот что! Давайте никуда особенно не уходить, времени у меня и правда немного. Вон там есть скамеечка, - он показал пальцем за дом, - на ней и изложите мне свои глобальные проблемы.

- Пальцем показывать неприлично, - заметил я. Олег Никитович невозмутимо ответил:

- Мне можно по сроку службы. А потом - это мой двор.

Скамейка очень удобно стояла под яблоней рядом со столом, на котором ползала под перевёрнутым стаканом истощённая зелёная муха. Историк, жестом предложив садиться, задумчиво посмотрел на стакан, перевернул его и щелчком сбросил муху со стола.

- Так. Я весь внимание.

Я уже открыл рот, чтобы изложить проблему обтекаемо, но ясно. Как вдруг Энтони вместо того, чтобы, согласно плану, делать умное лицо, влез с конкретным вопросом:

- Э... Андрей сказал мне, что вы хорошо знаете историю этих мест.

- Правда? - удивился Олег Никитович. - Для меня это новость. А зачем тебе мои скромные знания, пилигрим из Северной Пальмиры?

- Я занимаюсь некоторыми изысканиями... - замялся Энтони. - Мне хотелось бы - если это возможно - узнать подробности о пограничной крепости Рязанского княжества Краевой.

- Время - начало монгольского нашествия, - уточнил я.

Олег Никитович задумался. Взялся за нижнюю челюсть. Пошатал её влево-вправо. Потом решительно сказал:

- Боюсь, я ничем не смогу помочь вам в ваших изысканиях. Крепости с таким названием нет. И - не было.

Глава 7.

Что тут можно сказать?... С полминуты, не меньше, я просто не мог и посмотреть на Энтони - сидел и разглядывал стол. Из некрашенных, серых от времени досок. Со сквозной дыркой на месте вылетевшего сучка. В дырку была видна та муха - обалдело сидя на травинке, она, похоже, была ошарашена своим избавлением. Не хуже нас с англичанином ошарашена... Усомниться в словах Олега Никитовича мне и в голову не приходило. Уж я-то знал: наши края Олег Никитович изучил, как свои пять пальцев, а отечественную историю - как десять.

Энтони, когда я наконец поднял на него глаза, сидел неподвижный и такой белый, что я даже испугался... Короче, он выглядел, как я себя чувствовал. Это и понятно - с детства мечтал, русский язык выучил ради этой мечты, а тут такой ляп! Не иначе, как просто поддельная бумага. Если уж мне тяжело расставаться с мечтой о великой находке (а ещё больше - о самом процессе поиска!), то каково ему?

Олег Никитович сочувственно смотрел, как Энтони поднялся на ноги. С первого взгляда было ясно, что у парня рухнула какая-то мечта. А Энтони прерывисто вздохнул, чётко сказал: "Спасибо," - и пошёл прочь, даже не оглядываясь.

- Спасибо, извините, что помешали, - поспешно выговорил я, вскочил и кинулся за Энтони. Нагнал почти сразу - тот еле плёлся - и услышал, как он бормочет (не мне, а себе под нос, упорно и ожесточённо):

- Итс импоссибл!... Ай донт эгри!... Ай донт эгри!... Зэтс нот райт!... Ай донт белив зэч... итс мистэйк!...З - потом вдруг резко повернулся ко мне и отрывисто, с неожиданным акцентом, сказал: - ЙЯ НЬЕ ВЪЕРУ. Нье можьет битть! - потрянул головой и вошёл в норму: - Я всё равно буду искать!

Мне стало одновременно смешно и досадно. Ну-у, это уж слишком! Через пять минут выезжаем, а завтра скажут - куда...

- Где ты собираешься искать? И что? Пустое место? - осведомился я. Энтони споткнулся... как-то ошарашено посмотрел на меня... а потом внезапно повернулся и бросился обратно бегом - мы дошли до тропинки. Мне ничего не оставалось, как ринуться за ним...

Олег Никитович всё ещё сидел за столом, задумчиво двигая стакан - и вскинул голову на наши шаги. По-моему, он обрадовался, что мы вернулись. А Энтони, опершись ладонями о стол и задыхаясь - не от бега, от волнения - быстро заговорил:

- Вы сказали, что крепости с таким названием нет. Хорошо, нет. Но почему вы говорите, что не было? Вам достоверно известно, что не было? А если она просто оказалась разрушена и не была потом восстановлена?!

Олег Никитович слегка поморщился - он так делал, когда слышал, по его словам, "дилетантские сказки на исторические темы".

- Невозможно. Крепость, пусть небольшая - не иголка, даже не человек, не могла исчезнуть бесследно. Её существования было бы непременно зафиксировано в летописях, деловых письмах, сказках управляющих... - но, объяснив это, Олег Никитович вдруг потёр лоб и с интересом посмотрел на Энтони, который чуть ли не лёг на стол. - Послушай... а ведь ты, может быть, прав! И что я сам-то... Андрей, ты ведь сказал - время монгольского нашествия?

- Ну, - кивнул я, усаживаясь на скамейку. Чувствовалось, что вот теперь разговор только и начинается.

- Так. Откуда мы знаем, какая часть документов сохранилась в те годы?

Одна треть? Пятая? Десятая? Сотая? - наш историк прищурился, положил кулаки на стол. - Что же, если учесть это - ваша Краевая вполне могла существовать. Но! - он поднял палец. - Бесследно всё-таки ничто не исчезает. Память о любом явлении, событии, поселении строго фиксируется - в новых названиях, в легендах, в приметах местности...

- А что бы вы сами сделали, если бы задумали найти эту крепость? - вгоняя меня в тихий ужас, спросил Энтони. Олег Никитович покачал головой:

- Ничего, - спокойно ответил он. - Я бы просто не взялся за это. Такая работа - для

настоящей экспедиции. Большой, хорошо оснащённой, подготовленной... Наконец - уже имеющей какую-то базу для поисков.

- Олег Никитович, - вспомнил я, - но вы же рассказывали, старшеклассником вы с друзьями искали и даже находили клады.

- Было пару раз. Находили. Но никогда не ИСКАЛИ, - Олег Никитович выделил последнее слово. - Искать клад, не имея точных указаний - занятие бесполезное, хотя и увлекательное. То же самое и здесь. Мы просто много путешествовали по родным местам и по России... ну, тогда ещё - Союзу. Это было проще, чем сейчас... - историк внимательно посмотрел на меня, потом - на Энтони. - И - безопаснее.

- И всё-таки, - упрямо сказал англичанин, садясь на скамью. - Если бы...

- Ладно. Я бы сделал то, что мы делали тогда. Отправился в путешествие. В данном случае - в поход по границе Рязанского княжества, - глаза Олега Никитовича заблестели. - Эта ваша крепость была расположена в наших местах?

- Приблизительно, - я пояснил: - За рекой Цной.

- Вот. Так! Значит - по той части границы, которая проходила к востоку от Цны. Ну а по пути расспрашивал местных жителей и не пропускал бы ни единого холма... Вы знаете, что масса холмов в наших местах на самом деле никакие не холмы, а - курганы? Могильные, либо выросшие над сгоревшими сёлами или городками? То-то... Но и в этом случае надежды на успех поиска остаются мизерными. Мы с друзьями ещё застали по деревням последних бабулек и дедов, которые пели былины и могли объяснить, почему холмы за деревней называются именно Дружинные Шлемы, а не иначе. Сейчас... - Олег Никитович развёл руками. - Увы! Можно топтаться по месту, которое ищешь, но тае его и не найти. Честно - кислая затея!

- Шлиману тоже не верили! - бросил Энтони запальчиво. Олег Никитович одобрительно посмотрел на него:

- О-го!... Шлиман, Антон, всё-таки точно знал, что ищет. И приблизительно - где ему искать. Труды же наших Гомеров зачастую не сохранились... Так и остались два христианских миссионера благодетелями славян, подарившими нам письменность... а "Слово о полку Игореве" - древнейшим памятником нашей словесности! - наш историк непонятно улыбнулся.

Энтони, похоже, был очень сердит на него за скепсис и возражения. Я это понял, едва англичанин заговорил:

- Я думаю, тут никто не виноват. Просто Россия в то время сильно отставала от Западной Европы по уровню культурного развития.

- Отставать мы, Антон, начали после монгольского нашествия, - возразил Олег Никитович, а до этого именно Западная Европа плелась у нас в хвосте. Да и спасли Европу в то время именно мы... как и много раз потом.

- От кого же это Россия спасла Европу? - холодно поинтересовался Энтони. Я сидел тише воды ниже травы - англичанин самым бестолковым образом практически раскрыл наши цели, а теперь, похоже, собирался раскрыть и свою личность.

- От нашествия монголов, - любезно пояснил Олег Никитович. - От уничтожения всех, кто ростом выше тележной оси. Тебе об этом ничего не известно, Антон?

- Нет, - коротко ответил англичанин. Наш историк кивнул:

- Я не ясновидящий, но... лицей или частная школа. Возможно - на деньги западных спонсоров. Курс "Мировая история" с особым упором на роль западной демократии в спасении человечества. Так?

- Почти, - ответ Энтони снова был коротким, как выстрел. Олег Никитович невесело рассмеялся и откинулся назад, сплетя пальцы на высоко поднятом колене.

- Раньше, помнится, - задумчиво сказал он, - в наших учебниках чуть ли не открытым текстом писали, что восстания рабов в Древнем Египте преследовали цель установления социалистического строя. А Спартак - вообще младший брат Маркса. Сейчас, гляжу, по-другому - люди всю... историю только и мечтали о приходе добрых дядей из-за океана...

- При чём здесь это? - голос Энтони был резким. - Я говорю, что не помню такого факта, как спасение Европы от монгольских завоевателей русскими. По-моему, монгольское войско было разбито у стен Праги соединённым чешско-сербо-хорватским войском при поддержке австрийских рыцарей в 1242 году.

- Угу, - хмыкнул Олег Никитович. И я понял, что сейчас нам предстоит выслушать лекцию. Ладно, отлично, подумалось мне не без злорадства, пусть Энтони просвещается. А то что-то он слишком... Наш историк умел рассказывать просто великолепно, слушать приходили даже из других школ, как на университетскую лекцию... А он сам тем временем встал и прошёлся вдоль "своего" края стола. Была у Олега Никитовича такая привычка - во время объяснения нового материала ходить у доски, а то и по классу. - Ну что же, молодые люди. Может быть, соблаговолите послушать историю монгольского нашествия? Тем более, что кое-кому, - он посмотрел на Энтони, - это, похоже, будет очень полезно.

- Согласен, - с заметным вызовом сказал Энтони. Я тоже кивнул. Мне всегда нравилось, как рассказывает Олег Никитович.

Глава 8.

...- Началось это в 1223 году. Летом. К галицкому князю Мстиславу Удалому прискакали гонцы от половецкого хана Котяна. С половцами - народом, кочевавшим у южных границ Руси - наши предки то воевали, то мирились, то даже заключали браки. Короче говоря, это были хоть и враги, но "свои", "домашние" враги. Котян сообщал, что в степях появился неведомый и многочисленный народ, беспощадно изгоняющий половецкие роды с их кочевий. "Помогите нам, - передавали гонцы слова хана, - а не то придут неведомые люди к вам и над вами то же учинят." Летопись же сообщает, что "пришла неслыханная рать, безбожные моавитяне, называемые татары. Их же никто ясно не знает, кто они, и откуда пришли, и каков язык их, и какого племени они, и что за вера их. И зовут их татары. А иные говорят - тоурмены, а другие - печенеги." Кле-кто даже говорил, что настал, мол, конец света, ибо было предсказано, что перед этим событием придут "нечестивые народы Гог и Магог"! Но, конечно же, это были не "гог и магог", а всего лишь передовая рать жестокого покорителя всего Востока - от Тихого Океана до Грузии и от Индии до холодных морей! - Чингисхана! Вели её испытанные полководцы - нойоны Джэбе, Бурундай, Субэдэй и Тохучар. Их повелитель мечтал дойти до "тёплого моря" - Атлантики - и весь свет обратить в пастбище для монгольских коней... - Олег Никитович помолчал, глядя через наши головы. - Вот так... Сколько их приходило так-их - не счесть! И для всех стеной на пути, щитом в руке воина вставала Русь... Мстислав Удалой не стал дожидаться помощи с Севера. Со своими союзниками и ближними князьями - Даниилом Романовичем, Мстиславом Луцким, Олегом Курским, Мстиславом Романовичем Киевским - собрав пятнадцать тысяч воинов из южнорусских княжеств, он выступил в степь, на помощь половцам. Рати соединились у границ Дикого Поля, дальше шли вместе. Шли по сухой, бескрайней степи, с ходу сметая небольшие монгольские отряды. Воевать наши предки умели хорошо, да и враг не казался опасным - маленькие, кривоногие воины в кожаной броне, на выносливых, но тоже маленьких мохнатых лошадаках. Невдомёк было Мстиславу Удалому, что враги лишь заманивают союзников, дразнят лёгкими победами... И вот русско-половецкая рать вышла к реке Калке. А у реки уже стояло ВСЁ монгольское войско - чернела от края до края земли степь и трудно было дышать от вони лошадиного пота и людских тел. Вчетверо больше было монголов! Да разве лишь в численности дело? Перед самым боем Мстислав Киевский поссорился с Удалым, увёл свои полки, да и встал лагерем на холме: вы, мол, давайте, бейтесь, а мы сами с усами! Своей силой управимся!

- И управились? - жадно спросил Энтони. Я покосился на него и увидел, как блестят глаза англичанина - рассказ заинтересовал его.

- Управились, - тяжело сказал Олег Никитович. - Только не они с татарами, а татары с ними... Как ударила конница Бурундая в центр союзной рати, так и бросились бежать половецкие отряды. И смяли наших, что стояли позади... И ворвались в эту кашу монголы - на плечах половцев... - наш историк стоял возле стола, держась за его верх пальцами. Пальцы были белые... - Бой получился коротким и для наших неудачным. Мстислав Удалой пробился сквозь врагов и, раненый, ускакал. Больше полусотни князей, княжичей и бояр в плен попали... А Мстислав Киевский стоял на холме и смотрел! И дружина его стояла. Кровавыми слезами плакала - и смотрела, как гибнет русское войско из-за княжьей розни.

- Ну и союзнички, - насмешливо сказал Энтони. Я зло посмотрел на него, но тут услышал, как он тихо бормотнул себе под нос: "Впрочем, наши не лучше..."

- Да, вот такие союзники, - с горечью подтвердил Олег Никитович. - А потом настал черёд и Мстислава. Три дня оборонялись киевляне на холме за наспех сооружённым частоколом! Монголы не могли взять эту импровизированную крепость... Тогда они пошли на обман - своё излюбленное оружие, безотказное с европейцами тех времён. Они пообещали, что сохранят жизнь сдавшимся и отпустят их при условии сдачи оружия. Киевляне вышли из лагеря - не знали они тогда всей подлости незваных гостей! И, едва сложили воины оружие, как монголы тут же перебили всех простых воинов, а князя и бояр схватили... Пленных русских военачальников победители, связав, уложили на землю, настлали на них доски, а на тех досках устроили пир с плясками... Так и задавили пленных татары, - сказал, помолчав, Олег Никитович, мы вздрогнули. - А сами вдруг повернули. Ушли на Волгу, где потерпели обидное и неожиданное поражение от волжских болгар, после чего скрылись в своих степях - на долгие четырнадцать лет. На Руси вздохнули с облегчением - и забыли про незваных гостей, снова увлеклись княжескими междоусобицами... И князя, как сказано в "Слове о полку Игореве", "то - моё, и то - моё тоже" говорили, и "малое называли великим", и "сами на себя крамолу ковали"... Успокоилась Русь напрасно! Наступал роковой 1237 год - самый тяжёлый в нашей нелёгкой, кровавой истории. Чингисхан умер - снедаемый манией преследования великий убийца, "Потрясатель Вселенной", закончил свои дни в железной юрте, из которой не выходил даже по нужде - достойный финал карьеры! Но его внук, хан Батый, повёл путями деда, к "тёплому морю", трёхсоттысячную орду жестоких, диких, беззаветно, фанатично преданных ему кочевников. Ещё в 1236 году эта орда дотла разорила Волжскую Болгарию, прошла через мордовские леса по замёрзшим рекам и неожиданно появилась у границ русских княжеств. Как раз где-то здесь, в наших местах... Вот это и была настоящая беда, грозная и неотвратимая. Такую если встречать - то всем миром, всей силой, сообща. Если бы встретили так - может, и отбились бы! Сообща наши княжества могли выставить "в поле" 150-170 тысяч воинов, и каких - лучших в Европе, наверное! Но ведь то сообща... А порознь самые сильные из княжеств едва-едва могли наскрести 15-20 тысяч - против единой, свирепой, беспощадной, оснащённой китайской боевой техникой трёхсоттысячной армии!... - Олег Никитович на мгновение остановился и вдруг прочёл:

- И со всех сторон шли враги на нас!
И таким большим было их число,
Что его пока не придумали...

В самом деле, монгольская орда казалась неисчислимой! Первым русским городом, оказавшимся на пути завоевателей, стала Рязань - древний, богатый город, где сидел князь Фёдор. Он послал гонцов на север, за помощью к великому князю владимирскому Юрию Всеволодовичу. Но князь Юрий не дал воинов Фёдору, памятуя о старой распри и не понимая, что по замёрзшим рекам, как по широким дорогам, войска Батыя легко пройдут через густые леса, которые веками надёжно берегли покой Руси... Не дождавшись подмоги,

князь Фёдор, скрепя сердце, выехал в лагерь Батыя, везя с собой дары. Хан принял их, казалось, благосклонно. И столь же благосклонно выслушал просьбу Фёдора не жечь Рязань, не чинить вреда русским людям. Но потом вдруг потребовал отдать себе в наложницы жену Фёдора! Тогда-де уйдут монголы... В гневе вскочил князь и закричал в лицо хану: "Жены моей, пёс, ты не получишь! Город поберёшь, а её не коснёшься!" Батый взмахнул рукой - и погиб князь Фёдор, веривший в неприкосновенность посла...

А под покровом ночи тёмной,
Спеша в предутреннюю рань,
Из Пронска, Мурома, Коломны
Три князя шли - спасать Рязань!
Они свои дружины гнали
На помощь брату своему.
Они тогда ещё не знали,
Какой конец пришёл ему...
И вот раскинулась пред ними
Сама беда, гроза сама!
Не видно солнца в сизом дыме!
На девять вёрст - ордынцев тьма!...
В неравный бой они вступили,
Своим сородичам верны...
И в сече - головы сложили,
Со всех сторон окружены...

Между Коломной и Рязанью было разбито войско князей, шедших на помощь городу. Да какое там войско - семь-десять тысяч воинов, слёзы горькие! После того монголы вновь подступили к Рязани и выставили унижительные условия: отдать каждого десятого коня, каждую десятую монету и каждого десятого человека в рабство. Рязанцы же ответили: "Отцы наши и деды этой землёй владели и в холопах ни у кого не бывали. Когда нас не будет, то всё ваше будет, а до той поры нет вам коней, монет да людей!" Но выстоять Рязань, конечно, не могла. Её взяли штурмом на шестой день...

Рязань, Рязань! Теперь тебе,
Твоим несчастным горожанам,
Уже не выстоять в борьбе,
Не совладать с жестоким ханом!
Враги в ворота ворвались!
Таких не знала ты доныне...
С высокой колокольни вниз,
Взяв сына, бросилась княгиня...

Шумели деревья - еле слышно, их раскачивал не ветер, а идущий от нагретой земли тёплый воздух. На улице прошуршали колёса автомобиля, свистнул кто-то. Прожужжал, летя мимо, шмель...

- Она осталась верна мужу и в смерти. Князь Фёдор сказал правду - Батый не получил княгиню... И впервые монголы столкнулись с таким упорным сопротивлением! Жители дрались на улицах и в домах - раскопки Рязани нарисовали нам картину людей - мужчин, женщин, детей - погибавших на порогах своих жилищ с ножами, топорами и вилами в

руках... Кроме того, впервые монголы узнали и то, что всегда страшило врагов Руси - народную войну. В лесах бесследно исчезали небольшие отряды захватчиков. По ночам пропадали стражи...

Пять дней оборонял народ
Свой край, как говорит сказанье...
И пять ночей небесный свод
Пылал над стонущей Рязанью.
А на заре шестого дня
В леса, в приют шатровых елей,
Врага жестокого кланя,
Бежали те, кто уцелели.
И к ним, как воин и как брат,
Горя упорной жаждой мщенья,
Пришёл рязанец Коловрат -
И стал готовить ополчение!
Их тысяча семьсот пришло.
Они зашли ордынцам с тыла.
Батый, взлетевши на седло,
Оцепенел: "Какая сила!
Откуда?! Где она была?!
Неужто мёртвые восстали?!
Рязань сгорела вся, дотла!
Над пеплом вороны летали!"
Впервые дрогнула орда,
От ужаса теряя разум!
И двинул Коловрат тогда
Всю силу на ордынцев разом!
Не обучали эту рать -
Людей, случайно уцелевших...
Но каждый шёл врага карать!
За родичей, в огне истлевших,
И за потопленных в Оке
Готов был каждый мстить монголам!
А меч у мстителя в руке
В бою не кажется тяжёлым!
В январской стуже бой суров,

И вражий рог ревёт сердито,
И шлемы валятся с голов -
Горячим коням под копыта!
Пушай у русских меньше сил!
Но страха Коловрат не знает!
Уже свой меч он затупил -
Он меч монгольский поднимает...
Батый с него не сводит глаз.
"Какое русское упорство!"
Он шурина даёт приказ
Вступить с врагом в единоборство...

...Смотри теперь, Батый! Смотри,
Как в снежной и колючей пыли
От двух сторон богатыри
Перед войсками в бой вступили!
Взметнулись конские хвосты!
В зрачках коней - огни пожаров!
И разлетаются щиты
От сокрушительных ударов!...
...А с двух сторон войска стоят.
Морозный воздух полон гулом...
...И вдруг Евпатий Коловрат
Заносит меч над Хостоврулом!
УДАР! В сугроб зарылся щит.
Батыя шурин пал - убит!

- Х-хахх... - тихо выдохнул рядом со мной Энтони. Наверное, он, как и я, представлял себе нарисованную в стихах картину схватки, ропот войск, визг коней и искристые удары мечей в руках поединщиков.

- И яростный Батыя крик
Застыл над снежной пеленою.
И оба войска в тот же миг
Друг к другу в стык пошли стеною.
И столько жизней смерть взяла,
Что под ногами твердь стонала,
Пока рязанского орла
Шакалья стая окружала...

- Ещё бы, - сказал Энтони, - триста тысяч на тысячу семьсот...
- Несколько израненных русских воинов были захвачены и приведены к Батыю. Хан спросил их: "Какого народа вы люди и зачем так много зла мне чините?" Раненые отвечали: "Мы люди князя рязанского, а посланы тебя, сильна зверя, попотчевать, да с честью проводить!" Между тем остаток дружины Евпатия бился в окружении - бился так, что монголы не смели больше к нему подступиться и пошли на обычную для себя подлость.

Батый вскочил, судьбу кляня,
Бледнея, словно от угара.
"В полку Метателей Огня
Сыщите мудрого хазара!
Недаром от его руки
Дрожали города и страны!
С ним - огнемётные станки,
С ним самострелы, с ним тараны!"
Хазара под руки ведут,
Его премудрость славят хором...
И сам собой зажёгся трут
Перед его палящим взором!
И - покачнулся Коловрат,

Когда упал с героем рядом
Округлый глиняный снаряд,
Дышащий пламенем и смрадом!
Огонь поднялся до плеча,
Коснулся панцыря и платья...
Напрасно к честности меча
Взывало мужество Евпатия!...

- Как Леонид с его спартанцами, - Энтони вздохнул. - Их персы тоже не смогли взять в рукопашной и расстреляли из луков...

- А Батый, - продолжал Олег Никитович, - стоя над изуродованным телом Коловрата, сказал: "Когда бы этот воин служил мне, я бы держал его у самого сердца!" Потом приказал отдать труп русским пленным и отпустить их... А сам двинулся по нашей земле, множа горе и смерть. Пала Коломна. На очереди оказалась Москва - тогда просто пограничная владимирская крепость.

До берегов Москвы-реки
Ордынский хан довёл полки!
Кремль осаждает хищник смелый!
Он до зубов вооружён,
Он мечет огненный стрелы,
По стенам в крепость лезет он,
Во все ворота бьёт тараном,
Под башнями костры кладёт...
И нету сил - бороться с ханом!
Пылает Кремль. Пропал народ...

- Ну ч-чёрт! - снова не выдержал Энтони. - Это же прямо Толкиен какой-то! Нашествие Великого Врага из "Сильмарилионна"!

- Понял князь Юрий Всеволодович, - снова заговорил историк, - куда, в какую бездну, скудоумием своим и гордыней нелепой толкнул он русскую землю. Бросился собирать полки, оставив Владимир на родичей своих и воеводу Петра Ослядюковича. И молодые князья говорили: "Пойдём в поле и поревнуем за землю нашу и семьи наши..." Однако Пётр уговорил владимирцев отбиваться за стенами, да только не помогло и это... В летописи говорится, что татары "облегоша весь град". Нойон Гуюк захватил Суздаль и, пригнав под стены Владимира пленных, приказал казнить и пытать их на глазах у осаждённых. Но владимирцы не сдались. Тогда татары разбили стены камнями из пороков-катапульт и ворвались в город. Княгиня с детьми и последние защитники Владимира отступили к Успенскому собору, затворились в нём и погибли в огне, ответив отказом на предложение сдаться... Тем временем, князь Юрий, собрав тридцатитысячное войско, вышел на реку Сить; река эта текла через Ярославское княжество...

- Опомнися, блин, - вырвалось у меня. Сколько раз я слушал рассказы о монгольском нашествии и остро жалел, что не могу вмешаться! Олег Никитович кивнул:

- Да, было уже поздно... "И была бронь велика, и сеча зла, и лилась кровь, как вода," - сказано в летописи. Князю Юрию повезло - он пал в бою и не увидел разгрома своей рати. Не увидел, как его племяннику Васильку, которому было всего семнадцать лет, татары предложили перейти на их сторону. Но Василько рассмеялся им в лицо и отверг вражьи посулы. Татары замучили парня... А орда уже валила на земли Великого Новгорода. Пограничный город Торжок на две недели задержал врага, и снова бились русские люди на

порогах домов - гибли, но не отступали. Всего сто вёрст оставалось пройти татарам до Новгорода, но у местечка Игнач Крест Батый вдруг резко повернул обратно на юг. Начиналась распутица, да и донесли Батыю, что Новгород собрал сорок тысяч войска и "готовится всеми людьми стать крепко." А у Батыя оставалась едва половина его армии - остальные лежали в заснеженных лесах, под стенами городов, на полях выигранных битв...

- Струсил, - определил Энтони. И Олег Никитович вдруг улыбнулся:

- Струсил... На обратном пути Батый "мимоходом" решил захватить маленький городок Козельск - жило там всего семь сотен человек, а князь Василий был совсем ещё малолеток. Батый бросил на штурм Козельска свои орды. Казалось, они просто зальют невысокие стены, как серый кипяток... Но городишко продержался СЕМЬ НЕДЕЛЬ! Представляете - семьсот человек почти два месяца отбивали атаки стотысячной вражеской армии! Батый приказал разрушить стены города пороками. Тогда ночью козельчане вышли через проломы в стенах, пожгли пороки и побили всю стражу, а с нею - нескольких темников и нойонов, прибежавших на пожар. Утром Батый в страшном гневе вновь бросил орду на штурм. Наши резались в проломах, потом - на городских улицах, в домах и во дворах. Князь Василий укрылся в храме. Там и захлебнулся он в крови врагов, перебитых его охраной... Батый приказал дочиста разрушить Козельск и назвал его в гневе Злым Городом. Под стенами этой маленькой крепостцы только убитыми враг потерял больше семи тысяч воинов!

И кто слабым был - сразу сильным стал,
А кто сильным был - стал в сто раз сильнее!
И кричали враги потрясённые:
"Может, русские заколдованы?!"
Их пронзишь мечом - а они живут!
Их сожжёшь огнём - а они живут!
Их сразишь стрелой - а они живут!
ИХ СТО РАЗ УБЬЁШЬ - А ОНИ ЖИВУТ!
А ОНИ ЖИВУТ - И СРАЖАЮТСЯ!"

Из-под Козельска Батый, нигде не задерживаясь, ушёл на бг, в степи. "И было то лето всё тихо и мирно от татар" - скажет летопись. Казалось, что миновала беда... Но в 1239 году орды Батыя появились вновь, величавшись чуть ли не вшестеро против прежнего!!! На этот раз монголы ударили по южным княжества...

- Подождите! - вскинулся Энтони. - А эти... новгородцы, у которых сорок тысяч войска наготове было... неужели они не пришли на помощь?!

- Не пришли, - горько ответил Олег Никитович. - Избавившись от великой опасности, распустили они войско. Думали лишь о своей земле, а не о Руси! А орда взяла Переяславль Южный. И подступила к Чернигову. "Лют бой у Чернигова," - сказано в летописи. Долго монголы не могли сломить сопротивление го-рожан... А в Европе уже гремела в соборах молитва: "Спаси нас, Бог, от ярости монголов!" И всего-то... Где были отважный рыцари?

- Фридрих, Император Священной Римской Империи, пытался собрать войско на помощь Руси, - тихо сказал Энтони, глядя в стол.

- Чернигов взяли тоже! В 1240 году монголы подступили к Киеву - "матери городов русских"! Так велико было их множество, что в городе нельзя было разговаривать - всё заглушали рёв и гул вражьего стана! Началась осада. День и ночь били в стены пороки и тараны. Но на предложение хана сдаться ответили киевляне, которых возглавил храбрый воевода Дмитр, согласно летописи, "злословием и проклятием"! Когда же в проломы пошли татарские полчища, киевляне встретили их на улицах." Стрелы омрачили свет... видеть и слышать страшно лом копейный, треск щитов... всюду лежат мёртвые, всюду течёт кровь,

как вода..." Когда на ночь бой утих, наши возвели новую стену-баррикаду вокруг церкви Святой Софии. И снова сражались... но отбиться так и не смогли. Последние защитники укрылись в церкви и обрушили её своды на себя и ворвавшуюся нечисть... Израненный воевода Дмитр попал в плен, но Батый велел пощадить его "ради мужества"... Орда, пройдя по Киевским Землям, вошла на территорию Галицко-Волынского княжества. Князь Даниил, пытавшийся создать союз с поляками и венграми, не преуспел в этом и с трудом отстоял Галич. В 1240 году на реке Лигнице монголы уничтожили польское войско, а в 1242 на Сайо - венгерско-немецкое. Но в том же году под стенами Праги их разбил наконец-то князь Ярослав. Орда бросилась к югу, в Сербию, и там войско отважного жупана Шубича Дринского нанесло монголам ещё одно поражение. Европа была спасена отвагой славян... Но Русь!!! Что стало с нашей землёй?! Ведь неделями можно было ехать по недавно ещё многолюдным местам, не слыша человеческого голоса! Лишь выли собаки на пепелищах, да смеялись с обочин дорог черепа... А по дорогам монголы угоняли в рабство десятки тысяч людей. Самых искусных ремесленников и строителей, самых красивых девушек, самых крепких мальчиков гнали, как скот, на арканах! А самые смелые, самые благородные, самые-самые - погибали, потому что не могли спокойно смотреть на муки родной земли. Это была национальная трагедия! Ото всей Руси уцелели лишь Новгородская земля, да несколько центральных княжеств. 4/5 населения было угнано в рабство или убито! Навеки пропали произведения искусства, неведомые нам культурные ценности. На полтора века на Руси разучились строить из камня, ковать булат, варить стекло... Своей кровью и великой культурой мы заплатили за свободу Европы. Получили мы за это благодарность? О да! Литовцы ринулись в наши западные земли, немцы, шведы, датчане - на Псков и Новгород... Где были крестоносные рати, разгонявшие десятикратно превосходившие их числом сарацинские полчища?! Только отважные и благородные одиночки из Европы сражались плечо в плечо с нашими витязями - их имена безвестны, но они были, и для меня они - настоящие герои того времени. Они, а не вожди крестовых походов... И к чести их сказано не в одной родовой летописи: "И пал он на Востоке, ревнуя за веру Христову против полчищ татарских в рядах русов. Где же могила - неизвестно..."

Олег Никитович замолчал. Энтони молчал тоже... а я мечтал. А если бы знать, что Чаша Грааля здесь, в наших местах? Попасть в то время... Ворваться в здание орденового капитула - где-нибудь на Кипре... или в Пруссии - в плаще с алым крестом, с мечом на бедре... "Братья-рыцари! Чаша с кровью Христовой в руках язычников! Поднимайтесь на защиту Святого Грааля!" Неужели не пошли бы?! А что если сэр Энтони вёз чашу на Русь именно за тем, чтобы потом "выманить" на неё крестоносцев - в поход на помощь Руси?! Нет, когда он выехал с Востока, ни о каком нашествии речи ещё не было...

- Вот такова настоящая история, товарища из Петрограда, - неожиданно весело сказал Олег Никитович, поднимаясь на ноги. - Ладно, валите отсюда, дети мои, а то вся подготовка к походу с вами рушится... Снова заходить не приглашаю - через пару часов ухожу - но рад быть полезным...

Глава 9.

Не дожидаясь вечера, как и было положено по законам жанра, мы с Энтони устроили оперативное совещание у меня на веранде. Я отпустил Геббельса, чтобы отпугнуть незваных посетителей (званных появляться было не должно) и притащил недавно изданный атлас Тамбовщины. Точнее, атлас был краеведческий, но в нём имелся неплохой исторический раздел - я спёр эту полезную штуку в школе. Каюсь, некрасивый поступок, но сейчас он оказался как нельзя кстати. Энтони расстелил на очищенном от мелких инструментов столе здоровенную карту и прижал её по углам двумя бокалами, которые вытащил из серванта вполне по-хозяйски и двухлитровой бутылкой колы - за тридцатник, я такую уже лет сто не

покупал. На четвёртый угол он, подумав, положил свой пистолет - это придало картине прямо-таки романтический колорит. С краю карты англичанин насыпал горку "лэйсов", одним из которых сейчас задумчиво хрустел, сравнивая карту и атлас.

Я тоже наклонился над картой. Она была очень подробная, здоровенная и... чужая. Странно было читать среди знакомых по урокам краеведения очертаний рек и лесов чужие слова: "Тэмбоу", "Татаршино вилэдж", "федерэйшн род №4 -такой-то, "рэнджер хоум"5 ...

- Военная карта? - спросил я. Энтони кивнул. - Хорошая, подробная... Завоёвывать нас собирались?

Прозвучало очень враждебно. Но англичанин не обиделся, только спросил:

- Скажи, что у вас нет точно таких же для наших мест?

Я промолчал. Есть, конечно, чего тут спорить... И всё-таки посмотреть на карту было не очень приятно.

- Так, - Энтони вздохнул и взялся за карандаш. - Если судить по твоему атласу - вот тут, - он ловко, уверенно провёл линию, - и была граница этого Рязанского княжества, а дальше...

- Дальше славянских поселений не обнаружено, - сверяясь с атласом, подсказал ему я. - Вот достоверно известные, - я красным карандашом поставил на английской карте крестики. - Вряд ли крепость могла стоять на совсем неосвоенных землях.

- Да, это точно, - кивнул Энтони, - за Бервикскими стенами на границе с Шотландией ничего не строили, у вас, наверное, так же... В письме чётко указано - пограничная крепость, значит, - он выделил границу посильнее, - она должна быть где-то на этой линии. Это тамбовский лес?

- Самый большой в области, - подтвердил я. - Тянется на север и дальше, по нему можно до Архангельска шагать, если приспичит и ног не жалко, а в ширину - в нашей области - километров по тридцать. Ну, где-то меньше, где и побольше...

Энтони нахмурился. Для него такой лес был, конечно, огромным, и он высказал своё опасение вслух:

- Это же огромный лес. Ты его хорошо знаешь? Не заблудимся?

- Да всё нормально, в любой лес можно зайти только до его середины, потом начинаешь выходить, - ободрил его я. - Да и по деревьям ориентироваться легко; если дерево - пальма, значит, мы на юге.

Энтони понял обе шутки - во всяком случае, засмеялся и снова склонился к карте:

- Начинать лучше с юга и методично продвигаться на север по этим самым лесам, - задумчиво сказал он. - По пути, как советовал твой учитель, обращать самое пристальное внимание на рассказы местных жителей. Как лучше всего добраться до южной границы леса?

- Поездом, - ткнул я в карту, - с пересадкой в Тамбове. Выйдем на станции Знаменской, - я ткнул в карту, - и вперёд с песней... Только снаряжение нужно.

- Можно пойти и купить прямо сейчас, - предложил Энтони. Я покачал головой:

- Не-а, нельзя. Такие магазины есть только в Тамбове, завтра утром поедem поездом и купим... Сколько у тебя денег?

- Я же говорил - на снаряжение хватит, - не стал уточнять Энтони. Лицо его приняло выражение лёгкой озабоченности, он вздохнул и признался: - Знаешь, Эндрю, я как-то не задумывался раньше, насколько у вас в самом деле громадная страна! Десятки километров леса... Ты точно хочешь идти со мной?

- Жизни не пожалею, - заверил я. - А на проблемы плюнь. Знаешь, как у нас говорят? Девяносто процентов проблем разрешаются сами собой, а остальные всё равно неразрешимы, так что же нервы себе трепать?... Пойдешь вечером на дискотеку в Парк Культуры?...

...До вечера мы откровенно убивали время. Немного посмотрели телевизор, потом послушали музыку, снова посмотрели телевизор, потом Энтони увлёкся разглядываньем библиотеки, а я, подумав, взялся готовить обед - кажется, у англичан это называется "ланч",

потому что обедают они вечером. Жарища не спадала, торчать у плиты было страшнее атомной войны, поэтому я высыпал в кипящую воду пачкупельменей из морозилки, дождался, пока закипит снова и объявил, что через пять минут можно будет жрать.

- Ты с чем будешь - с уксусом, со сметаной, с кетчупом или с майонезом? - уточнил я у англичанина, который, сидя с ногами в кресле, рассматривал обложку романов Белянина о Лорде Скиминоке.

- Если можно - с майонезом, - попросил он. Я вздохнул:

- Это надо идти покупать...

Энтони посмотрел на меня, как на умалишённого, потом спросил:

- А что есть?

- Уксус, - признался я. Энтони фыркнул:

- Буду с уксусом. Пойдём с твоей дискотеки - купим чего-нибудь на завтра.

У вас круглосуточные магазины есть?

- Есть, только в них всё дороже.

- У нас тоже, - утешил он меня. - А что за книжка?

- Фантастика, юмор, приключения, - конспективно изложил я.

- Почитаю? - спросил Энтони.

- Сколько угодно... Чёрт, убегают!!!

Пельмени в самом деле только что не выпрыгивали через край кастрюли, добавив беспорядка на плите. Я быстро раскидал их по двум тарелкам, налил в мисочку разведённый уксус и появился в столовой как раз когда Энтони разливал по бокалам остатки колы.

Мы уселись за стол и какое-то время молча жевали, поглядывая в окно на Геббельса, занявшего своей колышущейся от шумного дыхания тушей значительную часть крыльца. Псу было жарко и скучно - одно хорошо: отпустили.

- Его с кем оставишь? - кивнул в окно Энтони. Я, насадив на вилку предпоследний пельмень, объяснил:

- Чего там, с соседкой... Он её признаёт... Ты лучше скажи, что мы всё-таки с этими двумя козлами делать будем? Ведь точно потащатся за нами.

- Попробуем оторваться в лесу, - решительно сказал Энтони. - Их же всего двое, должно получиться.

Я помолчал, гоня по тарелке последний пельмень и высказал своё главное опасение:

- Слушай, Антон... Как бы они нас ночью не придушили, чего доброго.

В лице англичанина не дрогнула ни одна жилка.

- То, что ночи будут спокойными, я тебе обещаю, - загадочно сказал он.

- Хорошо быть мерзавцем, - не стал ничего уточнять я. - Прибили бы их, да и дело с концом... Кстати, ты уверен, что нет никакого клада?

- Не уверен, - вдруг сказал англичанин. - Просто Я ищу не клад. Так что если и найдём - всё тебе.

- Скажешь тоже, - помотал я головой. - Поделим... 25% на двоих - неплохо. Я бы холодильник новый купил, и телевизор с видаком, и моющий пылесос, и стиральную машину - это маме...

Сказал - и немного смутился, мои мечты должны были показаться Энтони нищенскими. Но он покивал и, по-прежнему глядя за окно, мечтательно добавил к моим планам:

- А я бы отложил на настоящую экспедицию. Чтобы попробовать найти Атлантиду...

- Меня с собой возьмёшь? - тут же вызвался я.

- О чём разговор, - щедро ответил Энтони. - Клад найдём - и вперёд! - и он, весело засмеявшись, увесисто стукнул меня в плечо кулаком. - На свете до чёрта вещей, которые стоит искать, Эндрю. Наши предки знали в этом толк - они гонялись не только за тёплыми местами и деньгами, а клады искали не в интернетовских сайтах - лопатой в земле...

- Лопатки нужно не забыть купить, - напомнил я. - Клад не клад, а это вещь в походе - первой необходимости.

- Вот что, - Энтони пружинисто встал, - давай-ка посуду помоем и список составим -

что покупать... Ставь воду греться.

- Просекать начал, - одобрительно заметил я. - Давай в колонку - вон и ведро на тебя смотрит...

...С дискотеки мы возвращались в первом часу ночи - да и то лишь потому, что в перерыве между двумя кассетами буквально заставили себя вспомнить - дел завтра (уже сегодня!) завались, вскакивать придётся в пять часов, чтобы успеть на пригородный поезд. Дневная жара сменилась ночной духотой, мы вяло тащились по улице, слушали, как за спинами всё ещё гремит музыка и делились впечатлениями об увиденных девчонках. На Энтони они, кстати, слетались, как осы на мёд - то ли каким-то десятым чутьём просекали в нём племенного иностранца, то ли просто попадали под гипноз его странноватых глаз.

- У вас тут красивые девчонки, - признал Энтони. - А сама дискотека такая же, как у нас.

Не помню, что я хотел ответить. Мы шли по дороге, собирались как раз сворачивать к дому - и я заметил... словно бы тень шевельнулась около калитки. Я схватил Энтони за руку - англичанин всё сразу понял, и мы замерли, отгороженные от тротуара высокими кустами, стараясь дышать потише. Обрез я, конечно, оставил дома, а главное - уговорил Энтони оставить там же и пистолет. Дело в том, что наша родная милиция иногда в припадке служебного рвения устраивала на дискотеку налёты, к чему все относились, как к неизбежному злу и даже не расстраивались. Но во время налётов случались обыски - а нам совсем не хотелось, чтобы пистолет всплыл. Тогда вместо похода будет такое... Однако, сейчас я пожалел об оставленном оружии. Чёрт его знает - а если они разжились новыми стволами?!

Мы стояли не меньше минуты. Тень возилась у калитки. Потом гулко забрежал Геббельс, и она отпрянула с неясным возгласом. Из кустов ещё кто-то прошипел:

- Чего, чего там?!

- Такой волкодав, - пожаловался тот, что у калитки.

- Ну ты трус, нафик... - вмешался третий голос.

- Пацаны, - облегчённо сказал я. Голоса в самом деле принадлежали нашим ровесникам. Энтони кивнул и прошептал:

- Побеседуем? Их трое - справимся...

Я молча кивнул. Интересно, у кого хватило ума лезть ко мне домой? Наверное, "селяне" - припёрлись из деревни на дискотеку, свобода пополам с пивом в голову ударила, невеликие мозги переклинило, ну и решили первый попавшийся домик пощупать на пример ценностей. Можно было и подождать, пока сами уйдут - Геббельс излагал свою позицию достаточно серьёзно и активно, - но таких надо учить для их же пользы

Мы махнули прямо через кусты. Кто-то шлёпнулся в темноте, кто-то заорал: "Менты!" - но потом ночные романтики, кажется, разобрались, сколько нас и кто мы. А вот мы ошиблись - их было не трое, а пятеро! Это я понял, как только мы выскочили на тротуар перед калиткой. Передо мной оказались двое, перед Энтони - тоже, пятый, как я заметил краем глаза, трусцой возвращался от угла, куда успел домчаться, спасаясь от милиции.

Первый размашисто ударил меня в лицо - я уклонился вбок и плечом свалил его в сточную канаву; жаль, сухую, давно не было дождей... У второго на пальцах в лунном свете блеснула рамка - кастет, ни фига себе, это серьёзно...

- Ыыхх! - он оказался так близко, что ощутимо запахло "джуси фрут". Без шуток? Ладно! Я поймал его запястье правой рукой, рванул на себя, выставив колено, а правым локтем ударил сверху по его локтю. Он взвизгнул и упал ничком, прижав локоть к паху и скрючившись. Полетевший в канаву уже стоял на ногах; его лица я не видел, но слышал прерывистое дыхание и понимал, что он напуган:

- Замри, - угрожающе сказал я. И понял, что вокруг тихо - только стонет тот, которого я свалил, да тихо ругается по-английски Энтони.

- У тебя как? - спросил он.

- Один пленный, - пошутил я и покосился на англичанина. Оба его противника лежали

крест-накрест, и я вдруг испугался. - Ты их не...

- Да нет, обычные хуки, - небрежно ответил он, - отлежатся... Голова поболит, конечно... Как там твой пленный?

- Иди сюда, чудо, - поманил я пальцем неподвижно стоящего парнишку, и он, словно под гипнозом, двинулся ко мне. Едва не полетел в канаву - не сводил с меня глаз, наверное. Я взял его за плечо - обмякшее, вялое - и поставил к забору, под свет.

Парня я не знал. Чуть помладше нас с Энтони, коротко подстрижен, обычно одет. Глаза перепуганные. Он стоял, закрыв ладонями низ живота и чуть опустив голову - ждал, что будут бить. У меня это желание совсем пропало. Никогда в жизни не бил тех, кто не защищается...

- Откуда ты такой свалился? - спросил я насмешливо.

- Из Кобяко-о-ов... - прогундосил он, и я понял: сейчас разревётся. Беда с этими рыцарями ночных улиц - кочевряжатся, как моя бабка говорит, словно им всем за тридцать, из них половина - на зоне, а дашь, что просят - на свои годы выглядеть перестают... Сейчас начнёт говорить, что больше не будет... - Я не бу-уду больше, че-естно...

Энтони рассмеялся - весело, без злости или издёвки. Предположил:

- Деньги на пиво понадобились? Подошли бы и спросили.

- Да нет, они обычно закурить спрашивают, - пояснил я. Энтони покачал головой:

- Курить вредно.

Парнишка шмыгнул носом. Он, кажется, думал, что это мы так издеваемся утончённо, прежде чем бить. Англичанин нагнулся, снял кастет с пальцев стонущего, повертел и зашвырнул куда-то на огороды через крыши домов.

- Я вас попишу обоих, - прохрипел тот, пытаясь разогнуться. - Попишу, - и выматерился не хуже Витька.

- Заткнись, - вдруг поскучевшим голосом сказал Энтони, - или будешь есть песок, пока не научишься держать язык за зубами.

Тот не осел никак ответить и больше не стонал. Энтони обратился ко мне:

- Похоже, ты ему руку сломал.

- Не жалко, - ответил я. Жалко в самом деле не было. - А всё-таки, зачем полезли-то? - это он снова тому, который стоял у забора.

- Мужик один попросил, - уже потвёрже ответил тот.

- У-уй, долбень... - выругался лежащий - и Энтони неожиданно и жёстко наступил ему кедом на лицо со словами:

- Не говори, что не предупреждали.

- Хватит, не надо, - поморщился я. Энтони убрал ногу и пожал плечами. - Тут что-то интересненькое наклёвывается... - я быстренько описал Сергеича. - Этот мужик просил?

- Не-е...

- Этот? - я живописал Витька так, что Энтони хмыкнул. К моему удивлению мальчишка покачал головой:

- Не, он не такой... Такой... среднего роста, здоровый... - он мучительно пытался подобрать слова для описания из своего небольшого, да и то - наполовину матерного словарного запаса, отчаялся и добавил самую важную для себя подробность: - Он нам бабки отслюнил. Баксы настоящие, по пятёрке целой. Сказал - залезете, принесёте спортивную сумку. Только про собаку не сказал... Отпустите, мы же не залезли...

- Он не назвался, этот человек? - поинтересовался Энтони.

- Не... Отпустите...

- Проваливайте, - мотнул я было головой, но Энтони преградил ему путь:

- Нет, стой. Куда вы должны были принести бумаги - быстро?!

- Бар "Какаду". Это... - заспешил пацан, но я прервал его:

- Знаю я этот бар, проваливайте, говорю, - и открыл калитку, чтобы поддержать Геббельса.

Не люблю входить ночью в тёмный дом. Даже побаиваюсь, если честно. Но одно дело -

в одиночку, совсем другое - вдвоём. И всё-таки я заговорил излишне громко, нашаривая на стене выключатель:

- Что, ходим в бар, он до четырёх утра?

- Смысла нет, - Энтони задержался в кухне, расшнуровывая кеды. - Мы же его в лицо не знаем, даже описания нет, а народу там, наверное, много... Я надеялся, что он где-то в безлюдном месте встречу назначил...

- Лучше скажи мне, как это вообще понимать, - я включил-таки свет и присел на диван. Энтони остановился в дверях, опершись руками на косяки. - Что это ещё за новый персонаж?

- Скорее всего - подельник наших знакомых, - предположил Энтони. - Подумали об оружии они - и решили подстраховаться - ещё кого-то привлечь. Да и полезно, чтобы у них был человек, которого мы не знаем.

Я задумался. Сказанное Энтони было логично. Им же надо как-то скрытно за нами следить... Но неужели эти жлобы решили делиться на троих?! Я так и сказал, а Энтони усмехнулся углом рта:

- Ты знаешь, что я думаю? Сергеич и с Витьком-то делиться не собирается.

Наверное, уже рассчитал, как будет его убирать, когда клад разыщут.

Вообще-то это звучало вполне правдоподобно. Витёк туповатый, это сразу видно, но, кажется, из тех бандюг, которые со своими ведут себя честно. А Сергеич - беспредельщик, по глазам видно, хоть и образованный... Что ему стоит обоим своих приятелей сначала подбить на такое дело обещанием несметных сокровищ - а потом угрожать где-нибудь в лесу? Обдумав всё это, я внёс предложение:

- Давай-ка оба здесь уляжемся, на полу. И не жарко - и поспокойнее...

Энтони покосился в темноту моей комнаты, на зашторенные окна. И кивнул:

- Согласен. Если кто во двор полезет - твой Геббельс им пообедает. А вот бутылку "молотовского коктейля" в окно кинуть у них не заржавеет. Просто из подлости.

В поджог я не верил. Им нужны бумаги, они убеждены, что бумаги в доме, так с какого ума им поджигать дом, где живёт их "объект"? Но кивнул, а потом поинтересовался:

- А ты откуда про коктейль знаешь?

Энтони, прикрыв рот рукой, вежливо зевнул и объяснил:

- Отец два года служил в Северной Ирландии, в Ольстере. Мы жили с ним - мать всё время, а я приезжал иногда. Там это распространённые штучки - делаются элементарно, а горят не хуже напалма... Слушай, давай-ка укладываться. Наговориться мы ещё сможем, а вот завтра быть как сонные рыбы - не годится, день ответственный.

Мы постелили на полу, посреди зала, закрыв шторы и здесь - на всякий случай. Форточку оставили открытой, и Энтони начал выдрючиваться, требуя, чтобы я включил таблетку "фумитокса", а то комары съедят. Потом он заявил, что утром хочет кофе, и я ехидно спросил:

- В постель?

- Нет, лучше в чашку, - невозмутимо срезал он, кладя рядом с рукой пистолет. Я подумал и устроил обрез сбоку от себя.

Энтони погасил свет и улёгся рядом. Кажется, он вознамерился мгновенно уснуть, но я задал внезапно возникший вопрос:

- Слушай, Энтони, а почему ты приехал один?

- Надо было взять с собой отца? - ворчливо осведомился он.

- Нет, но кого-нибудь из друзей... - пожал я плечами.

- Сложная это вещь - друзья, - сказал англичанин.

Он ничего не объяснял больше, а я больше и не спрашивал, хотя ответ ясности не прибавил. Друзей у него, что ли, нет? Или никто не поверил в его затею? Или он именно и хотел всё сделать один - как долг чести?

Луна светила сквозь шторы, как размытое белёсое пятно. Я подумал, что уже скоро мы поедем покупать снаряжение для авантюры, в которую втянул меня втянул этот графский отпрыск - здорово! Чёрт, надо же - на полу в на-шем доме спит настоящий английский

граф... А вообще-то он нормальный парень, и совсем простой, ничуть не похож на сынков новых русских, над которыми мы прикалываемся в школе. Хотя - какое сравнение, его семья скорее из "очень старых англичан"... Интересно, спят ли те двое козлов? Нет, теперь уже трое... а если больше? Не придётся ли вообще воевать в этом лесу... А, поживём - увидим...
Потом я заснул, кажется.

ГЛАВА 10.

Дискотека икнулась нам в пригородном поезде. За окном был сплошной туман, с утра - душно, мы, фактически не просыпаясь, добрались до вокзала, купили билеты, уселись в вагоне на ребристые лавки, обшитые светло-жёлтыми плашками... и проснулись, когда на нас надела контролёр, требовавшая, чтобы мы прекратили притворяться и покупали билеты. Кажется, она была очень огорчена, когда мы предъявили всё-таки "билетики", как она слащаво выражалась - и пошла дальше по проходу, что-то недовольно бурча под нос и терроризируя пассажиров.

- Могла бы и не будить, - заметил Энтони, потирая спину. - Господи, какой палач додумался сделать такие сиденья?!

- Вагон переделан из плацкартного спального, - пояснил я, потягиваясь. - У перегородок срезали верх, мягкие диваны сняли и настлали этот помост... Уф, у меня во рту как кошка окотилась.

- Вода тут есть? - спросил Энтони, выглядывая в окно. - Красиво? Это он - тот самый лес?

Я посмотрел тоже. Да, мы проезжали лес - большая часть пути осталась позади. Солнечные песчаные косогоры, поросшие сосняком, сменялись зарослями подлеска, через который в таинственную тёмную глубину дубрав уходили тонкие тропки. Потом вдруг поезд проскакивал над чёрной водой лесных проток, подёрнутых ряской, где смыкались ветви ив, а поверхность воды расчерчивали ещё не затянувшиеся следы уток. И снова лес - дубы, вязы, изредка - весёлые берёзки и серые стволы осин... Да, Энтони был прав - красиво. Я всегда знал, что наши места красивы, но сейчас смотрел на них с особенной гордостью - их похвалил немало видевший иностранец!

- Похоже на те места, где ты родился? - любопытствовал я. Энтони медленно покачал головой:

- Нет... У нас тоже дубы и вязы, но они растут рощами между холмов. Там же текут речки - узкие, тихие... А на самих холмах - зелёная такая трава и всегда ветер... Если с моря - пахнет солью, йодом. А если с запада - цветами, землёй, травой... У нас очень красиво, Эндрю! - он задумчиво улыбнулся, потом потряхнул головой и спросил: - Ну, тут есть вода?!

- В туалете, - предвкушая реакцию, ответил я.

...Жарища в Тамбове стояла такая же, как и у нас, но было гораздо оживлённей. Судя по лицам, большинство людей были не в восторге от собственной торопливости - они бы предпочли провести время на одном из пляжей. Это зрелище навело меня на философские размышления - когда мы садились на остановке около вокзала в автобус N18, я поделился ими с Энтони:

- Сколько же всё-таки у взрослых неприятных обязанностей!

- Это если работа нелюбимая, - не согласился со мной англичанин. - Каждый человек должен любить свою работу или службу... Слушай, что-то наших знакомых не видно.

- Может, за нами тот, третий, следит, - предположил я. Энтони осмотрелся - по возможности, салон был набит битком - и признался:

- Да, его нам не вычислить... Ну и в конце концов - чёрт с ним, пусть следит! Они же и так знают, что мы собираемся в поход - ничего нового он не увидит...

- Я о другом... Как бы они домой не забрались, вот что.

- А твой Фюрер?
- Геббельс... Обойдут дом со стороны соседского двора и влезут в кухонное окно. Соседи всегда датые.

- Что? - нахмурился Энтони.
- Пьяные они всегда, - пояснил я. - Конечно, всё равно ничего не найдут, но загадят ведь всё...

- Не полезут, после короткого раздумья сообщил мне Энтони решительным тоном.
- Посуди сам: зачем им лишнее внимание привлекать? Мы ведь можем про них сообщить властям - зачем давать лишний повод? Их задержат и, даже если они быстро выйдут, мы-то сможем из-под их контроля вырваться...

Автобус, бесконечно застревая на красный свет, тащился по переполненным машинами улицам. Интересно, кстати, почему так получается. Если ты едешь на транспорте - на каждом перекрёстке тебя ждёт красный свет, стой и жди. Пешком идёшь - на тех же самых перекрёстках тот же красный свет, но уже для пешеходов. Та же история - стой и жди! Один мой приятель говорит - закон подлости... Энтони примолк, внимательно рассматривая улицы, по которым мы проезжали, потом вдруг спросил:

- А сам этот ваш Тамбов - старый город?
- Относительно, - подумав, ответил я. - С 1636 года, его строили, как крепость против крымских татар... Да не делай стойку, у нас тут все города в прошлом крепости.

- Нет, если 1636 год - это не годится, - согласился Энтони. - А до этого точно ничего не было?

- Точно, - кивнул я. - Вернее, было поселение эпохи бронзы, но оно даже не славянское.

- А-а... Нам когда выходить?

Я посмотрел в окно:

- Через одну. А там рядом... Обратно, кстати, можно на автобусе, тут до вокзала недалеко.

Энтони промолчал - снова внимательно рассматривал людную улицу и проносящиеся мимо машины.

...Нужный нам магазин "Охота" открылся в Тамбове не так уж давно, но пользовался большой популярностью как среди людей, которые и в самом деле заходили что-то купить из богатого ассортимента, представляемого магазином на продажу - так и среди тех, кто купить ничего не мог, но не мог и отказать себе в удовольствии просто полюбоваться на "тулки", "винчестеры", "сайги", газобалонники и ножи различных форм и размеров. Продавцы никогда никого не гоняли и охотно давали пояснения даже сопливым пацанам, толкавшимся у оружейных витрин. Я тут бывал в каждый свой приезд - иногда просто смотрел, а иногда покупал кое-что для рыбалки.

Однако, сейчас в магазине было почти пусто - он только что открылся, да и обычный контингент посетителей уже часа два как торчал на речке. Кассирша читала книгу. Усатый продавец неспешно беседовал с высоченным тощим мужиком о видах на урожай при такой жаре. Мужик при этом без особого интереса рассматривал оптический прицел к карабину.

Энтони вошёл в зал вполне хозяйской походкой, с видом не наигранно-уверенным, а просто уверенным. Осмотрелся с порога и негромко похвалил:

- Ничего ассортимент... По-моему, тут есть всё, что нужно.

Его слова гулко отдались в большом, с высокой крышей, зале, и продавец без особого интереса, но вежливо спросил:

- Брать что-нибудь будете, ребята?

- Да, - кивнул Энтони, - и многое.

Продавец оставил своего собеседника - тот, кстати, совершенно не огорчился и продолжал прикидывать на руке прицел - и перебрался к нам.

- Что показать? - поинтересовался он. Энтони осмотрелся ещё раз и указал подбородком:

- Начнём вон с тех рюкзаков... Они с опорным каркасом?...

...По-моему, продавца мы умотали. Энтони оказался, как ни странно, въедливым и даже привередливым покупателем - браковал вещи, казавшиеся мне лично вполне подходящими. Так, забраковал топоры только потому, что у них рукояти не были обтянуты резиной - и продавец без звука принёс финские,обрезиненные. Он вообще попал под гипнотическое влияние англичанина - надо было слышать, каким извиняющимся стал его голос, когда он объяснял, что не может, к сожалению, продать охотничьи ножи несовершеннолетним. Кажется, он принял нас за сынков "новых русских", потому что тут же предложил специальные туристские ножи "трамонтана", наборы из четырёх штук. Мне ножи понравились, но Энтони покрутил их и покачал головой:

- Это даже не сталь, а плохое железо.

Продавец с извиняющимся видом кивнул.

Куча вещей росла, и Энтони рылся в ней, по английской же пословице - "как терьер в лисьей норе", ухитряясь и тут что-то выбраковывать и заменять. У меня-то в душе пело при одном взгляде на "гриндерсы" с тугой шнуровкой и мягкой подошвой, или немецкие камуфляжные куртки, так что я считал привередство англичанина излишним.

- Консервы купим у вас и аптечку сформируем тоже, - обратился он наконец ко мне, - нечего их отсюда тащить... А где у вас палатки? - вновь повернулся он к продавцу. Тот немедленно показал несколько разнокалиберных свёртков, и Энтони с ходу прилип к одному, словно увидел старого знакомого. - Двухместная? - уточнил он и, получив утвердительный ответ, кивнул: - Беру, - а мне пояснил: - Это наша, английская. Фирмы "Ойстон фэмили груп".

- Э... ты уверен, что сможешь с ней справиться? - поинтересовался я. - Я палаток в жизни не ставил. Мы в походах в гамаках спим...

- Не беспокойся, нас с ней сделали в одной стране, - заверил меня Энтони и снова обратился к продавцу. - У вас не очень хорошие бинокли.

- Да, не "цейсс", - пожал плечами тот. - Если вы не очень торопитесь, то через три дня привезут янковские - с указателем расстояния до цели и ночным видением.

- Возьмём эти, - решил Энтони. - Так, а у вас есть готовые комплекты выживания?...

...Оказалось, что нет. Энтони тут же взялся, как он выразился, "формировать" их - затребовал себе две жестянки охотничьего табака, сам табак немедленно выбросил и принялся заполнять коробки водоотталкивающими спичками, свечами, кремнями и кресалами из ножовочного полотна, лупами, иголками с мотками ниток, светокристаллами (я их первый раз увидел так близко), струнными пилами и ещё какой-то мелочью. Продавец уже посматривал на нас с лёгкой опаской - то ли принял нас за функционеров националистической организации, закупающих снаряжение для партизанской войны, то ли просто внезапно заопасался, что мы схватим всё это в охапку и убежим, не расплатившись.

Я тем временем отошёл к витрине - надоело, если честно, наблюдать за Энтони, ножи рассматривать интереснее. Я так увлёкся разглядываньем "джангл кинга" офигенных размеров с пилой на обухе, что не заметил, как ко мне подошёл и встал рядом ещё один посетитель магазина - он видел, что продавец плотно занят и решил скоротать время за разглядываньем холодного оружия. Я же обратил на соседа внимание только когда он спросил:

- Хорошие штучки, правда?

Я посмотрел на этого человека - среднего роста мужчину лет сорока, крепкого, просто одетого, с добродушным лицом сельского работника. Не иначе как зашёл что-то для рыбалки купить... или порох для самодельных патронов.

- Да, красивые. - согласился я. - Только не для нас.

- Не продают? - сочувственно спросил он, кивнув на продавца, который уже начал считать цену покупки. Энтони на корточках сидел около свёртка с палаткой и что-то разглядывал. Я кивнул:

- Собрались в поход, а с ножами облом.

- В поход? - с уважением переспросил он. - Люблю парней, которые свободное время

не за компьютером проводят, а с рюкзаком за плечами... Да, без ножей - плохо...- он задумался,потом вдруг неожиданно мне подмигнул: - Сейчас, погоди.

Он отошёл к столику продавца и заговорил с ним, оторвав от подсчётов. Продавец выслушал сказанное, кивнул, что-то сказал в ответ. Мужчина достал какую-то книжечку; продавец посмотрел в неё и, снова кивнув, шагнул за прилавок, скрылся под ним. Я смотрел во все глаза, но не мог понять, что же происходит, пока мой новый знакомый не вернулся ко мне, неся в руке... два ножа в коричневых кожаных ножнах с петлями для крепления на поясе и охвата рукояти! Ножи были не очень длинные, с медными перекладками и деревянными рукоятями в мелкой насечке. Не такие красивые, как те, что на витрине - и мужчина, увидев лёгкое разочарование на моём лице, хмыкнул:

- Что, некрасивые? Ну и дурак. Все эти, - он кивнул на витрину, - для богатеньких потупее... Держи, - он протянул ножи мне, - тебе и твоему приятелю. Хороший нож - необходимая вещь для парня. Я вырос в местах, где ножи носят по традиции все мужчины... даже не ножи, а настоящие кинжалы!

- Пойдите, погодите, я сейчас расплачусь с вами, - заторопился я, беря оружие. - Сейчас, стойте, хорошо?

- Подожду, подожду, - кивнул он, - триста за два. Есть деньги-то?

- Есть, есть! - ответил я на ходу, чуть ли не бегом направляясь к Энтони, который так и не посмотрел в нашу сторону. Опустившись рядом с ним на колени, я сунул ему ножи и зашипел: - Давай три сотни, тут один мужик нам ножи купил, надо расплатиться...

- Какой мужик? - спросил он, доставая деньги и оглядывая зал. - Эй, Эндрю, какой? - повторил он уже удивлённо. - Кто тебе их купил-то?!

Я обернулся.

Продавец заканчивал подсчёт.

По-прежнему вертел в руках прицел тощий посетитель.

Двое пацанов лет по 11-12 рассматривали в витрине газобаллонники.

Моего благодетеля в зале не было.

ГЛАВА 11.

До Фирсанова мы добрались мокрые, как мыши, усталые и злые - не от тяжести, а от непонятности произошедшего. Ещё в автобусе мы договорились до самого вроде бы вероятного варианта - что моему знакомцу и в самом деле просто захотелось сделать приятное двум мальчишкам за свой счёт: он или какой-нибудь "новый русский" - или - что вероятнее - фермер из богатеньких. Я его подробно описал - Энтони такого не знал и не помнил.

В дом никто не забирался. Вернее - так мне показалось сначала. Да я бы так и продолжал думать, если бы не то, что Геббельс дрых и не поднял головы, когда я лязгнул калиткой.

- Разоспался, - буркнул я, сваливая рюкзак на крыльцо. Геббельс с усилием приоткрыл один глаз, что-то пробурчал и уснул снова. - Соня... - нагнувшись, я потерзал его уши. - Жарко, вот и спит, - извиняясь за своего пса, сказал я Энтони - прислонив рюкзак к лестнице, он что-то внимательно рассматривал на дорожке из серых бетонных плит. Потом, не обращая внимания на мои слова, быстро наклонился и поднял коричнево-бурый сухой мазок глины с отпечатком протектора с носка ботинка.

- Так, - он шагнул мимо меня, сразу через ступеньку, нагнулся к Геббельсу, запустил пальцы в шерсть на лапе. Подержал секунду, выпрямился. - У нас были гости. Никогда бы не подумал, что эти ничтожества способны так действовать...

- Что случилось? - быстро спросил я его. Тревога в голосе Энтони передалась мне.

- Твоего пса усыпили, - медленно произнёс он, осматривая двор.

- Он не берёт у чужих, - возразил я, мельком посмотрев на Геббельса.

- Не в еде, - поморщился Энтони, - стрелкой со снотворным, как в зоопарке хищников для осмотра... - он посмотрел на замок на двери. - Вроде не открывали... хотя тут я не специалист...

...В доме следов обыска не было. Их так явно не было, что я был уверен - обыск состоялся. Энтони снова зачем-то выбежал во двор и вернулся бледный, с кривой улыбочкой.

- Кто-то провода на бензобак замкнул, - пояснил он. Мне стало не по себе окончательно. Неплохо! Врубаешь мотоцикл - и тут же взрыв... Но Энтони, тряхнув головой, сказал:

- Убивать меня они не собираются, я им живым нужен. Это так... напоминание о своих возможностях. Получается у нас с тобой настоящий крестовый поход, Эндрю!

- Крестовый поход, - проворчал я, справившись с собой. - Пойдём за консервами и аптечкой, крестоносец? У тебя деньги-то ещё есть?

- Сейчас напечатаю и пойдём, - ответил Энтони с таким серьёзным видом, что я подозрительно на него уставился: шутит? - Не волнуйся, ещё достаточно!

...Конкуренты наши как сквозь землю провалились. Мы их не видели ни по дороге в магазин, ни там, ни когда шли обратно. Вообще почти никого не видели. Геббельс проснулся - сидел на крыльце, зевал во всю пасть и виновато смотрел в сторону, даже не запротестовал, когда я повёл его к соседке, хотя обычно в таких случаях поднимал настоящий скандал и упирался всеми четырьмя лапами не слабее упрямого осла.

Вернувшись обратно, я запер калитку изнутри на засов и довольно долго стоял у забора. Мне было немного грустно и слегка не по себе, а кроме того ещё и почему-то стыдно перед мамой. Неожиданно пришла в голову идиотская мысль: а что если я не вернусь, как она будет?! Что я вообще творю, какое мне дело до этого чокнутого англичанина - у неё никого нет, кроме меня! Надо пойти и отказаться, вернуть деньги и отказаться...

Я стоял, думал так и понимал, что не откажусь - и не из-за десяти тысяч, нет. Из-за... а, да что там! Стоило мне подумать так - и приступ тоски прошёл, как по волшебству. Теперь я думал уже только о том, какие интересные деньки нас ждут. И... чем чёрт не шутит - вдруг мы и впрямь найдём Святой Грааль?! Где-то я читал, что на вершине горы Арарат учёные обнаружили остатки какого-то судна - многие считают, что это ковчег из Библии... Почему бы не найтись в средней полосе России Граалю, занесённому сюда рыцарем XIII века?

...Энтони сидел перед включенным телевизором и смотрел "Угадай мелодию". Вернее - смотрел на экран и думал о чём-то своём; как тут же выяснилось - о нашем, потому что, едва я вошёл, он поднял на меня глаза и медленно сказал:

- Я вот что подумал... С твоего двора никаким другим путём нельзя выбраться? Ну... через огороды, что ли?

- И к Котовскому? - серьёзно спросил я. Энтони нахмурился:

- К кому?

- Ни к кому. Это вроде пословицы, - пояснил я, плюхаясь в кресло, - огородами и к Котовскому... Можно, если пораньше и по-тихому, а то соседи гвалт поднимут. Выйдем к речке, пройдем лугом к почте, а дальше - на вокзал. А там - Ягуар выйдет на тропу войны, и тем, кто творит зло, придётся заплатить адскую цену, - процитировал я телерекламу видеофильма.

- Лучше сделать так, - решил Энтони. - Дольше и сложнее, но, может, сразу и стряхнем их с себя. Или хоть задержим...

- Решили, - легко согласился я. - Давай рюкзаки собирать?

- Давай, - охотно откликнулся Энтони. - Выбирай, какой хочешь...

...Когда я проснулся, Энтони без света заваривал на кухне чай. Мы молча попили его, даже не присаживаясь, вымыли чашки, и англичанин пошёл на задний двор, а я задержался, запирая двери и всё ли в порядке остаётся дома.

Энтони стоял уже около туалета - по колено в траве и по пояс в белёсом тумане. Я,

ступая как можно тише, подошёл к нему, и мы несколько секунд сто-яли,прислушиваясь. У соседки за стеной возились в сарае куры. Гавкнул Геббельс, где-то на лугу замычала корова. И мне вдруг пришло в голову, что сцена напоминает кусочек из книги Толкиена "Властелин Колец" - там вот так же отправляется в путь главный герой:под утро, не зная,что у него впереди, тишком...

- Как у Толкиена, - одними губами сказал Энтони, и я удивлённо посмотрел в его сторону:

- Я тоже подумал... Ну что?...

- Бороться и искать, - серьёзно кивнул Энтони.

- Найти и перепрыгнуть, - так же серьёзно поддержал я.

Мы пересекли огород и, открыв заднюю калитку, вышли на соседские - тоже плавающие в тумане, из-за которого невозможно было определить, что впереди - безобиднейшее пугало, охраняющее тыквы, или сосед, которому с утра пораньше приспичило полить огурцы, пока те ещё не совсем загнулись от жары. Однако, никого на огородах не было, и мы шли,собирая на себя всю росу. Тут я открыл к своему большому удовольствию, что камуфляж не промокает - вода скатывалась по нему, даже не оставляя следов.

Этот путь я хорошо помнил, так как десятки раз пользовался им - с тех пор, как себя помню - и ни разу не был замечен шастающим по чужим огородам и дворам. И всё-таки - по тому же закону подлости! - нам "повезло" именно сейчас.

Мы шли мимо крыльца дома - ещё десяток шагов, и окажемся около речки, а там - лугом и вперёд... но дверь на крыльце вполне гостеприимно распахнулась, и ветхая бабуля остолбенело уставилась на две фигуры в камуфлированной форме, с рюкзаками за плечами, деловито движущиеся через её суверенную территорию. К счастью, бабуля и не подумала о защите своего суверенитета - пискнув, она несколько раз перекрестилась и замерла на крыльце.

Не прибавляя и не замедляя шага, ни слова не говоря, я медленно поднял палец к губам и так же медленно опустил его. Мы с Энтони прошли мимо крыльца, я открыл калитку, пропустил англичанина на улицу, запер за собой щеколду - и только отойдя к мосту через речку, за которым начинался луг, мы захохотали, держась за перила и глядя друг на друга.

- Нехорошо старушек пугать, - выговорил я наконец - и мы зашли снова. В свою очередь, Энтони спросил:

- За кого она нас приняла, интересно? - и мы опять заикали, потому что смеяться по-нормальному сил уже не было. Всё ещё фыркая и побулькивая, выбрались мы на луг и окончательно перестали веселиться только когда подошли к большому мосту около почты, по которому изредка проносились машины. Здесь остановились - поправить тяжёленькие, надо сказать, рюкзаки, прислушаться и осмотреться.

- Тихо у вас, - сказал Энтони, приглушив голос. - Как ТОГДА.

Я понял, о чём он говорит, и в душе согласился, но вслух поправил:

- Нет, тогда было ещё тише. А тут, где мы с тобой стоим, текла река...

- А сейчас - помойка, - проницательно заметил Энтони, глядя на свалку пустых пластиковых бутылок и пакетов с какой-то гадостью, раскинувшуюся около тропинки под ветвями ивы. - У вас же стоят контейнеры, так почему туда не складывают?

- Леня дойти, - настроение у меня испортилось окончательно. - Самое обидное знаешь что? Вот тут гадят те, кто у себя во дворах каждую бумажку подбирает. А сюда что - вали, раз не моё! Хуже завоевателей любых...

Я просунул большие пальцы рук под широкие, удобные лямки рюкзака и первым зашагал по крутой тропинке вверх, на дорогу.

...В поезд мы пролезли нелегально - не с перрона, а с обратной стороны, найдя незапертую дверь - и долго осматривались, прежде чем войти в вагон и сесть. К радости Энтони, вагон оказался с откидными мягкими сиденьями - у нас иногда цепляют один такой - и англичанин, впихнув рюкзак на цивилизованную багажную полку, со вздохом откинул

сиденье на максимум и вытянул ноги под кресло напротив:

- Ух! Начинаем...

- И, похоже, без наших товарищей, - заметил я, плюхнувшись с ним рядом и тоже подальше откинув сиденье. - Господ крестоносцев просят предъявить билеты на проезд до Тамбова...

В душе я был согласен с Энтони. Сейчас ощущалось полное и приятное спокойствие - путешествие началось, теперь надо только придерживаться маршрута и не унывать. Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем Сергеич, Витёк и их неизвестный поделщик сообразят, что дом, за которым они следят - пуст, как найденная на помойке консервная банка? Даже если каким-то чудом уже сообразили - они в пролёте. Откуда им знать, куда мы направи-мся из Тамбова? Похоже, я зря так уж беспокоился...

Поезд мягко дёрнулся и покатил по рельсам, плавно набирая скорость. Проехал мимо вокзал легкомысленного розового цвета, пробежали столбики перрона... Всё. Едем.

- Сами мы люди не местные...

Я даже не оглянулся на эту заповку, надоевшую, как реклама. Жертвы всех мыслимых и немыслимых войн, несчастий и стихийных бедствий обращались с ней к пассажирам всех видов транспорта, на котором мне только доводилось ездить - ну, может быть, в самолётах их не было. Я - человек злой и недоверчивый не в меру (это мне так одна... один мой знакомый сказал), поэтому несчастных страдальцев я никогда не слушал и ничего им не подавал. Но на этот раз привычное начало сменилось мальчишеским голосом, звонко провозгласившим:

- Подайте нам на билет до Петропавловска-Камчатского!...

- ...и обратно, - поддержал мужской голос.

- Не дайте нам с папашей умереть, не увидев Петропавловска-Камчатского!

- вновь провозгласил мальчишеский голос.

Пассажиры начали смеяться. Я выглянул из-за сидений - мужика не увидел, он стоял в тамбуре, за открытой дверью, а мальчишка лет десяти, одетый в шорты, драные кроссовки на босу ногу и распахнутый армейский камуфляж, грязный и великоватый ему на десяток размеров, уже двигался по проходу, держа в руке... пробковый шлем, в котором блестела мелочь.

Когда он поравнялся со мной, я достал из кармана на рукаве первое, что подвернулось - десятирублёвую купюру - и бросил в шлем со словами:

- Повидай Петропавловск-Камчатский. Нужное дело.

ГЛАВА 12.

Влево и вправо через поля уходила прямая, как стандартная школьная линейка, серая асфальтированная дорога. Недавно асфальтировали, а для кого - непонятно, в обе стороны на дороге было пусто, как летом в коридоре - тоже школьном. Посреди всего этого безобразия на обочине торчала будка, некогда раскрашенная в весёлый сине-белый цвет. На белом фоне художники прошлых лет изобразили молодую женщину со снопом в руках и широченной улыбкой, но за последнее время красочка облупилась, и женщина стала сильно напоминать прокажённую в последней стадии развития болезни. Голубой фон украшала алая надпись из баллончика с краской: "Лохи деревенские." Совершенно непонятно было, кого имел в виду автор - или никого не имел, а посидел, как мы, три часа в будке и начал изливать свои чувства на подвернувшиеся предметы.

Эта будка автобусной остановки была началом нашего пути. От неё предполагалось добраться на автобусе до ПГТ Княжево, а уж оттуда пешком чесать по линии на карте, попутно занимаясь необходимыми изысканиями. Да и само название - Княжево - наводило на определённые ассоциации. Но вместо изысканий мы сидели около будки на рюкзаках и

мрачно рассматривали дорогу. Саму будку оккупировали пять бабок с кошёлками. По их виду они никуда не торопились и возможно даже проживали тут, а на нашу попытку присоединиться к ним и посидеть на скамеечке в тени реагировали ледяным молчанием и косыми взглядами. Когда мы перебазировались на рюкзаки, они вновь заговорили, но теперь все их разговоры вертелись вокруг проблем нынешней молодёжи и средств их решения, сводившихся к тому, что всё население страны в возрасте 10-17 лет необходимо отправить на строительство железнодорожной магистрали Салехард-Певек. В отношении более младших бабки милостиво сошлись на пожизненном заключении в спецшколах. Не знаю, как Энтони, а я бы сейчас согласился на вариант с Салехардом - лишь бы куда-то двигаться...

Кроме всего прочего, страшно хотелось пить. У нас были фляжки. Пустые. И много "Юпи"... в пакетиках. Я даже хотел рассказать анекдот про это - ну, правда, там "Инвайт" - но Энтони так посмотрел на меня, стоило открыть рот, что я счёл за лучшее промолчать.

По-моему, его тоже начала раздражать - не столько жажда, сколько невозможность двигаться. До Княжево было километров двадцать, по такой жаре на открытом месте мы протянули бы ноги раньше, чем прошагали половину пути. Куртки, и без того надетые на голое тело, мы давно сняли и приторочили к рюкзакам - теперь тихо обгорали, совершенно не волнуясь по этому поводу.

Когда стрелка на моих часах показала ровно 6 (или 18.00, если быть точным), я решительно поднялся и, тронув Энтони за плечо, скомандовал:

- Вставай, пошли.

- Пешком? - он тут же встал - похоже, созрел. - Пошли.

Мы синхронно вскинули рюкзаки на плечи... и произошло то, чего я в глубине души ожидал. Убедившись в нашей решимости, на дороге из жаркого марева материализовался новенький бело-красный автобусик, наводивший на мысли о "скорой помощи".

- Сейчас бы ушли, - укоризненно посмотрел на меня Энтони. Я молча усмехнулся с чувством превосходства. Не объяснять же ему, что:

а.) у нас водила остановится хоть в чистом поле, не обязательно на остановке, только руку подними;

б.) не продемонстрируй мы Судьбе готовность шагать пешком - закон подлости работал бы до 10-11 часов вечера...

Бабульки уже погрузились в салон, прижали к себе кошёлки и теперь следили за тем, как грузимся с рюкзаками мы. На лицах у них было написано суровое недоверие и готовность своими силами разоружить преступников, буде у них в рюкзаках окажется оружие и они попытаются угнать автобус в Швецию. Кроме нас в салоне спал небритый джентльмен, занявший целое сиденье, да читал книгу "Как за полцены построить дачу" здоровенный мужик в тельнике.

Мы расположились в хвосте. Водила, высунувшись из-за перегородки, окинул салон взглядом из-под козырька бейсболки с неразличимой надписью и, достав откуда-то бутылку водки, предложил, обращаясь сразу ко всему салону:

- Ну чё, никто не хочет? - выдержал паузу, поболтал бутылку, сделал хороший глоток, хакнул нутром и, убирая тормоз, заключил: - Ну чё, смертнички - поехали?

- Это что - водка? - шепнул Энтони. Я пожал плечами, предпочитая особо не размышлять, что там у него. Зачем сразу предполагать худшее? Может, всего лишь самогон...

Пьяный или трезвый, но водила вёл свой аппарат здоров. Да и дорога в самом деле оказалась неожиданно хорошей и дальше - от плавной быстрой езды и жарищи нас разморило, и я даже не помню, как отключился... а когда проснулся - мы выруливали на небольшую пыльную площадь, где около почти строго кубического здания в ряд стояли полдесятка автобусов. Никакой надписи не имелось, и так было ясно, что автовокзал. Солнце стояло высоко, однако, площадь была пустынна, как и видневшаяся за ней улица.

- Княжево, - буркнул из своей будки водитель, - приехали. Расплачивайтесь.

Пассажиры потянулись на выход. Водитель, превратившийся в билетёра, небрежно

отхватывал от закреплённой на проволочной петельке катушки зелёные талончики; Энтони, проходя мимо него, принялся столь очевидно, что тот рассмеялся:

- Пробрало, пацан? Люблю пошутить... - он достал из-под сиденья бутылку и протянул нам. - Вода. Тёплая, зараза... Хуже тёплой водки.

Выбравшись на площадь, Энтони тут же устремился к украшавшему угол станции гнутому крану с вентилем, отвернул его и воткнулся под струю.

- Имидж - ничто. Жажда - всё, - прокомментировал я, тем не менее подставляя ладони с другой стороны.

Умывшись и напившись, мы прямо на месте начали решать проблему ночлега. Гостиницы тут, конечно, не было - это я знал точно. Был Дом Колхозника, сохранивший от прежних времён название и качество обслуживания. Энтони, поразмыслив, сказал, что, если это хуже фирсановской гостиницы, то он лучше заночует прямо на площади, благо, консервы есть. На это я возразил, что в таком случае нами может заинтересоваться местная милиция и угрожающе спросил:

- Ты Стивена Кинга читал, "Талисман"?6

Энтони ответил, что читал, что ему не двенадцать лет и что первому, кто осмелится нарушить его суверенное право на отдых, он пустит пулю в лоб. Однако, я всё-таки склонил его пойти поискать ночлег в посёлке...

...Фирсанов, как я уже упоминал, город тихий и зелёный. Но Княжево мою малую родину в этом отношении переплюнуло. Мы тащились неимоверно длинной и - к счастью! - тенистой улицей вдоль палисадников, за которыми не было видно домов. Бабульки на лавках выглядели неприступными, как стены Иерусалима для настоящих крестоносцев. Больше живых существ не наблюдалось - даже детей и собак. Взрослые, наверное, смотрели дома телевизор, а дети и собаки в меру возможностей безобразничали на реке или пруде... пруду... короче, на берегах местного водоёма.

- На крайний случай - пойдём на окраину и разобьём палатку, - признал я своё поражение.

- Пошли сразу, - предложил Энтони.

- Так мы же и идём...

- Заночевать негде, что ли? - старческий, но вполне бодрый голос со стороны прервал наши невесёлые размышления.

...Михал Юрич - "не Лермонтов", как он сам признался - оказался сущим кладом. Может быть, в его действиях и была доля эгоизма - по его собственным словам, он начал тосковать по общению, едва вышел на пенсию с местных электросетей, где отработал сорок лет и общение его свелось к телевизору и "соблюдению вооружённого нейтралитета" с женой, как он говорил. Поэтому, пустив нас переночевать, он рассчитывал взять плату в виде беседы и очень обиделся, когда этот английский дикарь - Энтони - предложил ему деньги.

Поплескавшись во дворе у колодца, мы воспрянули духом и охотно, уже не чинясь, подсели к сковороде с тушёной капустой с мясом и грибами. Михал Юрич, одетый в очень комично на нём смотревшиеся джинсы и майку, присел тоже, но не есть, а говорить. Мы какое-то время опасались появления его жены и возможности быть втянутыми в вооружённый конфликт, но невысокая плотная бабуля появилась с ведром парного молока и без особых разговоров налила нам по кружке. Очевидно, конфликт имел какие-то неясные стороннему глазу причины.

Видя, что хозяин мастер поговорить, Энтони вставил вопрос о названии ПГТ - и к нашему огорчению выяснилось, что Михал Юрич ничего об этом не знает, потому что родился он не здесь, а краеведением никогда не интересовался. Энтони увял, но вступила супруга нашего хозяина:

- Это ж село было раньше. Княжево село. Мне мать-покойница говорила - сама-то я не застала того - что вроде село было брата царского, отсюда и название...

- А крепости тут никакой никогда не было? - осторожно поинтересовался Энтони. - Совсем давно?

- Откуда ж совсем давно, если село наше всего полтора ста лет стоит? - спокойно ответила старушка. - Это ж выселки с Козьмино-Брода, есть тут такой город недалеко...

- Полтора ста... - вздохнул Энтони. - Жаль.

- Они, мать, древности ищут, - пояснил Михал Юрич, - старую крепость княжью, ещё с монгольских времён.

- Лес тут тогда был, - пояснила старушка. - Тут и к северу - лес, а поюжнее - степь. Про старую крепость я не слыхала... А была бы - учёные небось раскопали б давно!

- Да, пожалуй, - согласился Энтони. - Ну что ж, будем дальше искать.

- Это вам что ж - от школы такое задание, или как? - поинтересовался Михал Юрич.

- Сами ищем, ради интереса, - ответил я.

- Как юные следопыты, значит, - кивнул хозяин. - Раньше-то их много было, только всё больше по революционным местам ходили. А вы во-он куда замахнулись!

- В лесу-то бы вам осторожнее, - вздохнула старушка. - Большой лес, и звери, и болота, и люди разные бывают... Прошлый месяц двоих туристов вот так тоже - за вещи убили.

- За снаряжение, - поправил Михал Юрич.

- Да хоть за золото! - рассердилась она. - Людей-то!...

- Нашли, кто убил? - спросил я. Михал Юрич молча махнул рукой, потом сказал:

- Вы и правда - осторожней там... Взрослых с вами никого, вот что плохо... И как вас только отпустили?

- А вы из дому не сбегши? - вдруг заподозрила старушка. Но Энтони среагировал молниеносно и хладнокровно:

- Кто бы нам такое снаряжение купил и как бы мы с ним из дому выбрались? - спросил он, и это нехитрое заключение успокоило наших хозяев, хотя они ещё какое-то время прохаживались по отношению наших родителей, вызвав у меня очередной приступ угрызений совести - пришлось себе напомнить, что я формально ниоткуда не сбегал и мама обо мне не беспокоится...

ГЛАВА 13.

Сельмаг работал несмотря на то, что было шесть утра, а на табличке у двери значилось, что он открывается в семь. Впрочем, как объяснил нам стоявший в очереди пацан, "это просто хлеба ждут, сейчас привезут, а вы заходите, она даст, чего надо, если не хлеб."

"Она" - крашеная блондинка за сорок, флегматичная и полная - и в самом деле к породе формалисток явно не относилась. Отгрузила нам то, что могло пригодиться, из не такого уж большого выбора на прилавках и полках (не напрасно мы рассчитывали большую часть хавчика закупить непосредственно перед "уходом в леса") и даже не поинтересовалась, например, на кой нам чёрт десять брикетов гречневой каши. Пока Энтони расплачивался, я обнаружил на полке для хлеба белые булки и рыжие кругляши баранок с маком - очередь ждала черняшку. Баранки я всегда любил и обратился к продавщице:

- У вас баранки свежие? - на мой вопрос она покачала головой. - А булки?

- Возьмите лучше баранки, - без какого-либо выражения посоветовала она.

Энтони закончил надо мной покатываться только у реки, за которой чёрно-зелёной стеной вставал лес. А ещё говорят, что англичане - сдержанный народ! Впрочем, на него, наверное, подействовала мысль, что вот теперь-то и начался по-настоящему наш поход - поход, в котором мы будем зависеть не от поездов, автобусов и расположения хороших людей, а от собственных рук, ног и голов...

Энтони, как руководитель и наниматель, поставил целью к вечеру добраться, не сворачивая с линии на карте, определявшей наш путь, до дома лесника - пятнадцать километров по лесу, без дороги - расстояние солидное, для каких-нибудь джунглей - вообще невероятное. Когда мы переходили лужок за мостом, я поинтересовался:

- Антон, а ты в джунглях бывал?

- Угу, - буркнул он, занимаясь переключением пистолета из бокового кармана рюкзака в специальный карман на камуфляже. Поместил его туда и сказал: - Мерзкое место. Духота. Сырость. Ничего не видно. Никого не видно. Разной мерзости полно. Противно.

- А твои поверят, что ты на Амазонке, раз у тебя к джунглям такое отношение?

- Поверят, - коротко ответил Энтони, больше ничего не объясняя.

И мы начали углубляться в лес - НАСТОЯЩИЙ лес...

...Хорошо, что у Энтони - подробная карта. Пользоваться ею, скажем, на ходу - не очень удобно, уж слишком огромная. Зато по ней, если есть компас, можно двигаться совершенно незнакомой местностью, не опасаясь сбиться - по азимуту. Энтони их заранее определил, ещё в Кирсанове. Если кто не знает, что такое азимут - конспективно объясняю. Направление на север считается за ноль. Компас - 360 градусов по часовой стрелке. На карте в градусах обозначается направление на какие-нибудь особо заметные предметы на местности. Например - "гранитный валун - 275". По компасу и карте определяешь, где этот валун и где 275 градусов. И шпаришь. Понятно? Нет? Сидите дома, а не в походы ходите. Всё. Объяснение закончено.

Но идти так по лесу - мука, если честно. Рюкзаки у нас весили килограммов по двадцать, я не взвешивал, но не меньше. И даже без них идти было бы нелегко, а тут ветки цеплялись сзади, словно уговаривали присесть и отдохнуть, под ногами постоянно оказывались какие-то сучья, а деверья и подлесок местами стояли такой стеной, что приходилось обходить крюками. Никаких красот я не замечал - не до того было, тем более, что даже в нынешнюю жару в чаще продолжали точить хоботки комары. Да какие хоботки - клювы! Они нас так достали, что Энтони начал ругаться сквозь зубы. Здоровенные, наглые насекомые жёлтого цвета были способны прокусить, по-моему, не только немецкий камуфляж, но и броню немецкого танка. Не удивлюсь, что у них и зубы имелись, как у собак...

- Ты "Дэту" или "Тайгу" купил?! - не выдержал я наконец.

- Нет... - голос Энтони оборвался плевком - он съел комара.

- Нет?!. - я тоже осекся, но от ужаса. - Тошка, дурак! Они нас сожрут! - кажется, я впервые назвал его так - Тошкой, совсем, как русского. - Может, английские комары благовоспитанные и, прежде чем укусить, говорят "позвольте, сэр?", но наши...

- Такие же у нас комары, - Энтони перескочил через валежину, - я по Девонширу знаю, потому и не купил ничего... Им все эти репелленты - как нам острый соус к ростбифу: и жжётся, и вкуснее... Сейчас, на свободное место выйдем - кое-что сделаем.

Что - он так и не пояснил. Может, на два голоса прочтём заклинание друидов, которое у его рода передаётся из поколения в поколение - и комары тут же обратятся в песчинки. Или что-то вроде этого. Я был согласен - что угодно, лишь бы перестали жрать...

..."Свободное место" появилось минут через десять - прогалина, покрытая чахоточной земляникой, которой июньская жара так и не дала вызреть. Не скажу, что комары страдали боязнью открытого пространства - большая их часть смело последовала за нами на прогалину и, обрадованная остановкой, начала примериваться для посадки.

- Дальше? - коротко спросил я, одним ударом лишая жизни не меньше десятка уже настроившихся на завтрак комаров.

- Дальше нам предстоит совершить подвиг, - серьёзно ответил Энтони.

- Согласен. Какой?

- Снимаем рюкзаки, - командовал он, и мы устроили рюкзаки у ног. Энтони полез в нагрудный карман камуфляжа и вытащил плоскую металлическую фляжку размером в его ладонь. - А теперь нам надо раздеться и натереться этой штукой. Это гвоздичное масло - единственная вещь, от которой на самом деле шарахается любой кровососущий паразит.

- А на опушке ты сказать не мог, - грустно попытожил я.

- Между прочим - ты у нас эксперт по местным условиям, - заметил Энтони, - и ты должен был предположить, что даже в такую сушь комаров в чаще полно. А я с картой

возился и не подумал.

- Хватит, - с отвращением сказал я. - Эта штука точно действует? Меня не разорвут в клочья, пока я буду стоять в трусах?

Энтони хихикнул:

- Без трусов, старина. Натираться нужно всему.

- Большое спасибо, - что мне ещё оставалось сказать? Комары, которых я удерживал на расстоянии энергичными жестами, выжидательно пищали. Энтони вздохнул:

- Ладно, держи фляжку. Я первый... Только открой, чтобы сразу мне на ладонь налить, а то и правда сожрут...

Я отвинтил белый колпачок и понюхал, ничего не ощутив.

- Антон, оно ничем не пахнет, - предупредил я англичанина.

- Оно ничем и не должно пахнуть! - Энтони отмахнулся одной рукой. - Ты же не комар, чёрт побери, а для них оно воняет - будь здоров! Лей скорее!!! - он выбросил в мою сторону ладонь, куда я и плеснул из фляжки, и стал остервенело растирать жидкость по всему телу.

Комаров от него словно взрывом отбросило. Они сгруппировались возле меня, но и встреч с моей ладонью избегали явственно. Энтони ухмыльнулся:

- Ну что? Будешь натираться - или побежишь в Фирсанов за своей "Дэтой"? Какое-то количество комарья всё-таки успело меня покусать, прежде чем и я сделался для них недоступен. Пока я одевался, Энтони пояснил:

- Это не химия, а, как у вас говорят, натурпродукт. Дорогое, сволочь! Его в армии выдают - именно потому, что без запаха.

Застёгивая куртку, я внезапно засмеялся и пояснил в ответ на удивлённый взгляд англичанина:

- Ты говоришь совсем как наши ребята. Мне всё время приходится себе напоминать, что ты - граф-какой-то-там.

- Не какой-то там, а Мерсисайд, - уточнил Энтони. - Ну вот - можно и дальше идти, - он вскинул на плечи рюкзак. - Сейчас посмотрю - куда...

- Одно в этом комарье хорошо, - высказался я, тоже влезая в лямки. - Любой, кто пойдёт за нами без подготовки, наверняка сложит голову от лап комаров.

- Разве у них есть лапы? - рассеянно спросил Энтони.

- И зубы, - убеждённо сказал я.

...Теперь, когда комары не надоедали, идти стало не только легче, но и просто интереснее. В лесу орали птицы (не знаю, кто придумал, что они "поют" - вообще-то они ОРУТ, громко и довольно назойливо), было солнечно, но не жарко: то, что нужно в эти раскалённые дни. Рюкзаки, конечно, легче не стали, но и особых хлопот тоже больше не доставляли - то ли мы к ним привыкли, то ли они к нам...

- Скоро речка, - повернул Энтони ко мне потное лицо с налипшей паутиной, - называется...

- Лесная, - опередил его я. - А за ней - дом лесника, так?

- Не совсем за ней. Ещё мили четыре. По-вашему - километров семь, поменьше. Полпути мы почти отшагали.

- Слушай, - я нагнал его, зашагал рядом, - я сейчас вот что подумал... Если крепость была и правда стояла на границе, то есть вообще-то только три места, где она и правда могла находиться. Сейчас, к речке выйдем - я покажу, что и как.

Энтони не стал требовать, чтобы я рассказал всё немедленно, только чуть убыстрил шаг, перескакивая через валежины... Ну, лось... Кстати - правда здоровый парень. А ещё говорят, что у них на Западе все изнеженные и ослабленные компьютером и гамбургерами...

- Антон, а это правда, что у вас специальные туристские маршруты есть, где на каждой стоянке - особая площадка для костра? - в связи с этими мыслями любопытствовал я. Энтони слегка поморщился:

- Это не у нас, это в Европе. Мы, англичане, такого не любим.

- А вы что, не Европа?

- Нет, конечно! - удивился он в свою очередь. - Европа - это континент, это всё, что за проливом. А мы - Англия. Это разные вещи.

- Век живи - век учись, - пробормотал я, глядя, как впереди в просветах уже блестит вода речушки...

...Лесная оказалась довольно широкой и мелкой - дно видно - речкой, почти незаметно тёкшей в заросших камышом берегах, уже слегка заболоченных. Но мы нашли относительно чистое место, открыли банку рыбных консервов, разулись и уселись на корягу, опустив ноги в воду и расстелив карту на сдвинутых коленях. Комары держались на почтительном расстоянии.

- До чего ты там додумался? - поинтересовался Энтони, накалывая на нож кусок скумбрии в масле. - Докладывай.

- А всё просто, - гордо заявил я. - Пограничная крепость была поставлена с какой целью? Охранять границу! Река Цна, за которой граница проходила, очень болотистая, даже в суровую зиму по нашим болотам конное войско не пройдёт. И пешее не пройдёт. Это как бы природная охрана, понимаешь? Значит, пограничную крепость имело смысл ставить только в тех местах, где в болотах вдоль реки есть разрыв, ясно? - я ткнул ножом в карту. - Вот, участок первый: как раз те места, где мы идём - и вплоть до самого Тамбова. Вот - участок второй: между сёлами Татариново и Погорелое - кстати, названия в тему, не находишь?... И третье, последнее в нашей области - аж около Моршанска. Во всех остальных местах берега Цны заболочены на многие километры, и так было всегда.

Энтони слушал внимательно, сощулив глаза. Потом медленно наклонил голову:

- Та-ак... Логично... И, если карта не врёт, именно между Татариновым и Погорелым в лесу есть то ли холм, то ли курган, называемый...

- Горелая Могила, - заворуженно прочитал я, и мы уставились друг на друга.

Нам обоим стало не по себе. Неужели... оно?! - Что нам стоило ещё дома внимательно прочесть карту?! - не выдержал я. - Сейчас бы не пёрлись здесь, а были бы почти на месте...

- Погоди-погоди, - поднял ладонь англичанин. - Это всё могут быть так - совпадения. Поэтому нужно проверить всё тщательно... хотя и похоже, что это - след. Годдэмит, 7 неужели всё - так просто?! - он потёр лоб и сказал больше мне, чем себе: - Погоди... стоп ит, донт уорри, мэй би итс онили мистэйк, грэйт мистэйк, уандерфул глэмор...⁸

- Разберёмся, - обнадежил его я, - чтобы два таких супермена - да не разобрались?... Ну что? Доедаем и двигаем вперёд по азимуту?

ГЛАВА 14.

Было около шести часов вечера, когда мы вышли на просеку, использовав-шуюся, как дорога. Люди тут, судя по всему, бывали не так уж редко, и вести эта просека могла только к дому лесника.

Лесника звали Степан Александрович - это мы выяснили заранее - и не столь давно он схоронил жену, отчего должен был и до сих пор находиться в печали. Но в ночлеге, конечно, не откажет и расскажет, как и что - Михал Юрич с женой уверяли нас в этом. Мы шагали по просеке, на которой солнце пекло совершенно не по-вечернему - хоть и находилось над самыми верхушками деревьев - и предвкушали, как отдохнём и поедем под крышей.

Вообще-то мы настроились шагать до конца просеки, которого впереди не наблюдалось - и были приятно удивлены, обнаружив ответвление, тропинку, которая вела прямо к открытым воротам в плотном заборе - за ним виднелась шиферная крыша дома.

- Погоди, там могут быть собаки, - остановил я Энтони, и мы какое-то время прислушивались - не раздастся ли лай и не появится ли парочка кавказцев или московских сторожевых. По идее, наше приближение они должны были учуять за пару километров - но

из ворот никто не выскакивал, не раздавалось ни звука, и Энтони, передёрнув плечами, первым зашагал к ним.

И остановился, словно увидев нечто крайне удивительное. Я поспешил за ним - и застыл в воротах тоже.

Обширный двор зарос травой, тропинка к высокому крыльцу была еле видна. Около крыльца лежала лопата с проржавевшим полотном. А самое главное - ни в одном из видимых от ворот окон большого дома не было видно ни единого стекла, отчего он казался особенно заброшенным.

- Чертовщина, - вырвалось у меня, и краем глаза я заметил, что в руке у Энтони - пистолет. Подумав, я достал из бокового кармана рюкзака, предназначенного для складного спиннинга, обрез и положил его стволом на левую ладонь. Сколько в этом было от игры - не знаю, дом выглядел пугающе. Как в фильме ужасов, где вот такие заброшенные дома пристанищем чего только не оказывались...

Энтони, похоже, мыслил рациональней меня, потому что негромко сказал:

- Его могли убить... Бандиты какие-нибудь - помнишь, нам сказали, что убили туристов?

- Посмотрим, - не спросил, а предложил я, понимая, что уйти отсюда, ничего не выяснив - невозможно. Англичанин кивнул и приказал:

- Я сейчас перебегу к крыльцу. Прикрой.

- Хватит дурака валять, - сердито ответил я. - торчим в воротах; если бы внутри кто-то был и хотел нас убить - пальнул бы картечью. И сразу обоих. Согласен?

Лицо Энтони стало немного смущённым, он кивнул:

- Согласен... Пошли.

Мы прошли по тропинке и, стараясь всё-таки ступать потише, взошли на крыльцо. Энтони поднял руку, собираясь постучать, но я поинтересовался:

- И что ты скажешь? Пустите доброго человека, а не то он выломает дверь? - и просто толкнул дверь носком ботинка.

Она открылась. И мужской голос изнутри спросил хрипло:

- Кто там?...

...Стол пришлось накрывать из наших запасов - у Степана Александровича имелись в заначке бутылка водки, полчетверти самогона и кучка проросшей картошки. Тем не менее, лесник отчаянно сопротивлялся нашим попыткам задержаться у него на ночь, чуть ли не силой пытаясь выставить нас за двери и аргументируя такое негостеприимство заботой о нашей безопасности. Добиться от него хоть какого-то толку я лично вообще отчаялся, так как мне с первых минут знакомства стало ясно - этот крепкий, хотя и немолодой мужик в тренировочном костюме пьян уже очень-очень долгое время. Дома у него воняло перекисшей брагой, подгнившими продуктами, по полу и на столе валялись, перемешавшись, пробки, носки, картофельная кожура, детали селёдочных скелетов, разнокалиберные пустые бутылки, купюры разного достоинства, патроны, дробь и крестики. А в углу стояло отличное ИЖ-81 "Фокстерьер" 12-го калибра - мне не улыбалось проснуться с жаканом в башке. Но Энтони "заело" - и английское упрямство победило упрямство лесника. Наверное, если судить из дальнейшего, ему просто было страшно оставаться одному, поэтому он позволил себя уговорить.

В чёрные проёмы окон лезла ночная темнота. Поддувало. Мы сидели около стола, поставив босые ноги на спальные мешки, ели суп из тушёнки и греч-невой каши, сваренный на костерке во дворе, старательно не замечали радушно наполненных для нас стаканов самогона и внимательно слушали излияния лесника - он сидел на продавленной, очень несвежей кровати и открывал нам душу...

...История злоключений в изложении Степана Александровича выглядела в самом деле душераздирающе. Три месяца назад он лишился своей жены, с которой до этого сорок лет жил - лучше не надо. (Тут, задумавшись, лесник до-бавил: "Может, и не надо было...") По словам Степана Александровича ("Дядя Стёпа, - как он нам представился, - читали про

мента?"), он для покойной был просто ангелом Божиим и кротко сносил все издевательства, которым на протяжении почти полувека подвергала его жена. (Это и называлось - "душа в душу"!)) Издевательства были разноплановые и изощрённые: от простого "отъёма полочки в спящем виде" до "нанесения избиения посредством полена". Дядя Стёпа упирал на то, что вынести всё это мог только он с его голубиной кротостью. Наконец, как уже было сказано, три месяца назад этот "Берия в юбке" сошёл в могилу - очевидно, "задохшись по злобе, что я её изгалиния оставляю в равнодушном презрении." Дядя Стёпа, который, как уже было сказано, жену любил несмотря ни на что, в смятении чувств принялся за самолечение водкой на зверобое - исключительно для успокоения расшатанных нервов, конечно. Очевидно, нервы у лесника были расшатаны сильно, потому что лечился он неделю.

К концу лечения ему впервые явился баран.

По словам дяди Стёпы, баран с самого начала повёл себя напористо, нагло и вызывающе, явно набиваясь в компанию. Он всунул голову в открытое окно перед столом, за которым лечился лесник, и мерзко заблеял. Дядя Стёпа лечение в пьянку превращать не желал, в компании не нуждался и спихнул барана наружу. Тот исчез - но лишь затем, чтобы появиться в другом окне. Оно было закрыто, и баран стал биться лбом в стекло, крича что-то с явной угрозой и вроде бы даже членораздельно. Дядя Стёпа, не желая терпеть агрессора, кинул в него поленом. Баран пропал - однако на следующий день появился уже в другом окне... С тех пор он появлялся регулярно в течение недели, хотя и исчезал, стоило поленом разбить окно, в которое он заглядывал. Путём несложных логических умозаключений лесник пришёл к выводу, что в уже разбитых окнах баран по каким-то своим соображениям не появляется. Полный решимости дать отпор врагу, дядя Стёпа заранее переколотил три или четыре уцелевших в доме после визитов барана окна и не без злорадства сел за стол, предвкушая растерянность и бессильный гнев незваного гостя. И точно - баран не появлялся сутки или даже двое. Дядя Стёпа спокойно лечился, заодно празднуя победу - но тут баран вернулся. Поняв, очевидно, что его в компанию брать не хотят, он перешёл к открытой агрессии, "от неуклонности моей и бессильности евой-ной всё дюжее вспаляясь." Теперь он появлялся, где хотел и, что самое главное, разговаривал с лесником голосом покойной жены, "хулы на меня возводя даже и матерно." Не желая обострять конфликт, лесник помалкивал, но тут баран уронил на него рубель с печки. Рубель попал по голове страдальца - "и в ей быдто контакту щёлкнуло!" Дядя Стёпа отчётливо понял, что баран никакой не баран, а и есть его покойница-жена, явившаяся с того света, чтобы из зависти извести мужа до конца. До лесника дошла вся страшная правда - сорок лет назад он женился на ведьме. "Отсель и вся ейная зависть. Кажный, знамо дело, понимает, что который непьющий и добёр, тот для нечисти первейший враг и есть!"

Лесник, однако, и тут не убоился - решил дать врагу отпор по всей науке.

Перелив в пули два серебряных советских полтинника - "ишо довоенных, натурного серебра!" - он снарядил патроны, зарядил ижевку и, дождавшись очередного появления барана (на сей раз из дымохода!), дважды бабахнул ему в морду с криком: "Сгинь, пропади, нечистая!!!" Победа была несомненная... но вот не далее как три дня назад ночью появились два чёртика - маленьких, но страшно зловредных и сильных. Они начала раскачивать дом, явно намереваясь утащить его прямиком в ад вместе с хозяином. Дядя Стёпа пытался организовывать на них засады - но, во-первых, серебро кончилось, а во-вторых чёртики, не в пример барану, оказались жутко хитрыми: в открытый бой не вступали, а скрывались куда-то, но стоило войти в дом - начинали раскачивать его опять. В сущности с момента на момент лесник ожидал их нового появления и не желал нас пускать на ночлег исключительно по соображениям нашей же безопасности...

...Не знаю, как Энтони, а я - по соображениям безопасности как раз! - предпочёл бы покинуть этот гостеприимный дом. Пока нас не приняли за чёртиков. На меня и серебра не требуется - свинца хватит за милую душу! Однако, Энтони выслушал всю эту ахиною, кивая и сочувственно вставляя разные междометия. Окончив рассказ, лесник откинулся к стене и вырубился с видом человека, исполнившего свой долг.

- Беляк, - сказал я, выплёскивая самогон за дверь. - Белая горячка. Делириум тремор, - эти умные слова я запомнил по фильму "Кавказская пленница". - По-моему, надо уматывать.

- Брось, - весело ответил Энтони, - он проспится и будет в порядке.

- Сейчас тебе, проспится! - возразил я. - Проснётся и добавит - видел же, у него водка и самогон...

- Выкинем, - предложил Энтони, - хватит ему пить, он так помрёт или чего с собой сделает.

- Может, - согласился я. - Чёртики прикажут - и повесится...

- Ну так и выкинем, - укрепился в своём решении Энтони.

...Спиртное мы вылили в сортир, посидели немного над картой, разрядили-ли ружья и завалились на спальные - залезать в них было слишком жарко. Разговора не получилось - оказалось, мы слишком устали...

...Мне приснились Сергеич и Витёк. Матерясь, они качали дом лесника, и это было бы даже смешно - вот только у самой границы взгляда маячил ещё кто-то... и этот кто-то ускользал, когда я поворачивал голову.

Он был опасен. Во сне я это знал точно.

ГЛАВА 15.

От лесника мы выбрались только после полудня - пришлось ждать, когда он придёт в относительно нормальное состояние. Ничего из предыдущих трёх месяцев он не помнил, страшно удивлялся и возмущался беспорядку в доме, мучился от дичайшей головной боли, стучался о косяки, а потом упал с крыльца, шагнув мимо ступенек - короче, вёл себя так, что я не выдержал и попросил:

- Вы нам, пожалуйста, оставьте свои чертежи, чтобы мы вас потом хоть собрать могли...

Как раз к полудню он пришёл в себя настолько, чтобы просветить нас насчёт "криминогенной обстановки на вверенном участке", успокоив, что у него тут "не балуют". На дорогу собрался вручить нам картошки, спустился за ней в погреб и вылез с озадаченной физиономией, после чего эту тему не поднимал, зато вышел нас проводить до ворот и долго шумел вслед:

- Если мочиться не хотите, так по просеке, а там - об ряку, об ряку и увидите!

Не только Энтони - меня, и то привела в глубокое недоумение сказанная им напоследок фраза. Почему если мы не хотим... гм... мочиться, то надо идти по просеке? Он что - ею так дорожит и предпочитает, чтобы... э... желающие сворачивали в кусты? Что мы должны "увидеть"? И наконец...

- Эндрю, что такое "обряку"? - перебил мои мысли Энтони.

- Если бы я знал, - честно ответил я.

Была самая жара. Перед выходом мы забыли намазаться гвоздичным маслом, но комары на просеку не совались и вообще жизнь замерла. Казалось, что мы и не идём никуда - месим ногами на одном и том же месте, настолько длинной и однообразной была эта просека.

- А я у него патроны спёр, - признался я. - У меня мало, а его по калибру подходят...

К нарушению права частной собственности Энтони отнёсся неожиданно наплевательски:

- У него их, наверное, полно, а тебе лишние четыре не помешают... И вообще - знаешь, как тренируют солдат Специальной Воздушной Службы?

- Командос? - решил щегольнуть я знаниями.

- Командос, - наставительно сказал Энтони, - это те, кто охраняет порты и нефтедобывающие вышки в Северном Море... А люди Эс-Эй-Эс называются просто

"бойцы"... Вот, высаживают кого-нибудь в одних плавках с подводной лодки где-нибудь около пляжей Борнмута, например. Задание - пробраться в Глазго, причём вся полиция предупреждена, что надо ловить, скажем, международного террориста - и даны его приметы... Он доплывает до пляжа и начинает бродить. Там джинсы, там носки, там рубашку, там кроссовки, там пра-ва, там - деньги и часы... Глядишь - часа за два он полностью экипирован. А ты говоришь - патроны.

- Значит что же - можно красть?! - возмутился я вполне искренне. Энтони покачал головой:

- Вообще-то нельзя. Но для большого дела - можно.

- А у нас разве большое дело?!

- А разве маленькое? - вопросом ответил он. Задумался и добавил: - И всё-таки, что такое "обряку"?

Через пять минут мы вышли к реке, вдоль берега которой тянулась тропка - и я расхохотался:

- Да вот она - обряку! Энтони не обряку - а "Об об реку", около реки! В смысле - если мокнуть - мочиться - не хотим, нужно идти вдоль реки и...

- Теперь я и сам вижу, - недовольно сказал Энтони, - вон мостик...

Мостик состоял из двух брёвен и, как я ехидно заметил, на карте у Энтони отмечен не был. Англичанин буркнул, что на русскую дурость карта не рассчитана.

- Поэтому с нами лучше не воевать, а дружить, - заметил я наставительно, и Энтони откликнулся:

- Согласен.

Мы какое-то время постояли на брёвнах, глядя, как у дна ходит рыба - и не маленькая. Это зрелище меня так и подбивало наладить спиннинг и попытать счастья, но Энтони заявил, что до привала далеко и тащить с собой рыбу глупо, а нужно думать, у кого бы узнать поточнее, как в этих местах обстоят дела с крепостью. Если уж мне приспичило чего-то найти на вечер, то лучше поискать грибов.

- В такое лето для поиска грибов нужен английский оптимизм, - ответил я сердито, уже когда мы шли по лесу еле заметной - звериной, наверное, - тропинкой. Комаров тут не было - местность плавно поднималась, деревья стояли пореже и между ними задувал тёплый, но всё-таки ветерок. Кусты почти исчезли, в подлеске осталась густая трава, какой не бывает в глубине леса - и не успел я сказать, что мы, наверное, подходим к опушке, как лес кончился и перед нами развернулся вниз косогор, переходивший в широкий луг с редкими берёзками. А в паре километров впереди опять начинался лес - отсюда он казался синим и загадочным.

Пекло. Над травой колебался разогретый воздух. Высоко-высоко в небе ходил кругами ястреб, отдыхавший в потоках воздуха - в небе, похожем по цвету на потёртые джинсы, безоблачном и тоже горячем. Вот стоя здесь и вправду можно было представить себя в далёком прошлом, не изгаженном никакими помойками...

Энтони поднёс к глазам бинокль и какое-то время изучал луг. Потом сообщил:

- Колодец посреди этого луга. Или что-то очень похожее. Пошли?

- Конечно, чего ждать? - заторопился я. Вода во фляжках степлилась и воняла пластмассой, как это всегда бывает с новыми фляжками.

Мы начали бегом спускаться по откосу - лес исчез из глас и нас со всех сторон обступила высокая сохнувшая трава. Обычно на таких лугах влажная почва, но нынешнее лето высушило даже заливные луга - и трава на корню превращалась в сено...

- А какой азимут на этот колодец? - в шутку спросил я. Энтони невозмутимо так ответил:

- Двадцать пять. Что теперь скажешь о наших картах?

- Скажу, чтобы ты следил за компасом, - посоветовал я, - а то заблудимся в этой траве...

Не знаю, компас помог, или что, но мы вышли точно к колодцу. Да, это и в самом деле был колодец, но немного необычный - сруб выложен из плоских каменных плиток. Мятое

жестяное ведро стояло вверх дном на краю сруба, вода серебрилась совсем близко - всё-таки луг есть луг.

Энтони вытащил ведро, мы вместе напились из него и залили фляжки. Тут, около колодца, было прохладнее, хотя сверху жарило. Трава вокруг перешёптывалась, хотя не было ветра - её колыхал идущий от земли горячий воздух.

Мне подумалось, что у колодца неплохо бы вздремнуть; совершенно безмятежное ощущение покоя охватило меня. Похоже, нечто подобное ощущал и Энтони - он сбросил рюкзак и, потянувшись, весело спросил:

- Ну что плохого может сейчас случиться? - но почти тут же его взгляд, направленный мне за спину, изменился и он добавил негромко: - Чёрт, лучше бы я не спрашивал...

Я обернулся сразу. Нас подвело именно шуршание травы, чтоб её...

С другой стороны колодца стояли двое мальчишек нашего возраста - по пояс голые, загорелые, одетые в чёрные брюки, заправленные в высокие берцы на тугой шнуровке. Один - блондин, почти беловолосый и узколицый - держал пять фляжек, другой - накачанный, с татуированным на левом предплечье мечом - большую пластиковую канистру. Особо враждебными они не выглядели, но держались по-хозяйски.

- Привет, - вполне дружелюбно сказал блондин, бросая фляжки на жухлую траву. Его спутник поставил канистру и молча начал спускать ведро в колодец. Мы ответили такими же приветствиями и - все трое - продолжали молча разглядывать друг друга. - Вы откуда?

Я напрягся. Не знаю, как в Англии, а у нас с таких вопросов часто начинаются драки... "Ты откуда?... А чего здесь ходишь?... А мы сюда чужих не звали..." - и поехало... Поэтому я сразу пошёл на обострение конфликта. Многим это покажется глупостью, но, если противник явно не превосходит вас численностью, то лучше самому спровоцировать его, появляется преимущество.

- Закрой хлебобрезку, - посоветовал я, - а то так звездарезну - все пуговицы на кальсонах поотскакивают.

Мама рассказывала мне, что так "борзели" и "нарывались" во времена её молодости. Сейчас большинство шпаны не в силах усвоить сказанного, но тон и непонятность явного оскорбления её только больше "доводят". Так получилось и здесь - только среагировал не блондин, а татуированный, которому мы тоже, сразу видно, не понравились с первого взгляда. Он выпустил ведро и, перемахнув через сруб в молниеносном прыжке, врезал мне обеими ногами в грудь - ожидал такого развития событий!

Но и я ожидал чего-то подобного, потому что принял удар на боксёрскую защиту - на предплечья. Однако, пинок был так силен, что меня буквально швырнуло в траву, а этот кадр сумел не только приземлиться, но и подставить блок под пушечный свинг Энтони, скользящего вперёд в раскачивающемся боксёрском танце. Энтони тут же отскочил и ушёл от кругового удара ногой в голову - кажется, такое в кикбоксинге называется хай-кик.

Я как раз вскочил и успел перехватить блондина, уже понимая, что мы столкнулись отнюдь не с деревенскими парнями, балдеющими от жары и вознамерившимися отстаивать суверенитет своей родной Захребетовки кулаками. Блондин был одного со мной роста, тоньше - но не похоже, что он испугался или хотя бы заколебался. Неожиданно он стал словно бы меньше ростом - и я успел подпрыгнуть. Оказывается, он присел и круговым движением ноги попытался меня подсесть - прежде чем я контратаковал, он уже приплясывал в трёх шагах от меня, легко меняя стойку. На узком загорелом лице было равнодушие: не получилось - не очень-то и хотели...

Но и я занимался не кройкой и шитьём, а что самбо - самая эффективная форма контактного рукопашного боя, не признают только окончательно сдвинувшиеся на восточной философии. Поэтому вторая атака - быстрый удар кулаком в лицо - окончилась тем, что я швырнул блондина через себя и развернулся, чтобы прижать к земле... но этот козёл падал, как кошка - извернулся в воздухе и встал на ноги! Тем не менее, атаковать в третий раз он не спешил.

- Не стой, где попало, - сквозь зубы предупредил я, - а то ведь опять попадёт!

И всё-таки на этот раз попало мне - ногой в бедро, да так, что мне сразу стало скверно. Ногу словно парализовало, и блондин двинулся в решительную атаку - но тут же подался назад.

Энтони надвигался угрожающим скользом, поводя кулаками у лица. Его противник обливался кровью из носа и рта, лёжа на спине по другую сторону колодца. У англичанина был рассечён левый висок, алые струйки стекали по ще-ке на воротник камуфляжа.

- Файт ми, - бросил Энтони, - уэлл, ю, стинк!10

Блондин бросил на меня быстрый взгляд - и метнулся в воздух в сокрушительной "вертушке". Энтони скользнул назад и вбок... а я, преодолевая боль - наоборот, вперёд. И через секунду наш второй противник оказался взят мной в захват древним, как мир, "двойным нельсоном" - руки, пропущенные сзади под мышки, давят на затылок врага. Блондин рванулся, но я без особой жалости надавил серьезнее - и он, замычав, перестал дёргаться.

- Неплохо, - Энтони опустил кулаки. - Кажется, это называется "дабл нэлсн".

- Точно, - с одышкой сказал я. Блондин не трепыхался, но мне казалось, что я держу сжатую стальную пружину. - Теперь бы узнать, что им было нужно - деньги, или кулаки почесать?

- Не хочу показаться несправедливым, но, по-моему, это ты полез в драку, - заметил Энтони, доставая ведро из колодца и выплёскивая его на лежащего в нокауте татуированного. - Ну вот, похоже, я ему нос перебил... Открывай глаза, открывай! - Энтони помог ему сесть и прислониться к стенке колодца. Татуированный был в невменухе, и Энтони присел рядом.

- Отпусти, - процедил блондин, - скотина...

- Помалкивай, - заметил я, - а то шею сломаю...

- Да ты не грози. Ещё скажи, что всю деревню с кольями соберёшь.

- Какую деревню, баран?! - со звоном сказал он. - Мы в походе, я думал - это вы местные!

- По-моему, ты поторопился, - заметил Энтони, поднимаясь.

- Чёрт, - растерянно сказал я, начиная ощущать себя неудобно. - Если я тебя отпущу - полезешь драться?

- Нет, - помедлив, ответил блондин. Я убрал захват и шагнул в сторону, готовясь отразить любую попытку свести счёты. Но блондин подошёл к колодцу, наклонился над своим товарищем и длинно свистнул:

- Ой ё-моё-о... Мне пожалуй повезло, что я не с тобой драться начал... Саш, Саша, ты как?

- Добальдо, - послышался голос невидимого мне татуированного. Я подошёл следом. Энтони уже успел упаковать аптечку и сейчас деловито раскладывал её на траве. - Уди, - сказал ему татуированный. Переносица у него расплылась на треть лица и почернела.

- Не уйду, - спокойно возразил Энтони. - убери лапы, дурак, я помочь хочу.

- Да ты ему уже помог - дальше некуда, - хмыкнул блондин.

- Ну, знаешь. - сказал Энтони, что-то делая (татуированный зашипел и выругался), - попади он мне каблуком не вскользь, а прямо, я бы сейчас валялся с сотрясением мозга. Или вообще с проломленным черепом.

- С пододобдедым, - уточнил Сашка-татуированный, - у бедя удад поддоды.

- Полтонны у него удар, - перевёл блондин. Подумал и сказал: - Только он врёт... врешь, врешь, не дёргайся!

- Получается, я кругом виноват, - зло (и это была злость на себя, потому что я струсил - СТРУСИЛ! - и от этого полез в драку первым!) сказал я. - Мужики, я ведь и правда подумал, что местные хотят рэкет устроить или просто кулаки почесать!

- Бывает, - неожиданно сказал блондин. - А вы тоже в походе?

- У-гу, - откликнулся Энтони, отстраняясь и любуясь своей работой. - Вот. Неплохо... Посмотри, что там у меня?

Это он сказал мне, и я присел рядом, демонстративно подставив свой затылок блондину. Но тот просто стоял рядом и смотрел, как я заклеиваю висок Энтони пластырем, а потом спускаю штаны - посмотреть, что с ногой. Бедро затягивал кровоподтёк симпатичного цвета.

- Неплохо получилось, - заметил блондин. И протянул мне руку - Кравцов, Колька. А это - Сашка Ленский. Правда Ленский.

- Лобанов, Андрей, - пожал я его руку.

- Антон, - без фамилии представился Энтони. И пожал плечами: - Ладно, мы пойдём...

- А пошли к нам в лагерь, - предложил Колька. Я удержал на языке злое: "Двое на двое не вышло - двадцать на двое хотите попробовать?" Это было бы несправедливо.

У Кольки были честные глаза.

Дальше через луг мы шли к лесу вчетвером.

ГЛАВА 17.

Эту ночь мы провели в лагере националистов.

Да, Колька и Сашка оказались ребятами из тамбовского отделения какой-то радикальной организации, молодёжная ячейка которой совершала самый обычный поход по лесам - двое молодых мужиков, восемь мальчишек 12-16 лет и пять девчонок того же возраста. Сперва, когда я понял, что к чему - увидев флаг с какой-то свастикоподобной эмблемой и часового в форме, замершего в карауле у импровизированного флагштока, мне стало по-настоящему страшно. О подобных людях телевидение рассказывало жуткие вещи. Но то ли они опасны сезонно, как лоси, то ли телевидение по своему обычаю врало, то ли просто против нас у этих ребят ничего не было ни по цвету кожи ни по разрезу глаз (хотя другая причина была вот она!), но нас не тронули даже после того, как выяснилось, "кому Санечка обязан украшением на клювике", как ехидно определила рыжая симпатичная девчонка, сидевшая около костра.

Идеологических разговоров ни с нами ни при нас никто не вёл. Вечером ребята попели под гитару - кстати, хорошие песни; потом спел соло один из их "вожатых" - "Чужую войну", я её слышал раньше у Олега Митяева. Хорошо пел - словно про себя... а может, где и воевал?

- На дворе лишь начало века - четвёртый год!

И порядка в своей державе давно уж нет...

А нас опять на край света другим помогать несёт!

И кто навек пропадает там - кто на много лет...

А потом, как водится, начали травить "страшилки". Конечно, не детские там разные - про Чёрную Руку или Гроб На Колёсиках, а вроде бы вполне серьёзные истории, реально когда-то с кем-то случавшиеся. Кстати, Олег Никитович уверял нас, что в туристском фольклоре сам чёрт ногу сломит - совершенно реальные на первый взгляд истории могут оказаться выдумками, а самые невероятные - правдой, так что не верить туристу, болтающему у костра - занятие заведомо глупое, он не обидится и не станет доказывать, что всё сказанное им - правда. Просто слушай или рассказывай сам...

Когда рассказы создали соответствующее настроение, я решил рискнуть. Ни на чём не заостряя внимания, пересказал историю с письмом - якобы виденным нами в частной коллекции -и сообщил, что мы с приятелем из Санк-Петербурга ищем место, где могла стоять эта крепость. Просто из интереса.

Нас выслушали внимательно и с явным интересом - мне даже подумалось, что кое-кто

из ребят не прочь присоединиться к походу. Но "вожатый" - не тот, который пел "Чужую войну", а другой - покачал головой:

- Интересное дело, сам бы, если б мог, с вами пошёл, но... - он подбросил в костёр веток, поворошил его. - Но только здесь вы крепости своей не найдёте. Если она и была - то северней.

- Почему вы в этом уверены? - быстро спросил Энтони. - Ведь здесь проходила граница Рязанского княжества!

- Проходила, - кивнул тот. - Только это была необычная граница. Тут кочевали берендеи. Знаете, кого называли берендеями?

- Кочевое племя, родственники печенегов, - сразу ответил я. - Тюрки. Союзники русских княжеств.

- Правильно, - кивнул "вожатый". - Берендеи, ковуи, часть печенегов, ещё кое-какие племена были вассалами Руси уже с начала XII века. Все вместе они себя называли каракалпаки - "чёрные клобуки", а наши их ещё называли "свои поганые"... Если кто не знает - слово "поганый" тогда имело не какое-то обидное значение, а просто - "иноверец"... Вот эти самые "свои поганые" охраняли южные границы русских княжеств, в том числе - и Рязанского, там, где начиналась Степь. И крепостей здесь наши не ставили - не имело смысла просто. Так что тут вашей Краевой быть не может - только на севере, где начинаются самые густые леса, прицнинские...

Мы с Энтони переглянулись. Олег Никитович не мог не знать этого - а мы, как назло, не догадались всё-таки рискнуть и расспросить его поподробнее... Сообщение о бесперспективности поисков было неприятным, но не трагическим - мы решили прислушаться к авторитетному мнению и с утра скорым маршем выдвигаться севернее, к селу Татариново.

Нам предложили место в одной из мальчишеских палаток, но мы гордо отказались, заявив, что, во-первых, у нас есть своя, английская, а во-вторых мы переночуем на свежем воздухе в спальнях мешках, так как обладаем секретным оружием против комаров.

- Гвоздичное масло? - немного недоверчиво спросил тот, кто пел у костра. Мы удивились и не смогли этого скрыть. Энтони спросил:

- Откуда вы знаете?

- Доводилось пользоваться, - не вдаваясь в подробности, ответил тот.

Укладываясь около догорающего костра, я обратил внимание, как здорово устроен лагерь - почти с комфортом, нигде ничего не валяется, нет замусоренных, загаженных кустов. Энтони тоже одобрительно посматривал вокруг и благосклонно высказал одобрение Кольке, который задержался у костра. Наш знакомый по спаррингу пожал плечами и с серьёзной миной ответил:

- Уходя из леса, всегда необходимо закапывать все бутылки, банки и всё, что осталось от человека... Нас так учат и, по-моему, это правильно. А в такую сушь, как в это лето, нужно быть вдвойне осторожными. Вы лесной пожар видели? - он задумался и признался: - Я один раз видел. Мы с пацанами сами его устроили и еле от него сбежали - реку пришлось переплывать!

Он ушёл в палатку, и лагерь практически затих, только в девчоночьей - большой - палатке тихо перешёптывались и что-то шуршало: похоже, по кругу ходила плитка шоколада. Часовой отошёл от костра и растворился в темноте. Мы лежали возле углей костра, над которыми танцевали синие и рыжие султанчики пламени - лежали голова к голове и смотрели в небо, отчего у меня постепенно возникало чувство, что то ли я плавно поднимаюсь вверх, то ли небо неспешно и ровно опускается на меня со всеми созвездиями - необычайно яркими, крупными, словно... да, словно по тёмно-синей ткани вышили узоры бриллиантами... Нет, не только бриллиантами - я начал различать среди звёзд зеленоватые... голубые...

- Я знаешь о чём подумал? - негромко спросил Энтони, но я вздрогнул - задремал незаметно, чуть ли не с открытыми глазами. - Вот мы говорим: сто лет назад - много. И

триста - много, семьсот - вообще непредставимая давность... А ведь звёзды - они и тогда такими были. Ничуть не изменились. Для нас - эпоха, а для них - ничего. Понимаешь, небо - оно такое же было над той крепостью в ту зиму, Эндрю. Обидно...

- Обидно? - удивлённо спросил я.

- Да, обидно, - неожиданно горячо сказал Энтони. - Что же выходит - мы строим, ненавидим, любим, воюем, умираем, дружим, мечтаем - а звёздам всё равно! Они так далеко, что все наши проблемы для их вечности - ерунда, мышьяная возня какая-то на захолустной планетке... А это неправильно. Мы - люди! Когда-нибудь мы и до этих звёзд доберёмся... - и вдруг продолжал потускневшим голосом: - Или не доберёмся. Так и будем делать всё новые и новые телевизоры с суперплоскими экранами... вместо звездолётов...

- Ты о чём? - осторожно поинтересовался я.

- Так... Эндрю, тебе не кажется, что люди разучились мечтать? Что они стараются побольше развлекаться и поменьше делать... а открывать новое - сидя у телеэкрана?

- Я про это никогда не думал, - честно сказал я. - Я-то очень люблю мечтать!

- Я тоже, - признался Энтони. - А то, что я сказал, говорит отец. И мне часто кажется, что он прав... Знаешь, а ведь те двое скотов ни за что не поверят, что я ищу не клад, Эндрю. А если их в этом как-то убедить - решат, что я сумасшедший.

- Да ты и правда сумасшедший, - серьёзно сказал я. - Сам подумай: припёрся в Россию искать Святой Грааль и останки своего предка, погибшего семь веков назад!

- И правда, - уже весело согласился Энтони, - сумасшедший. Только почему же ты тогда пошёл со мной?

- Дурак дурака видит издалика, - буркнул я. - Давай-ка спать, милорд, нам завтра шагать весь день!

- Гуд найт эврибоди, гуд найт! - дурачась, пропел Энтони и с шумом повернулся в своём спальнике.

ГЛАВА 18.

Тёмно-зелёный УАЗик с верхом из пыльного серого брезента лихо остановился метрах в десяти впереди нас, подняв с лесной дороги бурое облако, похожее на дымовую завесу. Из его глубин молодой голос прокричал:

- Куда шагаем, пацаны?!

Пыль осела (в том числе и на крышу, добавив там ещё один слой), и мы с Энтони увидели стоящего около распахнутой дверцы молодого плечистого мужика в выгоревшем камуфляже и надетой набекрень фуражке лесничего. Он внимательно рассматривал нас - но вполне дружелюбно.

- В Тудыновку, - ответил я. - Продуктов надо купить, - и подкинул на плече похудевший рюкзак.

- Садитесь, - ткнул рукой в салон мужик, - подброшу до места... Рюкзаки давайте назад.

Он открыл маленькую грузовую дверцу в заднем борту, мы запихали свои вещи туда и двинулись на посадку, но разом остановились - на переднем сиденье рядом с водительским местом спокойно восседала огромная немецкая овчарка. Когда мы распахнули задние дверцы с обеих сторон, намереваясь лихо вскочить внутрь, собака повернула серо-чёрную голову и посмотрела на нас типично собачьим взглядом - печальным, загадочным и немного жутковатым.

У нас тут же пропало желание садиться в УАЗик. Но водитель, небрежно бросив фуражку рядом с собой, без насмешки сказал, захлопывая дверцу:

- Садитесь, всё нормально. Не тронет... Хлопните покрепче, а то не закроется.

Собака отвернулась и вывесила язык - в машине, конечно, было ещё жарче, чем на

улице. А я увидел, что между передними сиденьями в чехле закреплён похожий на пулемёт громоздкий самозарядный "Вебрь-308-Супер".

Из уважения к собаке двери мы всё-таки прикрыли очень тихо - и УАЗик ринулся по лесной дороге, оставляя позади шлейф пыли. Водитель ругнулся, включил на лобовом стекле маленький вентилятор и пробормотал:

- Ну и лето... Туристы, пацаны?

- Да, туристы, - я не стал уточнять, что нас всего двое и что мы движемся по лесам без взрослых.

- Местные? Что-то не помню вас.

- Нет, я - из Фирсанова, а он, - я кивнул на Энтони, - из Санкт-Петербурга.

- А... У меня в армии друган был из Питера... Куда идёте, если не секрет?

- А если секрет? - спросил Энтони без особого дружелюбия. - Вам, конечно, спасибо, что вы нас подвозите, но мы не знаем, кто вы такой, что вам нужно...

Я толкнул его локтем в бок, но водитель не обиделся - молча достал из "бардачка" удостоверение и, не оглядываясь, раскрыл его перед нами:

- Правильно рассуждаете вообще-то, - добродушно одобрил он. - Семён Семёнович Горбунков, лесничий. Из Тудыновского управления как раз.

- Как-как? - спросил я, мельком посмотрев на удостоверение. - Семён...

- Точно-точно, - засмеялся Семён Семёнович, убирая документ. - Как в "Бриллиантовой руке", повезло, скажи?... Ну так куда вы?

- На север идём. Может, до самого Моршанска, как выйдёт, - сообщил я, проникаясь окончательным доверием к человеку, которого так зовут и у которого есть такие "пушка" и собака.

- На север... - Семён Семёнович словно бы о чём-то задумался, крутя баранку - дорога извивалась, как припадочный червяк. Пришёл к какому-то решению и кивнул: - На север шагайте. Но! - он повернул лицо к нам, ухитряясь одновременно вписываться во все повороты. - Вам говорю, потому что руководителя вашего не вижу... - я внутренне подобрался, - а вы передайте. С огнём осторожней. Иначе найду и головы поотрываю. Сами видите, пацаны, какая погода - не до смеха!" Раз, два, три - ёлочка, гори! Вроде бы обыкновенная детская шалость - а триста гектар строевого леса - как корова языком... - он покрутил головой, явно что-то вспоминая, потом спросил: - Оружие есть?

- Вот... ножи, топорики, - "честно" сказал я, потому что это скрывать было бесполезно. - Огнестрельного нет.

- Это зря, - неожиданно осудил он. - Вашему старшему надо было хоть один ствол взять, у нас не пригородный парк - кабаны... волков сейчас бояться нечего, а вот медвежьи следы я сам видел.

- Да ну, - недоверчиво покачал я головой, - у нас последнего медведя в тридцать седьмом репрессировали.

- А вот поди ж ты, - возразил он. - Ну да ладно. Большинство зверей только одного ждут - чтобы человек их сам не трогал.

- Всю жизнь мечтал потрогать медведя руками, - пробормотал Энтони, но Семён Семёнович услышал:

- А ты зря юморишь, питерский, - сказал он без обиды. - Был недавно случай с одним скороспелым богатеньким - не анекдот, слово... А! Чёрт!!!

Он бешено вывернул баранку, швыряя УАЗ на обочину - нас чуть не перебросило через спинку сиденья, собака зло, страшно зарычала... но не на нас, а Семён Семёнович уже, левой рукой распахнув дверцу, правой выхватил из чехла карабин и выскочил на дорогу, в клубы медленно оседающей пыли. Следом чёрно-серой беззвучной молнией метнулась овчарка.

Мы не сговариваясь выскочили следом. Серый песок скрипнул на зубах. Энтони смотрел на меня непонимающими глазами - мы оба инстинктивно пригнулись за корпусом машины - как и он и я видели в кино, конечно, словно по нам из кустов должны были шарахнуть очередями.

Семён Семёнович остановил машину, проскочив небольшой деревянный мостик над довольно широкой речкой, окаймлённой по берегам узкими полосками удобных пляжей. Мы даже толком не успели сориентироваться, куда побежал наш водитель - тишину разорвал страшный, отрывистый грохот карабинного выстрела, заставивший нас обернуться.

Лесничий, широко расставив ноги, стоял на середине моста, держа карабин стволом в небо. У его ноги, глухо kloкоча горлом, замерла на прочно разведённых лапах овчарка - губа приподнялась, открыв страшные белые клыки.

- Видишь, видишь, что делает?! - не поворачиваясь к нам, словно для самого себя, выкрикнул Семён Семёнович. - Ах сволочь, скотина...

Мы подошли к нему. В полукилометре от моста полным ходом шла лодка - "казанка", так их называют. Один человек, надвинув капюшон куртки, скорчился у мотора, взбивавшего воду за кормой в белую пену, второй - полулежал на носу спиной к нам. Лодка вдруг круто свернула, сбросила ход и по инерции вошла в незаметную протоку, затянутую камышом, как стеной. И откуда-то из-за этих камышей раздался далёкий, но вполне различимый злой голос:

- Сёмка, слышь?! Дождёсьси у нас, дождёсьси, понял?! - и трёхэтажный мат.

Лесничий со стуком опустил карабин прикладом на бетонный брус - ими был огорожен мост по краю. Тоскливо сказал:

- Обоих, сволочей, можно было снять... как на ладони... у-у-ухх!

- Что случилось-то? - непонимающе спросил Энтони. Семён Семёнович даже не посмотрел на него - не сводил глаз с реки.

А я, кажется, понял, что к чему. Чуть перегнулся с моста - и увидел: по реке, вяло шевелясь или вообще неподвижно, плыла рыба.

Много рыбы.

...- Не любят меня здесь, - лесничий теперь вёл машину медленней. И говорил неспешно - словно думал вслух. - Я, хоть и здешний, а в своих местах десять лет не был, с тех пор, как в армию ушёл. Вот два года назад, когда ВУЗ закончил, сам сюда напросился. Приехал - а все вроде и чужие. Тридцать стукнуло - неженат... Может, сам виноват - вернуться сразу надо было, а меня как после армии закрутило... - он покачал головой, потрепал уши овчарки. - Куда только не носило! И на Кавказе был, и на Балканах был... Вернулся. Чужой. Сёмка их затирает, Сёмка им в лес ходить не даёт, Сёмка им по реке плавать запрещает... А они - они что, свои, что ли?! - зло спросил он, на миг повернувшись к нам. - Да разве СВОИ так поступают?! Оккупанты, воры - у себя, у своих детей воруют! А им что? "На наш век хватит!"

- Током глушили? - тихо спросил я.

- Током, - кивнул лесничий. - И ведь знаю я - кто. А что я могу? За руку поймаю - тогда штраф. Смех один... Лесники почти все сами в... грехах по уши. А рыбнадзор местный вообще... - он не договорил, зло плюнул в открытое окно.

- Зачем это? - хмуро спросил Энтони. Я заметил, что на англичанина увиденное оказало настоящее шоковое воздействие - у него даже руки дрожали, когда мы сели в машину. - Ведь они даже не смогли её всю собрать! Зачем?!

- От жадности. И от тупой лихости, - зло ответил Семён Семёнович. - Мол, широка Россия, безгранична... А того, дураки, не понимают, что от этих вот самых разговоров о безграничности - беспечность и бесхозяйственность. У всего есть граница, у всего! Только у дурости людской - нету, что её... Знаете, пацаны, я ведь людей убивал, доводилось, - вдруг резко сказал он. - Я убивал. И меня убивали... и убили почти. Лежал я на камнях и думал: если выживу - домой вернусь. Вот за этим вот вернусь! - он ткнул большим пальцем за окно, где проносился вдоль дороги зелёный лес. - Так меня почему-то перемкнуло... Надо же это кому-то охранять? Чем я плох?

- Вы "зелёный"? - спросил Энтони. Семён Семёнович насмешливо сказал:

- Это те дурачки, которые возле нефтеплатформ на моторных лодках патрулируют? Ну, нет... Я и охотник, и рыбак... Вот помладше вас был - книжку про Бэмби читал. А классе в

десятым, помнится, один такой Бэмби меня на дерево загнал и продержал там часов пять. Просто так - не глянулся я ему... Нет, пацаны, над природой не сюсюкать надо, а ОХРАНЯТЬ её. Разумно. Бережно... - он вздохнул. - Она ведь - часть России. Ни мы без неё, ни она без нас - не Россия, - он помолчал и повторил: - Не Россия. Поэтому сволочи этой я тут наглеть не дам. Не дам! - заключил он с ожесточением.

ГЛАВА 19.

До Тудыновки, находившейся уже недалеко от Татариново, мы добирались по лесам больше трёх дней - и за эти все три дня лесничий Семён Семёнович был первым и последним встреченным нами человеком. Помню, два года назад мы с мамой месяц отдыхали у родственников в Воронеже - и, вернувшись в Фирсанов, я никак не мог привыкнуть: почему так мало народу на улицах? Между тем, его было ничуть не меньше обычного - просто после миллионного Воронежа Фирсанов и в базарные дни мог показаться безлюдным.

Сейчас было то же самое, но с обратным знаком. Довольно-таки пустые сельские улицы Тудыновки показались мне очень многолюдными и шумными. Энтони тоже слегка обалдело посматривал кругом - а мне захотелось поскорей вернуться в лес, разбить лагерь, а завтра, преодолев оставшееся расстояние одним марш-броском, на месте приступить к исследованиям. Мы решили сразу идти в Татариново, чтобы побеседовать со старожилами и выяснить насчёт происхождения названия села - это мог оказаться такой же облом, как с Княжевым.

Встреча немного испортила нам настроение. Лесничий был хорошим мужиком, если честно - я бы с удовольствием помог, только совершенно не понимал, как и чем. Особенно поганно было, что этот беспредел видел Энтони.

Мы закупили в магазине продуктов на ближайшие три дня и перед тем, как отправиться в лес, уселись на магазинном крыльчке. Энтони принялся вытряхивать из левого ботинка камешек, я расстегнул камуфляж и откинулся затылком на рюкзак, поставленный ступенькой выше. Затягивая шнуровку так, словно взнуздывал коня, англичанин сказал:

- Носки надо постирать вечером.
- Успеется, - возразил я, - смени, вот и всё.
- У нас только по две пары. А не стирать носки в походе - преступление, которое должно караться немедленной смертью через наложение этого носка на дыхательные органы... Тебе, кстати, тоже следует этим заняться.

- Постираю, зануда, - вздохнул я, сделав несколько взмахов бортами камуфляжа. Мы, наверное, шикарно смотрелись на сельской улице около магазина: за время путешествия снаряжение успело обтереться и больше не топорщилось в самых неожиданных местах. - Может, сразу махнуть на Горелую Могилу? Вдруг это и правда то место, где стояла крепость?

- А вдруг - место, где сжигали умерших от холеры? - осведомился Энтони. - А мы себе мозоли будем набивать... Нет уж, лучше всё заранее узнать с максимальной точностью!

Не сговариваясь, мы поднялись и пошли неспеша мимо сельской доски объявлений, висевшей возле клуба. Объявлений там было полно: выделялись два, написанные через трафарет чёрным маркером.

ЕСЛИ ВАМ НУЖНО УВЕЛИЧИТЬ СЕМЬЮ - НАШ ФОТОГРАФ ОБ ЭТОМ ПОЗАБОТИТСЯ.

И адрес.

ЗАМОЧУ КИЛЛЕРА. ЦЕНА СХОДНАЯ.

Это без адреса.

Я заинтересовался и хотел подойти поближе, но Энтони вдруг начал почти буксировать меня в направлении околицы, ничем не объясняя своей поспешности - особенно неуместной

в жару. Пока мы добрались до леса - оба тонули в поту.

- Куда тебя понесло? - поинтересовался я, останавливаясь в тени здорового дуба. - Тебе что: в лесу стол накрыли?!

- Ты что, ничего не видел?! - вытаращил он свои зеленоватые глаза. - Ну ты слепой... - я впервые видел его таким возбуждённым, честное слово, обычно он вполне оправдывает всё, что говорят об английской флегматичности. А сейчас чуть ли не подпрыгивал на месте! Ничего больше не объясняя, он вытащил из чехла бинокль и сунул мне: - Смотри!

- Куда? - поинтересовался я.

- На магазин. Нашёл?

- Вижу, - подтвердил я.

- Доску объявлений ищи. Нашёл? - нетерпеливо спросил Энтони - что на него уж совсем было не похоже.

- Нашёл, - бинокль, что бы про них не говорил продавец, был отличный - я различал буквы в тех понравившихся мне объявлениях.

- Смотри - видишь, двое стоят? - прошипел мне на ухо Энтони, словно нас подслушивали.

- Где? - удивился я - и увидел под щитом объявления две пары ног - двое мужчин и правда стояли с той стороны щита. - Ага, двое стоят. Объявления читают. Ну и что?

- Сергеич и Витёк, - шумно дыша от возбуждения и жары, выдал Энтони.

Я присвистнул и сделал жест, как будто хочу коснуться ладонью лба англичанина. Он сердито отстранился и спросил:

- Не веришь?!

- Нет, - честно признался я. - Стоят двое мужиков. Ищут объявление о продаже тёлки. Рыжей. С белым пятном на лбу. Годовалой.

- Сам ты... тёлка годовалая! - обозлился Энтони. - Я же Витькову морду видел - мы подходили, а он из-за этой доски высунулся и тут же спрятался!

- Спутал, - предположил я, берясь за бинокль снова. - Думаешь о них много, вот и чудятся. Такого совпадения быть не может - чтобы их и нас одновременно в одно и то же место принесло.

- Во-первых, - Энтони неожиданно обрёл своё обычное хладнокровие, - я не девчонка, чтобы накачивать себе нервы до появления призраков. А во-вторых, совпадение тут ни при чём. Просто они оказались умнее нас - посмотрели по карте, подумали и сели на нашем пути, чтобы не бить ноги по лесам, а накрыть нас уже у цели. Может быть, они даже постоянно около магазина дежурят или местных мальчишек подкупили, чтобы те им докладывали обо всех чужих, которые в магазин ходят. А сами или в гостинице остановились, или комнату снимают. Только вот неясно, где их третий...

Когда Энтони говорил не горячо, а вот так - спокойным, выверенным тоном - не поверить в его слова было просто невозможно. Я не отрывал бинокля от глаз - и почти не удивился, когда из-за стенда вышел сначала Витёк, а следом - Сергеич. Оба наших уголовничка были одеты в брезентовые стройотрядовские куртки, джинсы и кроссовки. Без рюкзаков - скорее всего, оставили по месту проживания... Похоже, они переругивались, то и дело поглядывая на лес, а потом разом повернулись вдруг и заспешили по улице. Сомнений не было - они нас засекли и теперь намеревались начать прямое преследование. Мы и в самом деле недооценили хитрость этих жуков колорадских... а вернее - сами лопухнулись, не дав себе труда ещё до начала путешествия как можно подробнее изучить карту.

Мне захотелось крепко выругаться. Ситуация, в которую мы попали, виделась редкостно неприятной. Конечно, в лесу скрыться от преследователей ничего не стоит - они не индейцы и не рейнджеры, чтобы читать следы. Но в том-то и проблема, что именно теперь мы не можем скрываться - нам надо двигаться в Татариново, вести поиск, потом - не исключено - раскопки. При таком образе жизни оставаться незамеченными сложно. А если учесть, что преследователи пусть приблизительно, но знают, куда мы идём - дело и вообще дрянь, встречи с ними не миновать. И хорошо бы - открытой, я бы этого не так испугался. А

то ведь жди любой пакости, вплоть до... У меня противно заныло в животе. Особенно надо остерегаться Энтони! Они ведь побывали у меня дома, бумаг не нашли и лишний раз "убедились", что все конкретные указания англичанин носит с собой либо вообще заучил наизусть. А в этом случае - сделают всё, чтобы взять его живым и выпытать сведения о местонахождении кла-да. Что в поисках сведений они могут замучить Энтони до смерти - в этом я не сомневался. Ни в Сергеечке, ни тем более в Витьке не было ни капли от киношных бандитов - жестоких, но действующих по каким-то своим законам чести, даже привлекательных. Эти двое были именно такими, какими бандиты чаще всего и бывают в жизни - трусоватыми, хитрыми, безжалостными и живущими только для своей пользы и по своим "законам". Мы с Энтони могли одолеть их в рукопашной. Но их преимущество было в другом - в том, что они были способны как раз на другое - именно на то, что мы двое сделать не могли. Например, выследить нас, подкрасться ночью и перерезать нам глотки во сне. В этом и было их бандитское преимущество.

Честному человеку вообще очень трудно воевать с бандитами. А если он - честный - начнёт действовать их методами и победит, всегда сохраняется опасность, что со временем он и сам превратится в бандита...

Ничего из этих грустных мыслей я вслух не изложил. Но, протягивая бинокль Энтони, напомнил ему:

- Ты говорил, что знаешь, как ночью обезопасить лагерь...

- Сделаем, - не вдаваясь в подробности, сказал он. - Только сегодня незачем.

Скорее всего, они объявятся, когда мы будем уже у Горелой Могилы. Хотят, чтобы мы их сами довели до цели.

- Я про то же подумал, - признался я. - Что будем делать?

Энтони растерянно посмотрел по сторонам и прикусил губу. Передёрнул плечами, задумчиво протянул:

- Если бы война-а... Мы бы их выследили и прибили, как комаров.

- А они и безо всякой войны на это способны, - напомнил я. - Как думаешь, они дадут нам начать искать "клад"?

- Едва ли, - почти тут же ответил Энтони, - побоятся, что мы с ним незаметно удерём. Скорее всего, дождутся, чтобы мы их привели на место, а там попробуют тебя убить, а меня захватить, чтобы всё узнать про "клад" и достать его самим... Опасно; кроме того, у них неизвестный фактор - третий сообщник. Не исключено, что он не такой тупой в лесных делах, как они и будет отслеживать нас на всём пути до цели, пока эти двое пойдут напрямую или вообще на чём-нибудь поедут в Татариново.

Мы разом обернулись, всмотрелись в лес. Энтони негромко сказал:

- Нет, это бесполезно. Если человек умеет маскироваться, можно пройти в метре от него - и не заметить... Так что лучше зря не трепать себе нервы. Да, может, этот третий просто сидит себе на квартире и стережёт вещи, а мы тут напридумываем себе всяких страхов и будет нам весёлое путешествие - от каждого куста шараться!

Мы ещё постояли на опушке - просто так, собираясь с мыслями и духом. Неподалёку прокатил уже знакомый нам УАЗик Семёна Семёновича Горбункова, так непохожего на своего тёзку и однофамильца из "Бриллиантовой Руки", и Энтони, кивнув ему вслед, сказал:

- А всё-таки жаль, что мы ему помочь не можем.

- Всем даже Бэтман не успевал помочь, - вздохнул я. - Ну, пошли, что ли?

Мы прошли перелеском и выбрались на пологий склон, вытоптанный до глинобитного состояния. Впрочем, это было понятно - склон спускался к речке - не той, через которую мы проезжали на УАЗике, другой - помельче и поуже - а в воде и на берегу кишели пацаны и девчонки разного возраста. Кто купался, кто загорал, кто играл в мяч, кто гонял на велосипеде... Может, народу там было не так уж и много, но каждый шумел и носился за троих.

- Слушай, давай выкупаемся, а то я помру, - в ультимативной форме потребовал я. Но Энтони не стал возражать, а на ходу начал расстёгивать куртку.

Наше появление не вызвало особого оживления - только те, с кем рядом мы расположились - несколько мальчишек помладше нас - нехотя подвинулись, смерив меня и Энтони вызывающими взглядами. Но любой из нас был крупнее самого крупного из них, а когда мы разделись, соседи и вовсе увяли. Я ещё услышал, спускаясь к воде, как самый младший из них прошептал с уважением:

- Каратисты, наверное...

Если честно, я опасался, что эта компания сделает ноги, приделав заодно ноги и кое-чему из нашего снаряжения - трудно удержаться от соблазна присвоить тот же нож или бинокль. Но опасения вскоре забылись - на середине речки компания постарше, притащив камеру от "КаМАЗ"а, устроила старое, как мир, соревнование - кто сможет на неё влезть и дольше всех продержаться, стоя в полный рост. Не поучаствовать в таком - значит, себя не уважать... Призовых мест мы не заняли - у местных сноровки побольше - но повеселились здорово, а потом выбрались на берег - сохнуть и отдыхать. Я не долго думая свалился животом на горячую, твёрдую землю и, уткнувшись носом в скрещенные руки, перевёл дух. Энтони, поморщившись, опустился рядом, вызвав мою реплику:

- Вам лежак подать-с?

Англичанин фыркнул и решительно откинулся на спину, забросив руки под голову. Я одобрительно сказал:

- Вот молодец. А если какая бактерия вцепится, всегда можно ещё окунуться.

- Да в этой реке бактерий больше, чем на земле, - проворчал Энтони, щурясь на солнце. Я видел, что он придушивается, а на самом деле ему понравилось, но подколот ещё:

- Ничего, вернёшься - станешь рассказывать, как участвовал в варварских русских забавах. В прорубь нырял, с медведями по снегу катался...

- Сейчас лето, - напомнил Энтони.

- Ну... значит, голым из самолёта в речку прыгал. Это для колорита. А если добавишь, что самолётом управлял пьяный казак - это ва-аще будет по прико-лу. Типично русская ситуация.

- Лучше я скажу, что прыгал в прорубь, а самолётом управлял пьяный медведь, - на полном серьёзе заявил Энтони, - так будет ещё интереснее.

- Говори, - разрешил я, - про Россию у вас уже столько ерунды выдумали, что это так - детский лепет...

Не знаю, сколько мы ещё трепались бы про разную ерунду, если бы рядом с нами не уселся один из тех, с кем мы соревновались на камере. Какое-то время он просто сидел, сдувая с рук капли воды, потом негромко поинтересовался, кивнув на наши камуфляжи:

- Немецкие? Классная штучка...

- Немецкие, - лениво ответил я. - Ничего...

Он зевнул, клацнул челюстями, как волчонок, потянулся и, лениво поднявшись, сообщил - никому, просто в воздух:

- Пойду трусы выжму...

И, прежде чем уйти - это я видел совершенно отчётливо! - повёл глазами, явно приглашая меня за собой. И пошёл к зарослям метрах в сорока от берега, перешагивая через лежащих. Не оглядываясь, не быстро и не медленно - идёт себе мальчишка и идёт...

- Пойду схожу по делам, - сообщил я, тоже неспешно вставая. Энтони открыл один глаз:

- По каким ещё?...

- Ну... по делам, - я пожал плечами.

- А, ясно, - он снова зашторился ресницами, рассматривая то ли небо, то ли девчонок на берегу.

В зарослях вполне могла ждать компания - настучать по шее. За что? Да просто так, мало ли. За то, что стёр резину, пока на их камере танцевал, например - как повод ничем не хуже любого другого. Поэтому я шёл, готовый к драке. Но в то же время чувствовал: позвали не драться. На кой чёрт такие сложности? Предложили бы просто "отойти", "разобраться"...

Мальчишка, выжимая обеими руками трусы, стоял недалеко от края зарослей. Безо всяких предисловий он начал:

- Слушай сюда... Вас ищут. Два дня назад один тип отвалил пятерым нашим пацанам полтинник каждому и пообещал столярник тому, кто стукнет ему, когда увидит двоиз туристов - в немецких камуфляжах. И расцветку рассказал. Про вас уже настучали, точно. Этот тип где-то в селе остановился, я видел, как двое сорвались бежать, даже не оделись...

Я не стал выяснять, кто дал такое задание - Сергеич, Витёк или их таинственный третий сообщник. Это было не важно, в конце концов. Да и сама новость для нас новостью уже не была - мы знали, что нашим врагам про нас из-вестно. Но я ощутил искреннюю признательность парню, который не поленился предупредить чужих ему ребят. Однако спросил:

- А откуда ты знаешь - может, мы преступники, а тот тип - из ментовки? Может, ты бандитам помог?

- Ну да, - буркнул он, влезая в трусы, - а то я ментов не видел... Хотя... - он задумался, взяв себя руками за плечи. - На мента он не похож, но он знаешь на кого похож?

- На кого?

- На всяких там агентов, которых в кино показывают, - выдал парень. - Вежливый такой, спокойный, а глаза - внимательные-внимательные... - он осекся и вдруг с настоящим испугом посмотрел на меня. Подумал, что и в самом деле мог помочь, кому не надо - только не бандиту, а хуже того: шпиону или диверсанту.

- Спасибо, - поспешил сказать я. - И слушай - честное слово, мы не преступники, не вражеские разведчики и даже не переодетые инопланетяне. Мы делаем хорошее дело, а кое-кто старается нам помешать. Веришь?

- Верю, - кивнул он. Не знаю, искренне ли. Я деловито уточнил:

- Ты просто так предупредил... или тоже рассчитывал на вознаграждение?

- Ни на что я не рассчитывал, - обиженно сказал он, всё ещё поглядывая подозрительно. - Просто решил - предупрежу, мне тот кадр офигеть как не понравился... если встречу, конечно... Слушай, - спросил он с внезапным острым любопытством, - а какое дело вы делаете?

- Ищем Святой Грааль, - ничем не рискуя, ответил я и оставил парня в полном недоумении, выйдя из кустов.

Если он даже знает, что такое Святой Грааль и поверит, что мы его ищем - решит, что за нами просто охотятся санитары из психушки.

Что тут ещё может подумать нормальный челове? Скажите мне?

ГЛАВА 20.

- Неужели они подцепили где-то бывшего офицера спецслужб?

Вопрос Энтони был риторическим, так сказать. Мы сами так и не виде-ли таинственного этого "третьего" - мало ли каким он показался деревенскому мальчишке? Может, у него и правда внимательный взгляд - а может, просто боялся лишний раз глазами поворочать после вчерашнего? Так я и выдал Энто-ни, добавив, что нечего тут гадать. Главное, нам известно, что все трое прес-ледователей - в селе и никто не следит за нами в лесу. А это уже плюс. Энтони, подумав, со мной согласился.

Ещё не успев снова разогреться после купания, мы бодро зашагали лесной чащей - настоящей чащей, к которой уже порядком попривыкли за последнее время. Вообще-то, поднажав, мы могли к темноте добраться до Татариново, но решили не спешить, заночевать в лесу, а в деревню явиться утром, выспавшись и подготовившись к свершениям.

- Слушай, а какая вообще разница между "селом" и "деревней"? - вдруг спросил Энтони, на ходу хлопнув ладонью по стволу здорового дуба. - В размерах, что ли?

- Не, - я покачал головой, со злорадством следя за потугами комаров прорваться к нам. - Просто "селом" раньше называли небольшой населённый пункт, в котором есть своя церковь. А в деревне её не было. Вот и вся разница.

Мы прошли горелый участок леса - обглоданные огнём чёрные стволы высились тут и там, а между ними всё заросло американским клёном, вездесущим и поганым, как... как комары. Не дерево, а паразит - начисто забивает любое освободившееся место! Дальше опять начиналось чернолесье - такое густое и бессолнечное, что мы невольно замедлили шаги, рассматривая тени между древесных стволов, глубже сливавшиеся в одну сплошную стену синеватого сумрака - и это в солнечный, жаркий до одурения день!

- Шервудский лес, - сказал Энтони. - Теперь я понимаю, почему русские так любят партизанить. При таких-то лесах...

- Анекдот хочешь? - спросил я, подтягивая лямки рюкзака. - Идёт съезд "зелёных" в Москве. Председатель съезда объявляет: "Слово предоставляется заслуженному партизану батюшке Лешему!" Из зала орут: "Не надо! Зачем нам партизан?!" - а председатель успокаивает: - " Мужики, да он о проблеме сохранности лесов говорить будет!" "А, ну тогда давай, пусть говорит..." Ну, поднимается на трибуну старый дедок и говорит в микрофон: "Молодёжь! Вы это - берегите леса! Они нам ещё понадобятся!"

Энтони посмеялся и спросил:

- Трусись?

- Есть немного, - не удивляясь, ответил я. - Только я не тех козлов боюсь.

- Я тоже, - признался Энтони, но не стал вдаваться в подробности. Промолчал и я - как тут объяснишь, что мне вдруг показалось: лес рассматривает нас угрюмо и оценивающе, словно прикидывает, кто мы такие и разрешать ли ещё нам бродить по его чащобам?... Словом, это был НЕ ТАКОЙ лес, каким мы шли последнее время. ЭТОТ лес жил какой-то своей - древней и настороженной к человеку - жизнью... Наверное, в его чаще прятались деревья, помнившие не то что монголов, но и времена, когда сюда ещё вообще не пришли люди!

- Интересно, лешие едят консервы? - тихо спросил я.

- За последние двести лет должны были научиться, - так же тихо ответил Энтони. - Пойдём, что ли?

- Погоди, - я достал из кармана камуфляжа "твикс", купленный в Тудыновке и, покосившись на Энтони, сказал: - Э... это от нас двоих. Тут две штучки.

С этими словами я аккуратно положил шоколадку, надорвав упаковку, на развилку молодого сучка и первым, не оглядываясь, пошёл в чащу, готовясь резко оборвать Энтони, если он начнёт шутить. Но англичанин молча топал сзади под чуть заметный уклон и заговорил только тогда, когда под ногами зачавкало, и мы оказались в заболоченной низинке - ручей не ручей, а просто мокрое место под нашими "гриндерами".

- Не помню на карте этого ручейка...

- Может, его там и нет, - сердито ответил я.

- Как нет?... - начал Энтони, но я его прервал:

- А вот так - нет! Надоел ты со своей картой - думаешь, на ней всё есть, что в России имеется?! У немцев в своё время тоже классные карты были - а сколько их с этими картами пропало по лесам?! Без следов!

- Это уже мистика, - без особой уверенности заметил Энтони, но насчёт карты больше не вспоминал.

Мокрое место в самом деле превратилось в настоящий ручей, взявшийся словно бы ниоткуда, а чуть подалее в него вливалась струйка из небольшого, аккуратно выложенного камнем, родничка. Рядом стояла алюминиевая кружка. Мы напились озверенно холодной, вкусной воды и поменяли её во фляжках. Несмотря на таинственность здешнего леса, его комары тоже отступали перед таинственной силой гвоздичного масла, и мы немного постояли около родничка, прислушиваясь, пока мимо нас не протопал кабан - верхом низинки, мы видели только щетинистую спину, да слышали мерный топот, потрескивание и

по-хрюкивание, словно кабан сам с собой о чём-то разговаривал на ходу. Когда он удалился, мы выбрались наверх и тоже начали удаляться - в другую сторону с удвоенной скоростью. Когда отдышались, Энтони поделился со мной своими соображениями:

- Сколько шли - такого ни разу не видели. Наверное, достаточно немного посидеть тихо - и увидишь немало интересного.

- "Если в лесу сидеть тихо-тихо", - вспомнил я. - Есть такая детская книжка, так там нарисовано, что можно увидеть в лесу, если не шуметь... Интересно, я из своего обреза мог бы его завалить?

- Догони и попробуй, - предложил Энтони. - Только меня с собой не зови, мне другое интересно - как это наши предки на них с копьём ходили?

- Да-а... - протянул я, и мы на какое-то время преисполнились молчаливого уважения к нашим предкам. Каждый, конечно, к своим...

А я вдруг подумал, что очень хотел бы узнать, кем был мой предок - в смысле, мой предок во времена монгольского нашествия? Частичка чьей крови во мне, Андрее Лобанове? Дружинником был? Крестьянином? Горожанином - торговцем или мастеровым?... Хорошо Энтони - он-то точно знает, кто были его предки... А я... Может, он жил в этом лесу, может, мы сейчас идём по тем же самым местам, какими ходил на зверя он? С копьём - с рогатиной... которая вовсе не "рогатое" копьё, как почти все думают. Олег Никитович показывал нам рисунки - такое оружие со здоровенным наконечником, похожим на широкий короткий меч. Наше, русское изобретение. С перекладкой под наконечником - на зверя, чтобы не дорвался до охотника, протаскивая копьё через себя. Без перекладки - тоже на зверя, но более опасного, хотя и менее выносливого. На врага-человека. Рогатина и топор - оружие ополченцев Руси... А если был мой предок дружинником - наверное, не ходил через этот лес, а ездил, да и охотился только чтобы поразвлечься, а главным его оружием был меч - не очень длинный, в руку, с глубокой выборкой посередине, с массивной рукоятью... Вот бы подержать в руке!!!

- Энтони, у вас в замке есть древние мечи? - поинтересовался я. Англичанин кивнул:

- Несколько есть.

- Ты их в руках держал?

- Конечно! - удивился он.

- Тяжёлые?

- Да как... Фунта четыре...¹² Хотя есть шотландский трофейный клэймор¹³ - жуть одна, почти пятнадцать фунтов¹⁴! Я его одно время и поднять-то не мог толком, не говорю уж - сражаться... Это ведь подолгу вертеть надо...

За этим разговором мы не заметили, как перед нами очутился край болота. Влево уходил, чуть поднимаясь, густой, но сухой лес, а вправо расстилалась бурая с зелёным гладь, над которой тут и там торчали какие-то больные, унылые деревца. Впрочем, росли и обычные - на небольших островках.

- Чёрт! - вырвалось у Энтони. - И этого на карте нет!

- Выкинь её, - посоветовал я. Не стало смешно наблюдать, как искренне злится англичанин из-за несоответствия своей карты - кстати, действительно очень хорошей - некоторым окружающим реалиям. А Энтони, опустившись на колени, зачерпнул густую грязь у берега, сильно сжал её в кулаке.

- Пройти вообще-то можно, - задумчиво сказал он, - только вот стоит ли?

- С чего ты взял, что можно пройти? - я скептически окинул взглядом поверхность болота.

- Смотри, - Энтони, встав на ноги, ткнул носком ноги комочек грязи, выпавший из его руки, - вода через пальцы ушла, а торф остался. Значит, пешеход пройдёт. С трудом, но пройдёт. А вот если бы всё через пальцы ушло - и соваться не стоит.

- Я и так не хочу, - признался я. - Зачем нам это "с трудом"? Пойдём в обход, как нормальные герои...

- Чего? - удивился Энтони. Я пояснил:

- Это в одном старом фильме так поётся... - я помялся и пропел:

- Ходы кривые роет
Подземный умный крот.
Нормальные герои
Всегда идут в обход...

- А как там ещё, как? - заинтересовался Энтони. Я пересказал слова, какие вспомнил, и вскоре Энтони (довольно музыкально, надо сказать!) напевал себе под нос - а мы уже шагали краем болот в обход:

- В обход идти, понятно,
Не очень-то легко,
Не очень-то приятно
И очень
далеко...

Болото как-то незаметно перешло сперва в заболоченную речку, а потом - в речку совершенно нормальную, с почти неразличимым тьечением: она проби-ралась в зарослях плакучих ив, корни которых нависали над водой. Мы шли бере-гом, посматривая на таинственную тёмно-неподвижную воду лесной речушки, а она набиралась сил и становилась всё шире. Энтони несколько раз молча сверялся с картой - по его удовлетворённому лицу мне стало ясно, что окружающее наконец-то пришло в соответствие с чертежами военных топографов Её Величества.

- Четвёртый час, - объявил наконец Энтони, - пора искать место для лагеря.

Это, кстати, довольно сложная вещь - найти стоящее место для ночлега. Ну, для норального ночлега, я имею в виду. Нужно, чтобы вода была недалеко - и не очень близко. Желательно на пригорке - так, чтобы этот пригорок ночью прикрывал от ветра. И чтоб над палаткой не нависали никакие сучья - на случай всё того же ветра, который может превратить падающий сучок в настоящее копьё: пропорет палатку и пришпилит к земле, как жука в коллекции! А в лесной глубине, куда мы зашли, пригорок найти трудно - правда, и ветер не так страшен, как на открытом месте или в редколесье. Да и где он, этот ветер... Солнце тут не светило, еле прбивалось через сомкнувшиеся несколькими ярусами кроны, но всё равно царила влажная духота. Наверное, как в джунглях, кото-рые так не нравятся Энтони. Впрочем, если там и правда так - мне бы там тоже не понравилось, что и говорить! Короче, в четвёртом часу начинать искать место для ночлега - вовсе не так рано, как может некоторым показаться.

Мы успели отмахать километра три речным берегом, прежде чем Энтони свистнул и указал налево, где река делала поворот, а берег образовывал пригорок. Дубы и вязы тут слегка расступались - солнечный свет лежал на траве, показавшейся мне страшно густой после хилого подлеска в чаще.

- Подходящее место, - одобрил я, скидывая рюкзак. - Разбиваемся, сэ-эр?

- Пожалуй, - решительно сказал Энтони, тоже снимая груз и освобождая из-под клапана рюкзака палатку, которую нёс он. У англичанина и в самом деле лучше получалось её ставить - даже в одиночку. Я сбросил куртку и, разложив лопатку, занялся кострищем - вырубил широкий квадрат дёрна, отложив его в сторону, чтобы потом прикрыт место, где горел костёр - когда будем уходить. Пока Энтони ставил палатку, я успел выкопать в кустах мусорную яму и соорудить очаг: положил на две вырубленные топориком из сухой лесины У-образные рогатки, вбитые в землю, прочную жердь. Англичанин как раз педантично окапывал палатку ровиком - на случай дождя, о котором я уже и забыл, какой он бывает.

- Есть, - удовлетворённо сказал я, очищая лезвие топора. - Я за дровами, ты за водой -

договорились?

Энтони, кивнув, подцепил котелок пальцем и пошёл к реке. Что-то ему не понравилось; он побродил вдоль берега, наклоняясь к воде, потом свернул за пригорок. Я стащил надоевшие ботинки, снял носки (ох, кстати - их пора и в самом деле постирать!) и отправился добывать сушняк для топки, размышляя, что бы такое забабахать на вечер. Пожалуй, польский грибной суп... и гречневую кашу со свиной тушёнкой. А в чай - сгущённое молоко.

В низинке, где я провалился по колено в неожиданную грязь, росли два полусумасшедших подберёзовика - огромные и не червивые. Я срезал оба, решив, что от них грибной суп хуже не станет. Уже начал озираться по сторонам в поисках других грибов (а вдруг?...), когда услышал негромкий сдавленный окрик:

- Эндрю... ты где?...

- Здесь, - откликнулся я, поднимаясь с корточек - фигура Энтони возникла у кустов наверху, через которые я пробирался сюда, в ложбинку. Увидев меня, англичанин кубарем скатился вниз. Он был без котелка, с висков скатывались капли пота, а глаза - злые-злые...

- Ты чего? - невольно приглушив голос, спросил я.

- Зэр... 15 - он задохнулся, помотал головой. - Блади бастардс... поучарс... нот фар эвэй... он зэ рива... 16 - снова потряс головой и выпалил: - Эндрю, там, на реке - браконьеры! На той лодке, двое! Я лодку узнал!

...Пригибаясь, мы взобрались на пригорок - хотя эта предосторожность была совсем излишней. Холм не только скрывал нас от взглядов, но и глушил звуки - поэтому браконьеры не слышали ни свиста Энтони, ни шума от разбивки лагеря. Мы растянулись плашмя в кустах около здоровенного дуба, росшего на самом пригорке. Осторожной раздвинули ветки...

Впрочем - можно было и тут не осторожничать. Уверенные в своей безнаказанности, браконьеры не глядели ни наверх, ни по сторонам. Они были заняты своим делом - увидев происходящее, я только скрипнул зубами. "Казанка" была вытащена на берег. В ней стоял какой-то громоздкий предмет вроде автомобильного двигателя. Здоровенный дядя в тельнике и трусах сидел на корме и любовно чистил ствол ружья, по временам что-то ободряюще покрикивая матом своему напарнику. Этот плавал на середине речушки - не сам по себе плавал, а на второй лодке - одноместной надувнушке, подгребая по необходимости куцыми "ракетками". При помощи здоровенного сачка он вылавливал рыбу покрупнее из того месива, которое создал на поверхности речки мощный электроразряд... Над толстым серым бортом лодчонки тоже торчало ружьё.

Рыб были десятки. Разных... Бандюга вылавливал только крупных - мелких он небрежно отпихивал ободом сачка. Над берегом уже каркали несколько воронов - дожидались, когда уйдёт добрые люди, течение прибьёт мелочь к берегу и можно будет поживиться...

- Вот сволочи, - выдохнул я. - Что будем делать?

Мне почему-то не пришло в голову, что можно просто остаться лежать на пригорке, наблюдая это так - со стороны. Не хотелось вникать в причины зверской жадности этих двух человек, в их мотивы и мысли - а хотелось прекратить происходящее немедленно. Встать и заорать, чтобы не смели... Но слова, да ещё слова двоих пацанов, на них не действуют. А два ружья - это аргумент даже для взрослого лесника или лесничего. Я покосился на Энтони. Англичанин неотрывно смотрел на реку, шевеля губами, потом одним движением откинулся назад и тихо сказал:

- Не знаю, как ты, а я попытаюсь это остановить.

- У них два ствола, - напомнил я. Энтони поморщился:

- Ты сможешь просто так вернуться в лагерь и забыть про это?

Я промолчал. Нет. Не смогу. Но и что делать - я тоже не знал.

- Слушай, - Энтони сощурился. - Когда этот, второй, бросится спасать своего дружка - дырявь лодку. И не давай им выйти на берег. Сможешь?

- Смогу, - уверенно ответил я, хотя во рту возник вкус медной проволоки. - А почему

он должен броситься спасать...

- Приготовься, - оборвал меня Энтони, - всё надо делать быстро. Я пошёл.

- Куда? - удержался я от вопля. Энтони, поднявшись на ноги, быстро раздевался. Нож, вынутый из чехла, он зажал зубами. - Ты что придумал?

- Э эй, - неразборчиво ответил он. Перехватил нож в руку и расшифровал. - Не мешай. Помогать будешь - сразу говори?

- Без вопросов, - окончательно решился я. И тут же спросил: - Да куда ты?!

Энтони отмахнулся и, пригнувшись, канул в кусты справа. Я, не удержавшись, нехорошо выругался и вернулся на свой наблюдательный пункт. Нервы были натянуты, как струны, я взмок от волнения. В голове звенела противная пустота, не было ни сожаления о том, что ввязались, ни страха, ни желания что-то делать... но в то же время я оставался в уверенности, что Энтони не брошу. Что бы он не затеял!

- Щука! Полено! - заорал тот, который плавал на "резинке", поднимая на руках что-то в самом деле здоровенное. - Во...

И вдруг - я не поверил своим глазам. Не опустив рук, ничего больше не успев сказать, браконьер просто... исчез. ПРОВАЛИЛСЯ. Очевидно, его дружок тоже не понял, что к чему, потому что не пошевелился, а лишь сказал - даже не испуганно, а лениво:

- Э, ты чо?...

Но пропавший браконьер вдруг вынырнул - РЯДОМ с лодкой, бешено замолотил по воде руками и настоящим ужасом завопил:

- Владька! Помоги! По-мо-ги-и... тону!!! - ушёл под воду, вынырнул снова и завыл уже без слов, пронзительно: - Ыыыыыы!!!

- Ох ё ж! - как ужаленный, вскочил "тельник". - Э! Счас! Счас, иду!

Надо отдать ему должное - он бросился в воду без раздумий и сильным, техничным кролем буквально помчался на выручку приятелю.

Начал я думать, уже оказавшись на берегу. Вскочил и помчался по склону - без единой мысли, за меня всё делало тело. Первой связной мыслью было: "Что теперь?" - когда я остановился у "казанки". И снова моё тело опередило мои мысли - я нагнулся и подхватил с песка брошенное Владькой ружьё - это оказалась семизарядная "помпа" "Рысь", не шуточки! Владька нырял около дрейфующей лодки, на берег не глядел. До меня ещё только дошло, что я держу в руках трофейное оружие, а палец уже сам собой нажал на спуск.

Ружьё коротко ухнуло. В борту "казанки" появилась рваная дырища. Мысли мои наконец-то догнали руки - и я уже с удовольствием пустил ещё пулю в борт, третью - в новенький ямаховский движок, четвёртую - в генератор тока.

- Э! Э, козёл! (и даже похлеще) Брось ствол, недоделок! Ах ты... - и снова "проклятое монгольское наследие."17 К берегу гребли оба - Владька-"тельник" и спасённый им утопленник.

Моё замешательство было секундным. Я выхватил из лежавшего на дне "казанки" патронташа три патрона - сколько смог сгрести - и, не сводя глаз с приближающихся браконьеров (они перестали ругаться, сэкономили силы, наверное), дозарядил надствольный магазин. А уже через три или четыре секунды оба в рост поднялись на мелководье и побрели к берегу.

- Стоять, - негромко приказал я, сам удивляясь, что мой голос не дрожит. Ствол ружья черкнул воздух, словно проводя границу, за которую лучше не заступать.

Они оба остановились. Скорее - от удивления, во всяком случае - страха на их лицах я не заметил. "Утопленник" тяжело отдувался, обувь и куртку оставил в реке. Владька смотрел мне прямо в глаза тяжёлым, не подвижным взглядом - жутким, что и говорить... А я вдруг подумал, что ему лет двадцать пять, не больше. Ровесник Олега Никитовича.

- Брось ствол, - повторил он ровным голосом и сделал шаг вперёд, не сводя с меня взгляда.

В книжках первый выстрел чаще всего делают случайно. Со страху нажав на курок, всё такое... Не знаю; я этот выстрел сделал вполне осознанно - пуля взбила воду в метре перед

"тельником", и он снова остановился.

- Следующую - тебе в колено, - предупредил я. - Прикинь, всю жизнь будешь хромать?
- Промажешь, - он облизнул губы. И смотрел теперь уже не мне в глаза, а на ствол.
- Рискни, вдруг и правда промажу, - предложил я.
- Чего тебе надо? - спросил он. - Ты вообще кто?

Он не усомнился в том, что я могу в него выстрелить. Наверное, потому, что легко мог выстрелить сам... Я ничего не ответил - говорить не хотелось.

Энтони появился из прибрежных камышей. Он шёл, отфыркиваясь и неся в руке нож. Встал плечом к плечу со мной и зло, но в то же время весело сказал:

- Проваливайте оба. Прямо отсюда и быстро.
- Оденемся, - хмуро буркнул Владька.
- Так доползёте, сволочи, - безжалостно сказал Энтони.
- Рыбку пожалел? - спросил Владька. - Смотри, щенок, мы вас не пожалеем. Лес

большой...

- В хвост очереди, - ответил я. Владька покосился в мою сторону:

- Чего?

- Говорю - без вас желающих хватает - нас не пожалеть. Очередь занимайте.

- Пацаны, - подал голос утопленник - только теперь я его рассмотрел: пониже, постарше и погрузней Владьки, - а если мы на вас в ментовку... за разбойное нападение?

Я откровенно и весело заржал. Энтони улыбнулся. Владька процедил, не поворачиваясь к приятелю:

- Завали хлебало... - и выругался. - Пацаны, тут двадцать километров. Лесом. Зверья полно, мы же погибнуть можем...

- Со зверьём вы легко договоритесь, - холодно сказал Энтони. - Хотя... здешние животные гуманней и безопасней, чем вы. Убирайтесь, или отправитесь на корм рыбам.

- Для восстановления их численности, - добавил я.

Кажется, они оба поверили в серьёзность наших намерений, потому что тут же зашлёпали по мелководью вдоль берега - быстро и не оглядываясь, прочь от своей стоянки и от нашего лагеря, слава богу. Мы ничего не кричали им вслед - только следили, как они уходят дальше и дальше, пока камыши не закрыли их совсем.

Рыба плыла по тихому течению.

На душе было пакостно.

ГЛАВА 21.

Исчезновение старшего браконьера из лодки объяснялось очень просто. Энтони, проплыв от камышей под водой, на всю длину распорол днище "резинки" ножом и за ноги вдёрнул ничего не успевшего понять бандита в воду - мог бы и утопить, потому что тот от страха начал орать, но пожалел и даже вытолкнул на поверхность, а сам поплыл обратно к берегу.

"Казанку" со всем браконьерским имуществом мы утопили на середине речки, а потом Энтони взялся нырять за вторым ружьём. С первого раза не достал, но сказал, что вода внизу холодная, как лёд и нырнул снова - здорово нырнул, только пятки мелькнули, без шума и плеска. В этот раз вынырнул он, когда я уже забеспокоился - с синими губами и ружьём в судорожно вытянутой руке.

- Я-яма... - проклацал он. - Футов тридцать, 18 не меньше - ж-жуть... на к-кра-краю лежало...

Мы погребли к оставленной на берегу одежде. Солнце зашло за древесные

вершины, стало холодно - не вообще похолодало, а от воды потянуло холодком, мы подхватили одежду и припустили бегом к лагерю, освирепело отмахиваясь от комаров и

скользя мокрыми ногами по траве.

- Кровать бы сейчас, и под одеяло, - сказал Энтони, поспешно доставая одной рукой охотничьи спички, а другой - наше волшебное масло. Он замёрз больше меня - на дне реки и в самом деле били ключи, я это ощутил, когда плавал в реке и в какой-то момент словно бы наступил босыми ногами в снег.

- Где же твоя жажда приключений? - пошутил я, наливая на ладонь масла.

- Не знаю, - серьёзно ответил Энтони, - может быть её унёс во-он тот комар величиной с орла?

Извернувшись, я казнил указанного комара, уже пристраивавшегося на моём плече и задумчиво уставился на ружья. Второе тоже было "рысью". Нам эти стволы были нужны, но бесполезны - длинные, не спрячешь, не носить же их открыто? Утопить их или разбить - у меня не поднялась бы рука. У Энтони - тоже. Зато он, похоже, давно решил для себя эту проблему - недаром прихватил из браконьерского барахла длинный полиэтиленовый мешок для рыбы и банку ружейного масла.

- Это лучше всего спрятать, - деловито сказал он, густо размазывая масло (не ружейное, конечно!) по груди - губы его уже приобрели свой природный цвет, костёр разгорелся почти невидимым пламенем, как всегда горит очень сухое дерево. - Где-нибудь в месте посуше. Разобрать, погуще смазать, завязать в мешок - и спрятать. Может, пригодится - партизанить.

- Против вас? - полюбопытствовал я. Мне идея понравилась.

- Хотя бы, - без улыбки ответил Энтони.

Мы занялись оружием. Покрывая маслом ствол, я высказал опасение:

- Как бы они ночью не явились.

- Не явятся, - уверенно ответил Энтони. - Мы их серьёзно напугали. А самое главное - они ведь так и не поняли, кто мы такие. А непонятное пугает ещё больше... Только вот обидно, что их самих отпустить пришлось. Они же снова начнут...

- Ну, теперь не скоро начнут, - уверенно сказал я. - "Казанка" с японским мотором, генератор, надувнушка, ружья, боеприпасы, снасти - это знаешь на сколько потянет? Деньги ого какие... Другое дело, что не они одни тут этим занимаются...

- Может, начнём сезон охоты на браконьеров? - Энтони приложился к ружью. - А хорошая вещь. По-моему, лучше штатовского "ремингтона". Надёжнее... Эндрю, ты извини, что я тебя в это втянул.

- Мне и самому тошно было смотреть, как они браконьерничают. Особенно в этом лесу, - признался я и напрягся в ожидании вопроса: "Почему именно в этом лесу?" - так как не знал, смогу ли Эндрю объяснить... Но он не спросил - кивнул и сказал:

- Теперь мы и вправду как два крестоносца. Первая встреча с врагом уже была, впереди - цель похода... и новые встречи с новыми врагами в битве за Святой Грааль.

- Только вот враги эти уверены, что мы ищем золото, - напомнил я, а Энтони, кивнув, задумчиво сказал:

- Наверное, враги настоящих крестоносцев тоже не верили, что те идут освобождать Гроб Господень. Думали - пришли за золотом... А люди верили так, что умирать было не страшно. Разве в золото можно так верить?

- Слушай, Антон, - начал я. Потянулся за рюкзаком, достал оттуда консервы и концентрат. - А я вот думаю: почему твой предок сразу не вернулся в Англию? Со Святым Граалем - как говорится, сам бог велел! А он с чего-то поехал в наши места, на Русь...

- Я тоже думал над этим, - пробормотал Энтони, глядя куда-то под деревья, где быстро сгущались тени. - Не знаю, Эндрю. Я не знаю...

ГАЛИЛЕЯ. НЕДАЛЕКО ОТ КРЕПОСТИ ЯФФА. 1229 ГОД ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Сухой, знойный ветер пронзительно посвистывал в оконных проёмах брошенных

глинобитных домов. Выбеленное зноем, как холст отличной выделки - руками мастерицы, небо дышало сухим, ровным жаром кузнечной печи. Бескорые, мёртвые, искривлённые, отполированные ветром и зноем деревья, похожие на скрбченные пальцы скелетов, застыли у въезда в пустую деревню. На гладких ветвях сидели вороны. Много. Не меньше полусотни. Сидели молча и неподвижно, словно фигурки из чёрного мрамора.

Вороны ждали добычи.

Пятеро всадников молча и быстро рубились посреди деревенской площади. Четверо - на лёгких тонконогих конях под цветными попонами, в сбруе, украшенной многоцветьем бляшек - размахивая плавно изогнутыми симитарами 19 и прикрываясь небольшими круглыми щитами, вертелись возле своего единственного противника. За плечами у них, словно крылья невиданных птиц, летели зелёные плащи, круглые плосковерхие шлемы обматывала белая материя, лица закрывали кольчужные маски, спускавшиеся на грудь.

Их единственный противник был почти неподвижен. Прижавшись конским крупом к стене, он принимал удар за ударом на каплевидный щит алого цвета, украшенный чёрным двухглавым орлом под золотой короной. Голову огромного рыжего коня закрывала кованая стальная маска с крыльями летучей мыши, концы белой попоны с тем же гербом, что и на щите, спадали и пыльную землю. Сам всадник, затянутый в кольчугу, усиленную щитком на груди и массивными оплечьями, сидел плотно, выставив перед конской грудью всажённые в стремяна ноги в пластинчатых медных сапогах. Его голову скрывал полусферический шлем с Т-образной прорезью в маске и короткими рогами, на которых было закреплено грязное белое полотнище, спадавшее на плечи и спину всадника, как плащ. По временам всадник тяжело поднимал рукой в широком окльчужном рукаве и толстой кожаной перчатке длинный прямой меч - и зеленоплащные, словно играючи, откатывались на пять-шесть шагов, а по-том снова начинали приближаться - неспешно и неостановимо...

Из-под кольчужного рукава всадника с орлом на щите увесисто и медленно падала на пыльную землю кровь.

В углу двора умирала лошадь. Тяжёлый "бородатый" 20 топор перебил ей крестец, она стонала, мучительно закатывая влажные глаза, полные страдания и трогательного непонимания происходящего: почему? за что? Её хозяин - то, что от него осталось после отвесного удара в плечо - лежал неподалёку, сброшенный агонизирующим животным. Вторая лошадь бродила по двору, таская за собой запутавшегося ногой в сползшем набок стремяни всадника - в пыли тянулся размазанный, быстро сохнувший широкий след.

Воин в рогатом шлеме, выпустив рукоятку меча из ладони - она была примотана к запястью ремнём - снял с пояса короткий прямой рог и, поднеся его к прорези в равнодушной маске, протрубил отрывистый короткий сигнал. Зеленоплащные не забеспокоились - очевидно, воин делал это уже не первый раз... и - безрезультатно.

Но... нет! В этот раз отчанный хриплый призыв не остался безответным. Жаркий посвист ветра вдруг перебился стуком копыт по утопанной до каменной твёрдости подъездной дороге - и в деревенскую улицу бешеным галопом влетел ещё один всадник.

Белый рослый конь в алой с золотом попоне нёс на себе высокого седока, одетого в пластинчатый доспех. Голову воина закрывал островерхий шлем, украшенный белым султаном из конского волоса, лицо зашала оскаленная львино-мордая маска. Небольшой треугольный щит и длинное копьё с узким четырёхгранным наконечником были изготовлены для боя. Не сдерживая коня, новый воин что-то выкрикнул, прищипорил своего белого и вихрем помчался по улице, поднимая клубы пыли.

- Франк! 21- взвизгнул один из зеленоплащных. Оборонявшийся от них рыцарь напротив - оживился и, подняв руку с мечом, выкрикнул:

- Брат, на помощь!

Всадник на белом коне в призывах не нуждался. Но двое зеленоплащных, на скаку похватав с земли валявшиеся бамбуковые пики с трезубыми наконечниками, помчались навстречу новому противнику, на галопе ловко крутя оружие над головами и вокруг себя с диким, пугающим визгом:

- Аллах акбар! Аль-Камил рахбар! 22

Копьё всадника на белом коне вдруг совершило молниеносное круговое движение - и вошло прямо в кольчужную маску первому из зеленоплащных. Фанатичный вой захлебнулся - сарацина вышибло из седла, подпруги лопнули, и его конь, не успевший отскочить, был буквально подмят и растоптан могучим белым зверем. Второй сарацин, завизжав, нанёс молниеносный удар пикой, но воин ловко отразил его щитом. В его правой руке словно из воздуха возник страшный пернач, 23 с низким гулом описал круг и мощно ударил сарацина в висок. Тот зашатался в седле и безвольно склонился на гриву своего коня - через кольца маски струйками полилась кровь.

Не теряя ни секунды, воин размахнулся и с такой силой метнул пернач в оказавшегося ближе остальных сарацина, что того сбросило наземь. Раненый в руку рыцарь тем временем сам напал на врагов - встав на дыбы, его огромный рыжий жеребец с пронзительным визгом ударил копытами в голову коня одного сарацина, а второго всадника рыцарь достал мечом в шею, разрубив кольчужный ворот. Ловко соскочив наземь, рыцарь не глядя бросил меч в землю, выхватил узкий длинный кинжал и, припав на колено рядом с последним врагом, сброшенным искалеченной лошадью, приставил остриё кинжала к глазнице в кольчужной маске.

- Почему вы напали на меня в дни перемирия между нашим королём, да хранит его Господь на вечные времена, и вашим султаном? - бешено спросил рыцарь. - Говори, если хочешь жить!

- Проклятый франк! - прохрипел сарацин на хорошем германском. - Вас нужно убивать везде... всегда, подлый грабитель! Мира с вами... не может быть. Ты победил, пустоглазый пёс... но ты не услышишь, как я молю о пощаде!

- Не нужны мне твои мольбы, - неожиданно печально сказал рыцарь. - Я не убиваю безоружных... даже неверных.

- Вы... вы испоганили нашу землю, собаки!... - сарацин задохнулся от злости - и вдруг... всем телом подался вперёд, вгоняя кинжал в глазницу своей маски.

Рыцарь отпрянул - но было уже поздно. Он тяжело поднялся на ноги, качая головой:

- Видит бог, я не хотел этого - пусть бы он жил, - пробормотал он, вытирая кинжал, а потом - меч о край полотнища, закреплённого на рогах шлема. - Не будь слишком суров к этому отважному, Господи... - он перекрестился и только теперь обернулся к своему спасителю.

Тот уже спешил и, закинув за спину щит, стоял возле своего коня - широко расставив ноги и положив ладонь в кольчужной трёхпалой перчатке на рукоять меча. Скалящаяся маска шлема была бесстрастной, словно скрывала не живого человека, а призрака. Неожиданное его появление и молниеносная победа над тремя врагами могли привести на такую мысль даже отважного человека... но, во всяком случае, призрак был призраком рыцаря, а значит - надлежало быть учтивым. Поднеся обе руки к голове, рыцарь снял шлем, взяв его на сгиб локтя. Открылось загорелое, потное лицо юноши - мокрые длинные волосы цвета бронзы, большие зелёные глаза, похожие на воду лесных озёр далёкого родного Севера.

- Я благодарю тебя за помощь, отважный рыцарь, - сказал юноша по-английски. - Понимаешь ли ты мой язык? Если да - назовись, чтобы я мог знать, кто спас жизнь сэра Энтони лорда Колвилла, графа Мерсии и рыцаря короля Иерусалимского Фридриха?

Кольчужная трёхпалая рука неспешно поднялась, откинув вверх львиную маску.

Воин оказался не старше спасённого им рыцаря, русоволосый, с только-только появившимися первой бородкой и усами, такой же загорелый и мокрый от пота.

- Андрей Лобан, бронный боярин храброго князя рязанского Юрия Игоревича, - сказал он по-германски. Англичанин наморщил лоб, вслушиваясь в странно звучащие слова, потом разочарованно ответил на том же языке:

- Так ты схизматик...24 Я готов с тобой биться, рыцарь из Руси, чтобы рукой своей доказать правоту Святой Церкви!

Молодой боярин сурово нахмурился, рука его снова потянулась к мечу... но уже через миг, покачав головой, он сказал тревожно:

- Где тебе сейчас правоту церкви своей рукой доказывать, рыцарь Энтони. Ты кровью исходишь, не поднимется рука-то...

Англичанин метнул быстрый взгляд на свою руку. Кровь уже не капала, а несколькими струйками бежала из-под рукава, струилась по перчатке. Вдали послышался какой-то странный звон - будто звонил колокол часовни Святого Джорджа. Фигура рыцаря-схизматика как-то непонятно колебалась, словно он и впрямь был всего лишь призраком. Губы стали непослушными, онемелыми, но сэр Энтони успел прошептать:

- Не надо мне помощи твоей... уходи, а умереть я могу и сам...

После чего тяжело рухнул в пыль на площади.

...Он пришёл в себя, когда вокруг было темно. Ни тяжести доспеха, ни сухого ветра, ни живых звуков - ничего не было, только душная темнота. Юный рыцарь никогда ничего не боялся, но сейчас понял - его похоронили заживо! Сэр Энтони вскинулся и закричал...

Скрипнула дверь - и наваждение растаяло. Он лежал на полу в тёмной хижине, укрытый плащом - и в отсветах костра, упавших с улицы, увидел рядом своё оружие, доспехи - а в дверном проёме - русского рыцаря, который стоял, опершись руками о косяки и с добродушной улыбкой смотрел на него.

- В себя пришёл - и славно, - сказал русский, - а сейчас есть будем. Голодный?

Энтони покосился на своё плечо. Оно было умело забинтовано льняной тряпкой и почти не болело. Англичанин вздохнул и признался:

- Очень.

ГЛАВА 22.

Уверен, что никого из вас не обламывали так, как обломали нас в Татариново. Мы вступили в это большое село, протянувшееся по берегу Цны, чуть ли не парадным маршем; будь у нас с собой сапожный крем, я бы надраил "гриндерсы". Такие надежды были у нас связаны с этим селом...

Насколько мне было известно, когда собирают разные там сказания и предания - опрашивают всяких бабулек и дедулек, об этом и Олег Никитович говорил. Я почему-то был совершенно уверен, что мы отыщем подходящую кандидатуру, оперативно устроимся к ней на ночлег, и престарелый житель (жительница), поставив перед нами сковороду жареной картошки и подперев щеку рукой, ночь напролёт будет рассказывать нам легенды родного края, в которых мы и найдём неоспоримое подтверждение нашим теоретическим выкладкам.

Бабули и дедули в селе, конечно же, были. Но уж больно какие-то деловитые, непохожие на хранительниц фольклорной мудрости. Правда, четвёртая по счёту уделила нам минутку и посоветовала, что, мол, "если это по исторической части - сходите-ка вы в школу, там найдёте учителя по географии Анатолия Борисовича, он вас, если захотите, в краеведческий музей сводит и расскажет, чего вам там нужно."

Мы двинулись к школе. Оставалась ещё надежда, что учитель проработал тут лет

пятьдесят, он окажется мудрым старичком - возможно даже последним хранителем бережно записанных преданий и легенд...

...- Какая, к чёрту, школа летом? - поинтересовался у меня Энтони, когда мы, вывесив от жары языки на плечо, вошли под тень берёзовой аллеи, в конце которой виднелось двухэтажное здание, вполне солидное для сельской школы.

- Июнь, - коротко пояснил я. - Практика.

- Эй, а ты? - неожиданно прищурился Энтони.

- Я забил, - так же коротко ответил я на школьном жаргоне - Энтони, как ни странно, понял.

Школа была в своём обычном летнем состоянии, которое всегда выводит меня из равновесия. Мне почему-то грустно и неприятно видеть всё это - парты и столы пирамидой в коридоре, полосы побелки на полу, стопки портретов вдоль стен, кучи карт на подоконниках, пустые классы. Не могу объяснить - просто так чувствую.

Ученики на практику ещё не пришли - рано, конечно. Но несколько учителей сидели над бумагами в учительской. Вот ещё что мне тоже странно и любопытно. В раннем детстве я думал, что у учителя вся работа - поболтал нам на уроке, а потом марш домой. И только недавно, если честно, узнал, что большинство учителей весь июнь работают. Если не с нами на практике - то вот так же сидят, что-то пишут, чертят, заполняют... Да. Ну вот так. Постучавшись в открытую дверь и с надеждой глядя на пожилого седого мужчину, стоявшего около шкафа и достававшего из него какие-то бумаги, я кашлянул и спросил:

- Извините, а можно Анатолия Борисовича.

- Ваши краеведы пришли, - не поворачиваясь, сообщила полная женщина, перебиравшая книги и что-то записывавшая по временам на лист. - Толя!

К нам обернулся мужчина лет тридцати, в спортивном костюме, рослый и плечистый.

- Это не мои, - информировал он коллег, и вся учительская обернулась к нам, оставив свои дела. Я почувствовал себя даже неудобно, но Энтони решительно взял инициативу в свои руки:

- Извините, но нам посоветовали обратиться к вам, как к знатоку краеведения, - деловито сказал англичанин. - Вы не могли бы нам уделить хотя бы четверть часа?

- Могу и больше, - мельком взглянув на часы, пообещал Анатолий Борисович и, выходя из учительской, сказал белокурой женщине - она единственная была тут в платье: - Анна Васильевна, если вдруг понадобится - я у себя в кабинете, - и дружелюбно предложил нам: - Выкладывайте, в чём проблема и чем могу помочь?...

...До кабинета мы не дошли. Анатолий Борисович совершенно не по-учительски уселся на подоконник - по-моему, чисто машинально - и ни разу не перебил Энтони, пока тот рассказывал - разумеется, в урезанном и причёсанном виде, как и тебя ребятам в лесном лагере - нашу историю. Потом засмеялся и хлопнул себя по колену:

- Здорово, слов нет! Захватывающе... Только я вынужден буду вас огорчить, парни. Ваши выкладки ошибочны.

- Вы хотите сказать, что такой крепости нет? - быстро и агрессивно спросил Энтони. Анатолий Борисович поднял ладонь:

- Стоп. Нич-чего подобного я не говорил. Но в наших местах - нет точно. Можете мне поверить, я знаю, что говорю, потому что история здешних названий мне известна досконально, я ею специально занимался. Понимаю, очень убедительно - Татариново, Погорелое, Горелая Могила... Но к сожалению - это всего лишь убедительное совпадение, ребята. Вот, послушайте... Татариново получило такое название, потому что тут после постройки Тамбова селили служилых татар на русской службе. Горелая Могила - курган в лесу, где сжигали умерших после холерной эпидемии лета 1830 года. Кстати, название Погорелое появилось тогда же - воинская команда получила приказ сжечь село, бывшее одним из источников заразы, но десятью годами позже люди вернулись и отстроили жилища... Вот так.

Мы молчали. Учитель смотрел на нас с сочувствием, потом сказал:

- Но я повторяю - это не значит, что крепости не было! Больше того, я склонен думать, что она ДОЛЖНА была быть, вы в этом правы. Но скорее всего - дальше на север, где-то между Семёновым и Моршанском. Там, кстати, работает экспедиция Тамбовского Университета, вы вполне можете попробовать наняться на лето. Правда, они ищут не крепость, а поселение раннего железного века, но всё может быть...

- Спасибо, - каменным голосом сказал Энтони. Потом добавил: - До свидания.

- В таких поисках разочарования встречаются чаще, чем удачи, - сочувствующе сказал Анатолий Борисович, - это я по себе знаю. Зато каждая удача стоит всех разочарований.

- До свиданья, - вздохнул я.

...На крыльце школы Энтони скинул рюкзак, сел на ступеньку и вытер лицо рукавом, оставив на нём грязные разводы. Я присел рядом, тихо сказал:

- Нельзя так... Посмотри на себя!

- Посмотрел бы. Боюсь расстроиться ещё больше, - горько сказал Энтони. - Чёрт, похоже, я хронический неудачник...

- Пойдём к Моршанску, - пожал я плечами.

- Зачем? - усмехнулся Энтони. - Отбивать хлеб у экспедиции? Понимаешь, Эндрю, - он вдруг порывисто обернулся ко мне, - я сам хотел это найти, САМ! Потому что это - только МОЁ! А теперь, если это и найдут, то кости моего предка сделают экспонатом... или вообще выкинут!

- Ну уж... - покачал я головой.

- Хорошо, не выкинут. Со всеми предосторожностями положат под стекло.

Но это же позор! За семь веков один Колвилл решился на поиск, да и тот всё бездарно провалил... - он махнул рукой. - О Святом Граале я вообще не говорю.

Начали собираться ученики. Из открытого окна над нашими головами раздался голос кого-то из учителей:

- Сергей! Бесчастных! Наведи порядок в кабинете математики... а ты, Виктор, убери за ним!

- Пойдём, чего сидеть, - тихо сказал я.

- Пошли, - надевая рюкзак, ответил Энтони.

- Куда теперь? Командуй...

- На восток, - безразлично ответил Энтони. - Пройдём лес напрямую, тут два дня пути. И сядем на поезд до Фирсанова.

- Пошли, - согласился я. И хлопнул англичанина по плечу: - Тошка, не кисни. Ну не получилось. Ведь главное - мы пытались! Ну скажи - пытались?!

Он ничего не ответил.

ГЛАВА 23.

Лес по-прежнему был красив - сумрачный, но спокойный, густой. Темнело, надо было разбивать лагерь, но мы неспешно шли по еле заметной звериной тропке. Не разговаривали - не хотелось. И с лагерем возиться не хотелось тоже. Размеренная, бесконечная ходьба успокаивала, убаюкивала дурные мысли о поражении и тоску, что приключение кончилось. Даже Сергеича и Витька мы больше не увидим - они ждут нас у Горелой Могилы, но мы-то туда не идём, Горелая Могила остаётся на севере от нашего маршрута домой...

Оказывается, дорога домой тоже может быть грустной. Если не добился того, зачем отправлялся в путь... Послезавтра я буду у себя, увижу Геббельса (соскучился, паразит!), потом мама приедет... А Энтони уедет. Ему хуже, чем мне. То, что для меня - приключение, для него - цель жизни. Мечта...

Может быть, археологи найдут и Краевую, и кости предка Энтони, и даже Святой Грааль. И будет сенсация. Только вот... найдёт всё это не Энтони. И это нечестно. А самое

обидное - нет виноватых в этой нечестности. Прос-то - так случилось. Обстоятельства.

Всё равно - нечестно.

- Эндрю, - вдруг сказал Энтони, не останавливаясь.

- Чего? - я догнал его, пошёл рядом, хотя на тропинке было страшно тесно.

- Эндрю, я подумал. Нельзя отступать. Ты можешь ехать домой, а я пойду на север. Искать. Может быть, мне всё-таки повезёт!

Он повернул ко мне упрямое, строгое лицо. Я молчал, и Энтони добавил:

- Тот, кто привёз сюда Святой Грааль, наверное, много раз в жизни мог отступить. Не ехать в Святую Землю. Не ехать к вам на Русь. Удрать из крепости до прихода врага. Он не отступил. И я не буду, потому что во мне есть его кровь. Я иду на её голос, - он сказал это безо всякой рисовки.

- Не знаю, как с кровью во мне, - ответил я, чувствуя, как тоска и дурное настроение расплзаются по самым укромным чащобам леса, чтобы не показываться мне на глаза, - но я домой не поеду. Проверим ещё и это место - бог любит трицу!

- Со мной? - без удивления, благодарно спросил Энтони.

- С тобой, господин белый охотник. Жалованье отрабатывать.

- Тогда ищи место для ночлега, а то стемнеет - придётся под кустом спать.

Темнело в самом деле стремительно. Тем удивительней было, когда мы вышли вдруг на верх крутояра - а впереди и внизу, ещё совсем-совсем не в темноте, залитая солнцем, лежала деревенька. Не очень большая - одна улица, вдоль которой выстроились в художественном беспорядке дома, упиралась в пруд. Всё это окаймляли густющие сады и полосы огородов.

- Ну - это в самом деле ни в какие ворота, - сказал Энтони как-то обиженно. - Я понимаю - ручей! Чёрт с ним - болото! Но... но ДЕРЕВНЯ, которой нет на карте!!!

Он ещё что-то говорил, а я смотрел на деревню и чувствовал, как неряшливый холодок крадётся на паучьих лапках под пропотевшей курткой.

Я, кажется, начинал понимать, что к чему.

- Эй... - Энтони вдруг поперхнулся и спросил тихонько, расширив глаза: - А где ЛЮДИ?...

- То-то и оно, - пробормотал я.

Заросшие огороды. Трава давно пробилась через укатанные когда-то колеи единственной дороги. Некоторые дома покосились, провалились крыши. Ни единого звука не доносилось снизу, из деревни. В лучах яркого заходящего солнца, тихая и спокойная, панорама, открывшаяся нам, приобрела особенно зловещий, мистический оттенок.

- Что это? - шепнул Энтони. - Что произошло, Эндрю? Откуда этот... ужас?

Вот оно, это слово. Энтони его сказал. УЖАС - то, что я испытал, только не мог определить для себя свои ощущения...

- Не бойся, не то, что показывают у вас в кино, - ответил я. - Не эпидемия и не жестокий правительственный эксперимент... Просто деревню выселили в начале восьмидесятых, как неперспективную. Людей - в город, а дома оставили тихо разваливаться...

Дома вдоль дороги. Блеск пруда. И всё это - залито солнечным светом. Тишина. Самое противоестественное - тишина там, где ДОЛЖНЫ жить люди, не знаешь, чем верить, ушам, или глазам! Наверное, так выглядит мёртвый город Припять и деревни чернобыльской зоны, о которых рассказывали по телевизору... Вдобавок ко всему мне вспомнился роман моего любимого Стивена Кинга - "Противостояние" - о вымершей от мутировавшего гриппа Америке.

Идти в деревню не хотелось.

Совсем.

Потому что было страшно.

- Скоро стемнеет, - Энтони посмотрел на небо, потом - на часы. - Девять.

Может... - он не договорил, но я-то понял, что англичанин хотел предложить заночевать в деревне.

Особой необходимости в этом не было - в конце концов, палатку можно было разбить прямо там, где мы стоим, на склоне. Но это значило - расписаться в собственном страхе. Чем дольше мы смотрели на пустынную, жуткую улицу, тем острее чувствовали: нам надо переночевать именно там. Как раз из-за того, что страшно.

Энтони ещё раз посмотрел на часы - и зашагал по склону вниз, там ещё сохранились остатки тропки. Уже не звериной, а вполне человеческой, по которой, наверное, жители ходили в лес, когда... когда тут ещё были жители. Лет двадцать назад. Я оглянулся на лес, где уже совсем стемнело - и пошёл следом.

...На заброшенной улице было тихо, жарко и светло. Заросла дорога гораздо сильнее, чем казалось сверху - трава поднялась до колена, а на месте бывших колеи - выше щиколотки. Тень от деревьев в заброшенных садах тут и там ложилась на дорогу - дома же скрывались в глубине этих садов и, если честно, я был рад этому: уж больно мрачными показались мне пустые, без стёкол, окна тех двух изб, которые выходили к самой дороге. Казалось, дома глядят нам вслед этими окнами. А ещё казалось, что за чёрными прямоугольниками, в брошенных комнатах, идёт какая-то своя - тихая и непонятная - жизнь. Неприятно было поворачиваться спиной к таким окнам. То ли они ждут, что вернутся люди... то ли уже давно перестали надеяться, а то и обозлились на своих исчезнувших хозяев. Я попытался заставить себя успокоиться, напомнил, что здешние хозяева никуда не исчезали - вывезли их и расселили по новым городским квартирам. Но успокоиться не получилось - из сада наискось слева вдруг метнулось что-то живое, мимо нас, через дорогу... Мы прыгнули в стороны, Энтони выхватил пистолет, я запутался в клапане отделения, где лежал обрез...

- Что это?! - вырвалось у меня. Энтони нервно рассмеялся, опуская руки с "вальтером":

- Собака, - ответил он.

- Откуда здесь собака? - я всё-таки достал обрез. - Нет тут никаких собак...

- А кто же это тогда? - кивнул Энтони в небольшой проулок между двумя домами. Я посмотрел туда и признал:

- Собака...

Это в самом деле была собака - рослая, тощая, серо-жёлтая, неопределённо породы. Она стояла в проулке, около полуразвалившегося плетня из серых трухлявых жердей и смотрела на нас глазами, в которых не было ничего собачьего - глазами хищника, который видит перед собой двух хищников более сильных и соображает, куда бежать или как обороняться... Энтони посвистел. Пёс рыкнул, страшно приподнял верхнюю губу, обнажая клыки, начал отступать. Он был мельче моего Геббельса... но куда страшнее. Повторяю: Геббельс - большая СОБАКА, а перед нами с Энтони был дикий ЗВЕРЬ. Даже не одичавший, а именно дикий, никогда не видевший человека и не знавший, что должен ему быть другом. Потом пёс быстро метнулся в сад - прыжком на прямых лапах. Закачались лопухи и крапива... Я пытался рассмотреть, куда пёс побежал, но от этого занятия меня отвлек крик Энтони:

- Обернись! Скорее!...

...Их было не меньше дюжины - одинаковых, тощих и больших, жёлто-серых копий только что виденного нами. Здешняя дикая порода, появившаяся сама собой за двадцать - или сколько там - лет скрещиванья, ничего не знающая о человеке, но по какой-то причине продолжающая считать брошенную деревню своим домом. А нас - чужаками, вторгшимися в этот дом.

Или просто - добычей.

До сих пор мне жутко думать, что эти собаки, похожие на больших фирсановских дворняг, хотели нас... съесть. И наверняка съели бы, окажись мы безоружными.

Бросившегося на меня пса Энтони убил почти в упор, с метра, не больше, попав ему в голову. Я не видел, что стало с подбитым - огромными прыжками на нас летели ещё два, выскочивших из сада за спинами, я выстрелил в них из обреза - патрон оказался с пулей, и один из псов на бегу осел на задние лапы и захрипел, подняв голову, но второй в два прыжка

преодолею расстояние до меня и прыгнул, целясь в живот жуткой оскаленной пастью. Рядом ещё дважды треснули выстрелы "вальтера", но Энтони стрелял в кого-то другого, и я, не успев перезарядить обрез, успел зато закрыть им себя. Зубы пса сомкнулись на металле ствола - и меня бросило вперёд, на колени, с такой силой зверь рванул то, что попало в пасть. К счастью - не моё тело...

Упав на колено, я увидел в полуметре от своего лица жуткие, бешеные глаза, слюну на клыках и шрам - шрам на чёрном, влажном носу. Если бы пёс догадался выпустить ствол - мне пришёл бы конец, и конец жуткий, до моего горла и тянуться не надо было. Но собаки редко выпускают в драке то, что попало им в зубы, а я, действуя скорее инстинктивно, чем по расчёту, левой рукой выхватил нож и, рванув обрез на себя, всадил оружие куда-то в рыжий бок, оказавшийся совсем рядом - пёс так и не разжал челюсти.

Руку рвануло. Пёс взвыл, цпанул воздух над моими отдёргнувшимися пальцами, отскочил, но пошатнулся и упал на бок. Взвыл снова, укусил рукоятку ножа - и уронил голову на траву. Я вскочил на ноги и успел ещё раз выстрелить - картечь зачирикала, засвистела в саду - по двум быстро удиравшим тварям. Не попал, кажется. Меня трясло так, что ствол описывал круги, живот скрутило спазмом и я согнулся, чтобы уменьшить неожиданную боль. Ноги дрожали.

- Укусили?! - крикнул Энтони. У него тоже тряслись руки, загар с лица сошёл, оно напоминало цветом творог. - Тебя укусили?!

- Нет, - заставил я себя сказать. Осторожно выпрямился - в животе бурчало. - А тебя?

- Вот, - англичанин продемонстрировал распушенную штанину - камуфляж располосовали так, как не всякий нож сможет. Около ног Энтони лежал на боку оскаленный, весь какой-то вздыбленный пёс. Он казался ещё живым... но живым он не был, траву вокруг забрызгало чёрное. Смотреть на это не хотелось, я отвёл глаза, ощущая какую-то вялость, пришедшую вместо дрожи - и непреодолимое желание зевать. Поодаль лежал ещё один - на спине, словно решил покататься по траве. У этого была прострелена в двух местах широкая, мощная, с красивой белой полосой грудь. Он тоже был мёртв, как и тот, в которого Энтони стрелял первым, когда он бросился на меня.

Жив был пёс, в которого я попал пулей. Он лежал на боку, перебирал лапами и вяло кусал окровавленной пастью траву около морды.

- Добить надо, - хмуро сказал Энтони, не глядя на меня. Что тут было отвечать? Просить англичанина, чтобы это сделал он? Я молча передёрнул затвор и пошёл, пытаюсь сглотнуть мерзкий привкус металла во рту, к ворочавшемуся псу.

Мне было его жаль. Нет, я не собирался проливать слёзы и демонстративно выбрасывать обрез. Стая напала на нас - не оказись у нас оружия, мы были бы растерзаны, наконец - струсь я, струсь Энтони, побегу хотя бы один из нас - и всё было бы кочено, как в тех статьях об одичалых собаках, которые я иногда читал в районке. Они - напали. Мы - отбивались. Всё честно. Нечестно было другое. Нечестно поступили с этими собаками - ну, с их предками - те, кто бросил их в умершей деревне. Понимаете? Это мы, люди, были виноваты. Больше напавшей на нас стаи.

Мне было ОЧЕНЬ жаль смертельно раненого мною пса.

Когда я подошёл - казалось, я шёл вечность - он уже не кусал траву, а смотрел на меня спокойными, грустными глазами. Потом - отвернул голову. И я выстрелил ему между ушей.

Я отвернулся ещё до выстрела, и не видел, что сделала пуля. Но всё равно успел сделать лишь несколько шагов в сторону, прежде чем меня начало рвать. Следующее, что я хорошо помню - Энтони трогает меня за плечо и протягивает очищенный от крови нож.

- Вот ведь... - бледно улыбнулся я. Мне было стыдно. Но Энтони смотрел с пониманием и ни слова не сказал насчёт произошедшего со мной.

Остаться в деревне теперь хотелось ещё меньше. Но и уходить куда-то было уже поздно. Мы решили заночевать в первом попавшемся брошенном доме, а потом - сваливать, едва рассветёт.

Вечерний свет приобретал какую-то угрюмую окраску. Духота нарастала - то, что мы

приняли за обычный жаркий вечер, было чем-то не вполне обычным. Стеклянная тишина царила вокруг - ни звука. Молчали птицы, молчали деревья, не шуршала трава. Мы остановились около полуобвалившегося под тяжестью массы дикого винограда забора, прислушиваясь к этой жутковатой тишине - и до меня вдруг дошло, что она означает!

- Гроза идёт, - не веря сам себе, сообщил я. - Первая за лето!

- Гроза? - Энтони осмотрел небо - чистое, светлое. - Ты уверен?

- А ты что - не чувствуешь? - удивился я. Теперь я и в самом деле ощущал, как ещё невидимая и неслышная гроза наползает на лес. Энтони ещё раз посмотрел в небо и сказал:

- Ладно, гроза, так гроза. Мы будем под крышей, да и жарница эта надоела - может, завтра идти будет полегче.

Я кивнул и толкнул калитку - она не шевельнулась. Я налёг сильнее - две доски подались внутрь и неожиданно легко рассыпались в трухлявые щепки. Ржавые петли и запор - калитка оказалась заперта - уцелели, они просто спеклись в однородную массу.

Большой двор зарос сурепкой и крапивой - чуть ли не выше головы. Крыши сарая и двух хлевов рухнули - торчали куски досок и обрывки толя. Около пустой будки - слева от ворот - висела на гвозде тоже съеденная ржой цепь.

Стена дома накренилась наружу и ушла в землю до окон, в которых мутно поблёскивали алым закатным светом вполне целые грязные стёкла. На двери замка не было - накладку притягивала к пробойю обычная деревянная прищепка, как делают в деревнях, когда хотят показать, что дома никого нет, но хозяева скоро вернуться. Прищепка рассыпалась, когда я попытался её снять, а вот дверь не поддавалась - разбухла и вросла в косяки намертво.

Можно было пойти в любой другой дом. Но нам просто не хотелось снова выходить на улицу - мы уже воспринимали именно ЭТОТ дом, как свой, как место для законного ночлега. Пока Энтони ножом обрабатывал дверь, я вытоптал в крапиве и сурепке здоровенную поляну и свалил на неё наши рюкзаки, вернулся к воротам и доломал калитку - по-дургому открыть её не получилось. Когда с этим полезным делом было покончено, Энтони свистнул мне и с гордостью показал на открытую дверь.

- Правда, закрыть её не получится, - объяснил он, - потому что тогда утром не выйдем, выбивать придётся.

- Не улыбается мне с открытой дверью спать, - возразил я.

- Я сюрприз сделаю. Для слишком любопытных, - пообещал Энтони, заглядывая внутрь - в сырой полумрак сеней, откуда тянуло нежилым духом. - Пошли?

- Иди, - беззастенчиво предложил я. - Я с тыла прикрою.

- Пойду, - решил Энтони и шагнул внутрь. Чем-то скрипнул - внутри стало светлее я понял, что он распахнул вторую дверь - из сеней в комнаты. Потом грохнуло, Энтони выругался по-английски и сообщил: - Дверь упала. Иди, тут ничего...

Я вошёл через сени в небольшую комнату. От белого бока русской печи веяло холодом. Пыльный стол замер у стены, между двух грязных окон с целыми стёклами - через них едва пробивался свет. У стены стояла кровать - вернее, голый топчан из досок на чурбаках, над ним висели ходики-кошка, такие, у которых кошачьи глаза в ритм с тиканьем скашиваются вправо-влево, я видел в кино. В ногах у топчана была вторая дверь - закрытая, наверное, в большую комнату, горницу.

Тоскливо и жутковато было смотреть на всё это. Наверное, Энтони испытывал то же, потому что сказал излишне громко:

- Пошли за рюкзаками, надо обжиться.

Мне показалось - краем глаза я заметил - что сзади что-то метнулось в сенях, поперёк светлого прямоугольника входа. Я обернулся - и застыл.

С таким трудом открытая Энтони дверь закрывалась. Медленно, беззвучно и плавно, словно новенькая, на хорошо смазанных петлях. Закрывалась, непроглядно-чёрной тенью перекрывая свет, и в комнате темнело, а я стоял и молча, тупо смотрел на уменьшающуюся светлую полоску между краем двери и косяком - а в голове лениво ворочалась одна-единственная мысль: вот сейчас дверь закроется до конца и... что? Дальше не думалось, это

"что?" щёлкало в мозгу, и я вдруг понял, что это не мысли мои щёлкают, а идут ходики - кошачьи глаза смотрели то на нас, то в окно, то на нас, то в окно, то на нас...

- Ааахх! - выдохнул Энтони, и что-то, сверкнув алым, пролетело через всю комнату и сени, с мокрым стуком воткнулось в разбухший косяк. Страшно, как живая, взвизгнув, дверь остановилась, замерла, и я услышал истошный крик англичанина: - Наружу, скорее!!!

Не помню, как мы выскочили в щель - едва-едва пролезть, дверь почти закрылась. Мы стояли во дворе, где светло, где пусть закатное, но солнце, где неподвижный, но живой воздух с живыми запахами. Энтони с бульканьем дышал мне в висок и бормотал, как в бреду:

- Нэва майнд... онли шат зэ дуо... нэва майнд... о-о, гуд год! Ай донт лайк ит. Ай донт лайк ит.25

- Заткнись, - попросил я. Теперь я видел - нож Энтони торчал в косяке на уровне человеческой шеи. Я медленно протянул руку, взялся за тёплую рукоятку, покачал нож и вырвал его.

Хорошо, что я успел отдернуть руку, иначе остался бы как минимум без пальцев. Дверь захлопнулась с такой быстротой и силой, словно... да, словно всё это время на неё давил кто-то страшно могучий, а я убрал преграду, мешавшую двери закрыться. Энтони вскрикнул от неожиданности, я отскочил, споткнулся о рюкзак и упал.

- Ветер, - глупо сказал я. Энтони, лязгая зубами, быстр опробормотал:

- Это гоблины, это гоблины, они селятся в брошенных домах, Эндрю...

- Хватит ерунду пороть, - оборвал его я. Хладнокровный англичанин выглядел перепуганным до предела. Он потряс головой, глядя на меня огромными от страха глазами.

- Я же видел, как он пробежал около двери, - уже спокойнее ответил он. - Видел и сразу подумал, что они захотят нас оставить здесь, потому что им нужна... нужна кровь, - с усилием закончил он. - А потом вспомнил - если так бывает, что тебя закрывают в брошенном доме... надо воткнуть в косяк стальное лезвие, и дверь не закроется...

- Ты ерунду говоришь, - возразил я. - Не бывает никаких гоблинов. Даже у вас, а у нас - тем более.

- Они могут называться по-другому, - покачал головой Энтони, - но они есть. Понимаешь - есть, ты же сам видел!

Это было как раз неоспоримо. Я и вправду ВИДЕЛ, и всё, произошедшее за последние полчаса, вдруг выплеснулось наружу:

- Мотаем отсюда, - процедил я, наклоняясь к рюкзаку. - Я лучше в грозу буду под кустами ночевать, но здесь не останусь...

- Пошли, - кивнул Энтони. Он словано только и ждал моих слов.

Нельзя бросать свою землю, как... как пустую консервную банку. Может, земля и неживая, но обижаться на предательство умеет. И на брошенной земле появляется вот такое - стаи диких собак, нападающие на людей. И... и ТВАРИ, живущие в преданных хозяевами домах. Теперь мне могут говорить всё, что угодно. Я знаю - свою землю бросать нельзя. Иначе - не в кино, не в книжке! - она начинает мстить...

Эти бессвязные мысли вихрем пронеслись у меня в голове за какую-то долю секунды, пока я нагибался к рюкзаку. А вот взять его я так и не смог.

Пуля рванула синтетическую ткань недалеко от моих пальцев. А через миг я услышал звук выстрела.

Нас всё-таки догнали. И решили больше не медлить с последним разговором.

ГЛАВА 24.

День, начавшийся разочарованием, кончался боем. Даже вторым боем, если за первый считать схватку с собаками... хотя - нет. У собак были только клыки. У наших друзей -

пистолеты... и ещё кое-что, как оказалось.

Я уверен, что все мальчишки играют в войну. На все сто. Больше того - уверен, что всегда будут играть, что бы там не говорил наш биолог. И уверен, что все мечтают по-настоящему повоевать, а если говорят другое - то просто врут, потому что от них это хотят услышать взрослые.

В войну я уже не играю. Но повоевать всегда мечтал. А вот чего я не знаю - так это все ли, мечтая, задумываются, что же всё-таки ощущаешь, стреляя в людей? Я лично - задумывался.

Теперь я знаю - НИЧЕГО. Ничего, кроме азарта. Наверное, это ужасно - но я не чувствовал ни страха, ни злости, ни отвращения, ни жалости, когда стрелял. Ничего из того, что ощущал по отношению к собакам.

Только азартное возбуждение.

Мы с Энтони пробили в двух местах трухлявый забор, потому что калитка была под прицелом, через неё в меня и стреляли из сада напротив. Энтони вильнул вправо, а я перевалился через слегу ограды и оказался в заросшем саду перед домом - прямо напротив меня была пустынная улица с длинными пятнами теней. Справа вдруг послышалось - быстро-быстро! - "дудух дудух дудух дудух!"

- и в ответ "тдах, тдах!" - и ещё, из другого места - "тдах, тдах, тдах!" Перебежав к ограде, я плюхнулся на живот и осторожно огляделся. Мне казалось, что моих перебежек никто не заметил...

Мелькнула напротив согнувшаяся пополам фигура с вытянутой рукой, в которой был зажат пистолет, перевалилась через спружинивший плетень сада. Я не понял, то ли это Сергеич, то ли Витёк, то ли их загадочный третий сообщник, слишком быстро человек двигался. Из зарослей лопухов высунулась рука с пистолетом, и я выстрелил туда, где должен был находиться человек. Обрез гулко ахнул, выбросил сноп пламени, ствол подбросило, отдало в запястье - и половина гнилого плетня с занудным скрежетом повалилась на лопухи. В цель я не попал, но, похоже, рухнувший плетень деморализовал противника, рука дёрнулась, исчезла, а выстрела так и не раздалось. Я дёрнул затвор, быстро посмотрел вправо-влево - и увидел Энтони. Он выскочил сбоку, из зарослей крапивы вдоль пробитого нами забора - и побежал, низко пригнувшись, стреляя на бегу в одному ему видимую цель. Лицо англичанина было перекошено, рот открыт.

"Тдах!" Из лопухов хлопнул выстрел, я шёпотом выругался и выстрелил тоже. "Тдах!" Ответный выстрел срезал ветку яблони у меня над головой, пуля тонко взвизгнула и со щелчком села в дерево. Значит, я опять промазал - зато Энтони, воспользовавшись тем, что стрелок отвлёкся, в великолепном прыжке спиной вперёд (называется - фосбюри-флоп, всплыла ненужная мысль) перелетел через плетень, мгновенно перекатился и, встав на колено, с обеих рук выпустил три пули по лопухам.

...Господи, какой вой раздался в ответ!!! Никогда в жизни я не думал, что человек способен так истошно кричать - словно сирена. Потом в вое прорезались слова - на девяносто девять процентов нецензурные, но голос Витька я узнал. Он звал Сергеича и уверял, что умирает. Меня передёрнуло от омерзения и внезапно расхотелось стрелять. Энтони, залёгший рядом, нажал кнопку фиксатора, сменил выскользнувший из рукоятки магазин на новый, щёлкнул затворной задержкой. Держа пистолет у щеки, чуть-чуть приподнялся над травой.

Витёк продолжал выть и всхлипывать. Если он и умирал, то как-то странно. Энтони тонким от напряжения голосом сказал:

- Наверное, я в плечо ему попал. Или в руку. Если бы в голову - он бы уже не вопил, а ещё куда-то лежащему попасть трудно...

Я кивнул, стараясь снова вызвать в себе азарт. Жалеть этих бандитов было не за что, они куда меньше заслуживали пощады, чем собаки. Они на нас охотились, напали из засады и хотели убить - и кто знает, скольких людей они и на самом деле убили... Застрелить таких - просто доброе дело. Но всё-таки что-то мешало мне успокоиться. Витёк так страшно

закричал, и я легко мог представить себе, как он корчится в лопухах, прожжённый острым плевком выстрела... Он, конечно, гад. Но я-то, наверное, нет...

- У тебя ещё картечь есть?

Энтони снова был белый, с какой-то зеленью на скулах и под глазами, и я понял, что и ему несладко. Но надо было держать себя в руках, нам обоим - держать себя в руках, потому что где-то рядом были невидимые и неведимые Сергеич и N3, да и Витька не стоило сбрасывать со счетов.

- Кажется, есть, - ответил я, выбрасывая два патрона из подствольного магазина. Третий оказался с картечью, я быстро разрядил обрез до конца, вставил его и ещё один картечный первыми, а три остальных - за ними, похвалив себя за то, что после боя с собаками дозарядил оружие. - Зачем тебе?

- Те двое где-то рядом, - тихо сказал Энтони. - Как бы не додумались нас окружить. Я сейчас перебегу вон за тот сарай, - он указал стволом на "сарай" - провалившийся погреб, с которого съехали куски обомшелого шифера, - а ты меня прикроешь. Увидишь, где шевельнулось - бей картечью.

- Может, они сбежали, - предположил я.

- А этот? - Энтони мотнул головой в сторону слабых стонов из лопуховых зарослей.

- Думаешь, они так друг над другом трясутся? Клад поделят на двоих, а не на троих - и всё...

Энтони гадливо поморщился. Но сказать ничего не успел.

Гулкий удар - не очень громкий, похожий на хлопок лопнувшего воздушного шарика, но какой-то иссушающе-мощный, ощущаемый всем телом - заставил нас обернуться на звук. Серо-белый дым окутал тот самый провалившийся по-греб. Из этого дыма выскользнуло огненное лезвие, превратившееся в белёсую спираль, резвой змейкой скользнувшую в нашу сторону...

...Следующее, что я помню - страшный жар, абсолютную тишину, отсутствие ощущения своего тела. Я лежал посреди дороги, в примятой траве, раскинув руки и видел, как горящие обломки стен рушатся внутрь того, что когда-то было домом, а сейчас превратилось в огромный костёр. Энтони, держась левой рукой за голову, возился среди остатков плетня - вяло и как-то однообразно.

Я позвал его, но не услышал себя. Попробовал пошевелиться - и не смог. Мне НЕЧЕМ БЫЛО ШЕВЕЛИТЬ. Руки, ноги, туловище, голова - всё оставалось на месте, но ничего этого я не ощущал.

"Ма-ма-а! - кричал я, но не слышал себя снова. - Убит?! - мелькнула страшная мысль. - Господи, а как же... почему я вижу?! Может, это так и есть после смерти?!"

Треск огня, заглушивший всё остальное, ворвался в мои мысли - и почти тут же я понял, что могу двигаться, хотя онемение сменилось острой болью во всём теле. Перевернувшись - это стоило мне огромного труда - я увидел Сергеича. Он стоял около погреба, и у его ног лежала дымящаяся зелёная труба, в которой я узнал использованный гранатомёт "муха", я их видел в военных жур-налах. Длинный воронёный ТТ - любимое оружие киллеров - в его руке подпрыгнул, выбросив бледный огонёк, и я услыша вскрик Энтони. Сергеич оскалился - его лицо стало нечеловеческим, зверским, напомнило мне морду зарезанного мною пса - и прицелился снова...

Обрез попался мне под руку, словно кто-то вложил мне в пальцы его рукоять - сразу. Лёжа, я обеими руками поднял его и нажал спуск.

Отдача едва не вырвала мне кисти из суставов. Сергеич присел и юркнул за погреб, так и не выстрелив второй раз. А я тут же забыл про него...

- Тошка!

Англичанин, дыша, как собака на жаре и часто прикрывая глаза, сидел всё на том же месте, на плетне. Пистолет он или не выпустил или успел подобрать - так и зажимал левое плечо кулаком со стиснутым оружием. Вокруг кулака пятнистая ткань почернела и масляно поблёскивала. Подбежав к Энтони, я грохнулся на колени, совершенно не заботясь о том, что

могу схлопотать пулю в спину или затылок.

- Больно? - глупо спросил я.

- Нет! - огрызнулся Энтони. По его лицу тёк пот. - Иф ин боун... ризли боун... май год...26

Морщась и кусая губы, я расстегнул на нём куртку и спустил её с плеча. На пару сантиметров выше подмышки синело отверстие, из которого медленной, вялой ленточкой текла кровь.

- Выходное есть? - Энтони качнулся вперёд, я испугался, что он падает, но до меня дошёл смысл вопроса. Да, сзади было такое же отверстие.

- Есть, - кивнул я. И только теперь, поняв, что Энтони умирать не собирается, быстро оглянулся.

Никого не было. Никто не собирался в нас стрелять. Я заторопился:

- Сейчас перевяжу!

- Посмотри сначала, целы ли наши рюкзаки, - посоветовал Энтони.

Я на секунду окаменел, а потом, вскочив, бросился вокруг костра, в который граната превратила гнездо гоблинов... какие, к чёрту, гоблины...

Рюкзаков не было. Двора, впрочем, тоже. Он был завален горящими обломками. Ну что ж - взрывная волна и грузовик способна перевернуть... Какое-то время я тупо смотрел на груды горящих обломков, силясь осознать тот факт, что палатка, карта, продукты, спальники - всё погибло. Мы остались, в чём были, с оружием (почти без патронов), ножами и топориками. Обдумав это, я повернулся и зашагал к Энтони.

Он успел подняться и стоял, опершись плечом на корявую яблоньку.

- Болит? - спросил я снова.

- Можит, - поморщился он. - Кость, похоже, цела... Но как он меня! Когда я увидел, как ты ляпнулся посреди улицы - я думал, ты умер...

- Я тоже, - искренне ответил я. - Но оказывается, я ещё нужен людям...

- Может быть, ты должен им большие деньги? - предположил Энтони. - Ну что, сгорели рюкзаки?

Он спросил это буднично, почти весело. И я ответил ему в тон:

- Сейчас догорают, наверное...

Наши взгляды встретились. В глазах Энтони были слёзы. Не от боли. Я понял - от обиды.

- Перевяжи меня чем-нибудь, - попросил он. И отвернулся.

ГЛАВА 25.

Позже я понял, что Сергеич не собирался убивать Энтони. Вторым выстрелом он рассчитывал прострелить англичанину и правое плечо тоже, а там - взять живым, иначе он никогда не промахнулся бы с десятка метров по неподвижной мишени. Он попал, куда хотел... Но тогда мне было не до этого.

Я промыл рану Энтони, как смог - холодной водой из полузатянутого илом колодца, прикрутил полоской от подола камуфляжа к плечу два листа подорожника и забинтовал - тоже куском камуфляжа, распоротым рукавом. К тому времени, когда я это закончил, совсем стемнело, а гроза началась, когда мы подходили к лесу - прошли огородами.

Точнее, гроза как таковая прошла стороной - гром был еле слышен, да и молнии сверкали как-то несерьёзно. Просто вдруг налетел страшный порыв ветра - холодного, пригнувшего к земле деревья на опушке - а потом хлынул ливень. С неба упала стена воды - и мы вымокли насквозь раньше, чем пробежали последние пять метров до леса.

Ветер улёгся тут же, но дождь продолжал полосовать лес. Из-за туч не было видно луны, мы шли в кромешной темноте, пока Энтони не сказал:

- Погоди. Надо ждать утра, а то заблудимся.

Он был прав. Но легко сказать - "ждать утра"! После нескольких попыток развести костёр мы сели под деревом, прижавшись спинами друг к другу и попытались задремать. Весь этот чёртов день мы ничего не ели, нервы стояли на боевом взводе, и каждый шорох заставлял хвататься за оружие и подолгу вслушиваться и всматриваться в ночь, ровно шумевшую дождём - словно она решила облегчить нашим врагам скрытный подход к ночлегу. В довершение все-го на нас напали комары.

Судя по всему, они решили отыграться за все те дни, которые мы находились под защитой гвоздичного масла. Дождь этим тварям был нипочём - они налетали толпами, способными разорвать в клочья медведя и даже не кусались - грызли, прокусывая камуфляж. Через какое-то время я понял, что сейчас сойду с ума. Самым настоящим образом. Мне хотелось спать, я был мокрый и продолжал мокнуть, есть хотелось тоже - а вместо этого ели меня! Я не выдержал - начал тормозить Энтони, который отмахивался как-то вяло и говорить ему, что надо идти, иначе нам крышка. А он вдруг тихо сказал:

- Извини, Эндрю, но мне совсем плохо. Иди один.

Холодея, я пощупал его плечо. Моя повязка насквозь промокла от крови, рукав его камуфляжа - тоже. Энтони дрожал, лоб у него был горячий.

- Уходи, - отчётливо сказал он. Это было последнее разумное слово, которое я от него услышал - англичанин начал бредить.

Я сел на мокрую землю и уставился в темноту, чувствуя, что по щекам ползут слёзы. Не дождь - слёзы. Я не хотел плакать - они сами по себе выползали из-под век и мешались с дождевыми струйками с моих волос. Я вытирал их уцелевшим рукавом, отмахивался от комаров и совершенно не знал, что мне делать, как быть. Энтони тихо разговаривал с кем-то - не по-английски, по-французски, кажется. Неужели рана грязная?! И кровь течёт... И температура у него... Что делать, что делать?!

Кажется, я выкрикнул эти слова в темноту. И вдруг понял, что кричу напрасно. Никто не подсает мне, что делать. Некому тут подсказывать... Мне захотелось вскочить - и бежать, сломя голову, бежать, куда глаза глядят... Ведь это не джунгли, не тайга! Большой лес, да, но в нём живут люди, и я к ним обязательно доберусь... а потом вернусь за Энтони. Вернусь, непременно вернусь, вот только сам выберусь, чтобы привести помощь, некому же больше её привести...

И тут я понял ещё одну вещь. Сейчас я вскочу и на самом деле побегу прочь. Потому что это - СТРАХ, страх мне диктует, самый подлый страх - за себя, когда перестаёшь думать о других...

О друзьях перестаёшь думать.

Странно. Но ведь я никогда и не думал об Энтони, как о друге...

Я встал. Подошёл к лежащему англичанину. И, пробормотав: "Поехали!" - начал взваливать его - невероятно тяжёлого! - на спину...

...Плохо помню, как волок Энтони. Комары в самом деле кусались на ходу маньше, но в непроглядной темноте я несколько раз падал, запинаясь о какие-то коряги, рассадил себе лоб и понял это только от того, что в рот начала литься кровь - стекала по переносице на губу. Энтони больно валился сверху, как мешок с мукой, придавливал так, что вышибало дух. А потом я начал падать просто так. Сперва удивлялся, с чего это шлёпаюсь на ровном месте, но потом дошло, что я просто смертельно устал. Меня подташнивало от напряжения, а ноги заплетались...

Не помню, сколько я так шёл. Темнотища стояла жуткая, я даже на часы не мог посмотреть - вернее, смотрел, но без толку, пока не вспомнил про коробку с "набором для выживания" во внутреннем кармане камуфляжа. Я позволил себе остановиться, уложил Энтони на траву и, сев рядышком, достал коробку. Снял полоску скотча, которой она была заклеена по крышке и извлёк свето-кристалл.

Было шесть минут четвёртого. Дождь не дождь, тучи не тучи, но скоро начнёт светать... Комары снова налетели, я потащился дальше, пытаюсь вспомнить карту, но мысли

путались. Наконец я свалился капитально, повозился и понял, что с Энтони встать не смогу. Тогда я выполз из-под него, вцепился в воротник камуфляжа и потащил волоком. Этот чёртов лес обязан был где-то кончаться. Обязан. Или я уже иду по кругу, как начинает ходить заблудившийся, потерявшие ориентировку человек? Но если остановиться надолго, комары замучают...

Рассвет застал меня на ногах. Медленный, неохотный, как бывает в дождливое утро - казалось, он вообще не собирается входить в лес. Но я уже видел деревья, видел Энтони, видел свои руки - правда, не чувствовал их, на голой коже тут и там сидели комары. Надо было выбираться на открытое место и посмотреть, куда идти. Энтони мне очень не нравился - он дышал со свистом, губы потемнели, глаза запали. Да что же с ним такое?! Кровь, похоже, всё-таки перестала идти, повязка присохла.

В спину подуло ветерком. Я оглянулся - и остановился, пытаюсь понять, что передо мной. Почему-то я стал хуже видеть.

Дождь прекратился, на большой поляне было настоящее утро, и небо на востоке за деревьями - чистое-чистое, оно обещало вновь жаркий день после дождливой ночи. В июне солнце встаёт на северо-востоке, это я помнил точ-но... Но что дальше делать -я додумать не успел. Посреди поляны, метрах в двадцати от меня, начинался пологий склон высокого кургана, поросшего травой. На самой его вершине росла небольшая дубовая рощица.

Во всём это лесу на десятки километров был только один курган. Всю ночь я забирал к северу - и вышел к Горелой Могиле. Это получалось почти смешно, и я вдруг вспомнил карту. На юго-восток от кургана, километрах в десяти - деревушка Разгуляй. Солнце постепенно будет смещаться к востоку - если я пойду, всё время держась к нему лицом, то выйду к деревне. Часа через четыре. Если и промахнусь, то ненамного. От облегчения я ослабел и понял, что ни-куда не уйду в ближайший час. Мне просто необходимо было хотя бы просто посидеть и отдохнуть... но сначала взобраться на курган. Там ветерок и нет комаров...

Почти ползком я втащил Энтони наверх и какое-то время сидел рядом с ним, прислонившись спиной к дубу и тупо созерцая лесную опушку внизу, встающее солнце и речушку, текущую вдоль леса метрах в двухстах от подножья кургана. Потом в голове зашевелились кое-какие мысли, напрямую связанные с урчанием в животе. В наборе среди прочего имелись леска и крючки. Правда, там нет наживки, но можно попробовать на листик. Плохо только, что был дождь - после сильного дождя клёв так себе... а вдруг повезёт? Я достал коробочку и принялся сооружать импровизированную удочку.

ГЛАВА 26.

У меня страшно болели руки. Плечи ныли тупой болью, а запястья резало, словно ножами. Кроме того, почему-то не получалось достать ногами до земли. Запах дыма забивал ноздри, горло схватывало спазмами. Что со мной произошло?

Помню, что со своей "удочкой" я спустился к речушке, прошёл метров сто по течению. В заливишке наклонился в воде посмотреться, понял, почему так плохо вижу - из тёмного зеркала на меня глянула опухшая, перемазанная кровью харя вурдалака. Глаза заплыли. Ндас, комары...

А вот потом? Что было потом? Наклонился. Посмотрелся. И?...

Я открыл глаза. И тут же захотел закрыть их снова, чтобы вернуться назад - в любой, самый жуткий момент нашего путешествия. Хотя обратно в ночной лес. Но закрывать глаза было уже бесполезно - насмешливый голос поинтересовался:

- Очнулись, молодой человек?

Дымом тянуло от костра - предосторожность от комаров, в огонь были умело положены сухие и сырые веточки вперемешку, костёр не потухал, но дымил здорово.

Скрестив ноги, около него сидел и жрал правой рукой жареную рыбу Витёк. Левой он помочь себе не мог - запястье покрывал уже несвежий бинт. Бедный подонок вряд ли когда-нибудь ещё сможет пользоваться этой рукой в полную силу - мягкая пистолетная пуля наверняка порвала сухожилия и раздробила кость. Витёк и сейчас кривился - и явно не от косточек в рыбе. От запаха, пробившегося сквозь пелену дыма, у меня свело живот голодной судорогой.

Сергеич стоял около дерева, скрестив на груди руки и рассматривая меня с насмешливым интересом. Третьего их сообщника я не видел - наверное, охранял лагерь. Около большого вяза лежали рюкзаки.

А на втором дереве - кажется, тоже вязе - на толстом коротком сучке, висле я. Сучок проходил между скрученных в запястьях рук, от моих ног до травы под ними было полметра. Солнце припекало тихий лес, вокруг было зелено и красиво, а я висел в бандитском лагере совершенно голый и абсолютно беспомощный.

И от мысли о моей беспомощности мне сделалось страшно.

Попробуйте себе представить, что вы в руках человека, о котором совершенно точно знаете, что он бандит и убийца. Добавьте к этому свою полную невозможность сопротивляться. Приплюсуйте сюда мысль, что надеяться на помощь нельзя - никто о вас ничего не знает. И - для полноты картины! - ожидание и мысли о том, что с вами сделают. Ну как? От страха по всему телу у меня выступил липкий пот, и Сергеич это заметил:

- Да ты не бойся... Лучше "здравствуй", скажи, давно ведь не виделись, не разговаривали...

- Ну и слава богу... - выдавил я. - Я бы и дальше обошёлся...

- Да ты что, злишься? - почти искренне удивился Сергеич. - Это ты брось. Ты меня карточью чуть не ухлопал, я же не злюсь... Ну перехитрили мы вас. Ну догадались, что к кургану пойдёте, даже если тебе этого англичанина на себе нести придётся - вы же упорные ребята...

Несмотря на ужас ситуации мне стало смешно. И досадно одновременно. Если бы этот паразит знал, что мы сюда забрели случайно, а вовсе не от упорства - он бы вообще заплясал от радости!

- Нету здесь клада, - сказал я и не удержал стона - боль в руках росла.

- А где он? - вкрадчиво поинтересовался Сергеич.

- Вообще нету его! - зло (от боли) крикнул я. И непроизвольно добавил: - Да снимите же! Больно!

- Повиси пока, - улыбнулся Сергеич. А Витёк пробурчал, глядя на меня тупыми глазами:

- А ежли его нету, чего вы сюда припёрлись? Комаров кормить?! Говори, где второй щенок, морда эта иностранная!

Он сказал не "морда", нго ругательство я пропустил мимо ушей, потому что изумился до такой степени, что забыл про боль. Они не нашли Энтони?! Неужели были настолько тупы, что не поднялись на курган?!

- Нам только с ним поговорить надо, - снова начал Сергеич. - Ты скажи, где его оставил, когда рыбку ловить пошёл - и гуляй. Сразу отпустим. А если не скажешь. - он улыбнулся, - мы ведь тебя пытать будем. Больно и долго...

Казалось, собственные слова доставляют Сергеичу удовольствие. И я понял, что меня они не отпустят НИ В КАКОМ СЛУЧАЕ. Речь может идти лишь о двух разновидностях смерти - либо они меня замучают, либо быстренько пустят пулю в затылок.

- Я не знаю, где он, - мне не нужно было притворяться испуганным, - честное слово, не знаю... Я сначала его тащил, а потом бросил... очень тяжело было... я думал - найду людей и вернусь... - изо всех сил я пытался разыграть мальчишку, которому очень стыдно за свой страх и который пытается оправдаться.

- Ты нам мозги не крути, - Витёк отбросил обглоданный рыбий скелет. - Ты его к кургану на себе приволок - по следам видно! Или ты мешок картошки в лесу нашёл и тащил от жадности?! - он харкнул в костёр. - Где ты его спрятал?!

Значит, осмотрели поляну?! Я изумился ещё больше. Не нашли Энтони?! Но такого просто не может быть... Или они не поднимались на курган? Бред - кругом шарили, а туда не заглянули... Но где же он тогда?!

- Больно, снимите, - вместо ответа попросил я. Было на самом деле больно. Очень. Перед глазами плавали какие-то разноцветные медузы.

- Слушай, давай договоримся, - снова послышался голос Сергеича. - Ты поможешь нам найти англичанина. Это для него же лучше. Ты думаешь, я в него простую пулю вцепил? Нет, это пулька отравленная. Он должен был почти сразу свалиться без сознания, да она не подействовала, как надо, навывлет, наверное, прошла... Только это его всё равно не спасёт. Ещё полсуток - и загнётся он от заражения крови. А мы его можем спасти, у меня препарат есть... Ты поможешь его найти, он расскажет, где клад - и вы ОБА уходите отсюда. Пойдёт?

- Нет никакого клада, поймите же! - выкрикнул я. - Не-ту!

- Не может быть, чтобы не было, - возразил Сергеич. А я вдруг понял, что они оба слегка чокнулись. Клад стал для них чем-то совершенно определённым, реально существующим - даже захоти они этого, всё равно не смогли бы поверить, что нет его.

Потому что он ДОЛЖЕН БЫТЬ. А если я молчу - значит, не хочу говорить. И всё тут.

- Не хочет говорить, - сказал Сергеич с искренним огорчением. Витёк, вставая, подал голос:

- А мы сейчас под ним костерок разведём - он сразу захочет... Или ещё хорошо по руке правда узнавать... - он поднёс к моей ладони кулак, и из него выпрыгнул длинный язык пламени. - Говори правду!

Я заорал - от боли и - ещё больше! - от ужаса, пронзившего меня при мысли, что это только начало. Но пламя неожиданно отодвинулось от ладони, оставив после себя свою частичку - жгучую боль. Я дышал со всхлипами - и услышал голос Сергеича:

- А ты знаешь, что мы сейчас сделаем? Мы костерок потушим и отойдём вон туда, за деревья. И ляжем отдохнуть - всю ночь наперерез вам шли, устали... А тебя оставим здесь. Мы же всё-таки не звери - мальчишку огнём пытать...

- Ты чё, Сергеич? - недовольно подал голос Витёк, но Сергеич оборвал его, заговорив громче:

- Мы костерок ХОРОШО потушим, чтобы дыма не осталось. Река тут близко, доплюнуть можно. Через полминутки тут будет половина окрестных комаров. И знаешь, что они с тобой сделают? Они тебя ВЫПЬЮТ. Понемногу, не сразу. Часов за шесть. Ну, уже часа через три ты начнёшь сознание терять, а через четыре тебя не то что мы - Склифосовского не реанимирует. Так что в пределах двух часов можешь нас будить визгом о том, что готов рассказать, где англичанин.

Витёк заржал, невероятно довольный изобретательностью шефа. А у меня от страха отнялся язык, я молча смотрел, как они гасят костёр, а потом бешено задёргался всем телом и заорал, в самом деле срываясь на визг:

- Я не знаю, где он! Правда - не знаю! Я его на кургане оставил! Да послушай-те же! Послушайте!

Сергеич, уходя, махнул рукой:

- Вспомнишь - ори.

Я и заорал - громко, без слов. Что вспоминать?! То, чего не знаю?! Mamочka, может, я сплю?! Я раньше читал книжки и всегда смеялся, когда героям приходила в критических ситуациях в голову эта дурацкая, как мне казалось, мысль. А теперь я их вполне понимал. В таком отчаянии только и оставалось надеяться, что это сон... Только это не сон. Комарам сейчас не мешали ни камуфляж, ни даже трусы. И, продолжая орать и дёргаться, я с ужасом смотрел, как они подлетают один за другим и рассаживаются, где кому удобно. То, что я извивался, как червяк на крючке, их не колыхало - лишь бы не бил, а остальное ерунда...

Они садились на меня всё гуще и гуще, боль от укусов была непрерывной, но самое-то жуткое - не боль. Когда комар сосёт - это уже не больно. Неужели эти мошки могут меня убить?! Я заорал снова, закашлялся - нескольких комаров проглотил.

- Я не знаю ничего! Ну не знаю я, где он!!! - уже без какой-либо надежды крикнул я, дёрнул головой - комар укусил в угол глаза, перед лицом висела гудящая серая стена. - Помогите!

Ни звука в ответ...

Кажется, я потерял сознание - от страха...

...Я ещё несколько раз приходил в себя и терял сознание, но уже не кричал - сил не было. Страх тоже ушёл - мне очень хотелось спать, руки, скрученные над головой, продолжали болеть, но как-то отдельно от меня, а всё остальное вообще не чувствовалось. Глаз я не открывал - зачем, что я могу увидеть? Какое-то время жила страшная обида за то, что всё так кончается, потом на миг вспыхнула острая тоска по маме и боль за неё - вернётся она домой, а тут такое, она же с ума сойдёт... Но это были последние чувства, а дальше - толь-ко мягкая, бархатная, глухая чернота...

...Мне снился сон про войну. Я был ранен в ноги осколками мины, кто-то тащил меня через лес и шептал: "Тише, дружище, тише..." - иногда я начинал стонать от жгучей боли во всём теле или плакать от слабости. Он, конечно, был прав, американцы могли услышать нас, и я затихал, но потом начинал стонать снова - тихо, громче, громче... И в то же время я понимал - это сон и удивлялся лишь тому, что боль настоящая. А так это был сон - сон, потому что

где-то рядом играл магнитофон и я слышал:

- В осеннем парке
городском
Вальсирует
листва берёз,
А мы лежим
перед броском -
Нас листопад
почти занёс...

Я поворачивал голову, чтобы увидеть магнитофон на своём письменном столе - но щека касалась мёртвой, сухой травы. А песня продолжала звучать...

- Занёс скамейки и столы,
Занёс пруда бесшумный плёс,
Занёс
Холодные стволы
И брёвна
Пулемётных гнёзд.
А на затвор
Легла роса,
И грезится
Весёлый май.
И хочется
Закрыть глаза...

- Не закрывай глаза, дружище, потерпи, - тот же голос, и я снова проваливаюсь в сон, где летят по вечернему лесу трассера... нет, это светлячки... или комары, у них в лапках фонарики, чтобы найти меня...

- Они возвращаются с фонариками, - слышу я свой собственный голос. Меня перестают тащить, весь мир заслоняет лицо - откуда я его знаю? Мой ровесник, он умер где-то в лесах, потому что в него попала отравленная пуля, а я не дотащил его, потому что тоже умер - это всё ещё из одного сна, во сне мы видим мёртвых, как живых...

- Потерпи, потерпи, Эндрю, - голос мёртвого мальчишки... но я уже проваливаюсь, проваливаюсь, проваливаюсь, меня тошнит и кружится голова.
Темно...

ГЛАВА 27.

Тик. Так. Тик. Так.

Синие глаза кошачьих ходиков равномерно скашивались вправо-влево. Тик. Так. Тик. Так.

Подброшенный страхом, я вскинулся, но голова мягко, сильно закружилась, слабость опрокинула меня в подушки. Мгновенно взмокший, с колотящимся от напряжения сердцем, я дико огляделся.

Светлая, аккуратная комнатка сельского домика - с вязаными половиками на полу, боком русской печки, бревенчатыми стенами, фотографиями на стене, в голубой общей рамочке. Стол, на нём - что-то, накрытое полотенцем. За окном - дождь, по жестяному карнизу лупят упругие струйки. Я сам лежал на большой кровати - такие, металлические, надёжные, с высокими спинками, украшенными шариками - раньше считались в деревнях признаком богатства. Перина вместо матраса - непривычно...

Справа от меня спал Энтони - носом к стене, виден только затылок с рыжиной.

Я закрыл глаза, пытаюсь хотя бы чуть привести в порядок ту кашу, которая заменила мне мысли. Среди прочих была и дурацкая мысль, что всё вокруг - самый обычный рай, куда мы благополучно попали после всех наших приключений. Неверующий и англиканин - в одном раю... Это приколы.

- Интересно, стук дождя по карнизу похож на скворчание яичницы - или наоборот? - услышав голос Энтони, я открыл глаза и уставился на него, а он, закинув правую руку за голову, со вздохом добавил: - Как бы там ни было - есть всё равно хочется...

Я почувствовал, что сейчас постыднейшим образом зареву и деловито спросил:

- Мы где?

- Кто его знает, - беззаботно ответил Энтони, садясь в постели. - Одежды нет, - констатировал он, - и пистолет мой пропал... Я с полчаса назад в себя пришёл, гляжу - ты рядом... - он помедлил, отвернулся и продолжал, глядя в стену: - Ну, я снова уснул... А до этого...

...Энтони помнил, как мы шли в дождь по лесу. Следующее его воспоминание - он пришёл в себя на кургане, не чувствуя всей левой половины тела. Рана воспалилась, плечо вспухло, но Энтони было не до этого и не до того, как он попал на курган и куда делся я - в полусотне метров от него поднимались по склону Сергеич и Витёк с пистолетами наготове. Энтони собирался начать отстреливаться (и погибнуть, потому что оба бандита временами превращались в его глазах в какие-то зыбкие силуэты, а "вальтер" весил не меньше центнера), чуть отполз за кусты и... провалился в заросли ежевики, скрывшие собой дыру - примерно полметра на полметра, судя по всему, промытую водой. Короче, его не нашли. В дыре Энтони снова потерял сознание и пришёл в себя от моих криков - я звал на помощь. Как он смог выбраться и двигаться с температурой под сорок - Энтони не помнил. Не смог объяснить он и того, как переплыл речушку, подобрался к лагерю бандитов, незаметно снял меня с сучка и ухитрился куда-то тащить. Сколько тащил и куда - он просто не помнил... Потом - светящееся окно, из последних сил Энтони тянул меня к нему - ползком, волоча меня следом - а дополз или нет...

...- Судя по всему - дополз, - я ещё раз осмотрелся. Говорить о прошлом не хотелось совсем. Вспоминать его было страшно. Но одно НАДО было сказать...

- Тошк, - окликнул я его, - а я ведь тебя сдал. Я сказал, что оставил тебя на вершине кургана... когда мне про комаров объяснили.

- Ну сказал, - усехнулся Энтони. - И я бы сказал, если бы таким пригрозили.
- Понимаешь, - мучаясь от стыда, поспешно продолжил я, - если бы били... или ещё как-нибудь... я бы...

- Брось, - Энтони толкнул меня в плечо, - это всё ерунда. Я на этом кургане что - святым духом оказался?

- Не совсем... - вздохнул я, вспомнив лес и свой путь через него.

- Ну вот и брось, говорю... Лучше бы выяснить, где это мы всё-таки?

- Мы... - я осекся - в смежной комнате зашаркали шаги. - Вот сейчас и выясним.

...Почти пятьдесят лет Александра Ильинична проработала учителем в Разгуляйской основной общеобразовательной школе. "Очень подходящее название - Разгуляйская," - добавила она. Поэтому её трудно было чем-то удивить. Однако - и к ней не каждую ночь вваливались такие гости, как три дня назад. Старушка собиралась ложиться спать, когда в дверь постучались. Причём странно - внизу двери. Александра Ильинична даже испугалась, но дверь открыла.

На крыльце лежал рослый мальчишка в окровавленной, драной пятнистой форме. От него буквально несло страшным жаром. Склонившуюся над ним Александру Ильиничну он не видел и, прошептав: "Хэлп... Эндрю нот филлинг вэлл... фор годнэсс сэйк..."²⁷ - окончательно потерял сознание.

Английского старушка не знала, так как в своё время учила немецкий, да и его хорошо знать в те времена в среде учеников считалось предательством Родины. Но догадалась осмотреться - и обнаружила второго мальчишку. Он лежал в трёх метрах от крыльца на самодельной волокуше - тоже без сознания, покрытый жуткими опухольями и мазками крови, вообще голый.

Звать на помощь было некого - врача или хоть медсестры в Разгуляе давно не было, народу тоже почти не осталось, но Александра Ильинична самоотверженно взялась за дело и справилась сама, хотя оба её ночных гостя фактически были при смерти. К счастью, в молодости она получила на военной кафедре ВУЗа образование военфельдшера и ещё в школе работала и за врача. Пулевые ранения ей тоже приходилось лечить...

...Мы прожили у этой гостеприимной и немного суетливой бабули ещё четыре дня - и за это время она нас расколола так, как не удавалось ещё никому за время путешествия. Да мы, собственно, и не таились - это было бы по меньшей мере неэтично и некрасиво в отношении человека, вытащившего нас с того света. Кроме того, оказалось, что разговоры вслух здорово помогают систематизировать узнанное.

Рассказали мы ВСЁ вечером четвёртого дня, потому что утром собирались уходить. Разгуляй вымирал, но, как ни странно, магазин в деревне был - его держал один предприимчивый уроженец деревни, давным-давно живший в Тамбове. Держал себе в убыток, из чистой ностальгии по родным местам, но нам от этого было только лучше. Деньги у Энтони уцелели, и мы смогли запастись продуктами и двумя школьными рюкзаками, а заодно и подходящей одеждой для меня. Просто нечестно было бы уйти от старушки, не заплатив ей хотя бы рассказом - любопытства открыто она не выказывала, но нужно было быть дураком, чтобы не понять её чувств...

Рассказывать взялся Энтони. Пожилые люди умеют и не стесняются сопереживать рассказу, но Александра Ильинична слушала, сидя неподвижно, подперев голову рукой, только в выпцветших от старости глазах отражался огонёк керосиновой лампы...

...- В Белом вам повезло, внуки, - сказала она, когда Энтони замолчал. - Ох, повезло... Расселяли его аж в 78-м, так людей-то силой увозили, нехорошо получилось. С тех пор дурное то место, немало людей там пропало. А на ту стаю собачью облавы делали - убьют одного-двух, а стая уходит... Ну и нечисть, само собой, - как о чём-то обычном, сказала она. - В доме-то ведь два духа живут: домовый и кикимора...

- А она разве не в болоте? - осторожно осведомился я. Александра Ильинична покачала головой:

- Уж много раз слышу такое, а откуда взялось - не пойму. Кикимора - злой дух дома.

Если люди из дома уходят, а домового с собой не берут - он умрёт скоро, не может без людей. А кикимора - ничего, живёт, только ещё злей становится... - бывшая учительница помолчала, а потом вдруг сказаала, словно решилась: - Может, и не надо вам рассказывать - опасное дело... А только и молчать - не по-людски, раз уж ты так к своему стремишься, и не ради денег... - она кивнула Энтони. - Люди о своём прошлом, о тех, кто жил до нас, помнить должны... Говорите, учитель татариновский с вами беседовал? Всё он правильно рассказал. И Татариново, и Погорелое - сёла молодые, нашествия монгольского не помнят, конечно. И курган тот, что в лесу - его Горелой Могилой по-тому называют, что там умерших от холеры сжигали. А вот одного он не знает. Может, и рассказывали ему, да забыл - а может, и не попалось никого, кто рассказать мог. Это немногие помнят - нам прадед рассказывал, он в параличе лежал три года, но ни память, ни речь не потерял, вот и говорил - много, словно торопился... Может, и не случайно вас к моему дому вывело... - она внимательно посмотрела на нас и, кивнув каким-то своим мыслям, заговорила снова: - Курган тот - древний. Горелой Могилой его стали называть после холеры, а до этого называли Княжьей Могилой...

У меня захватило дух. Неужели... вот оно?! Ради одного этого мгновения стоило пройти через всё, выпавшее нам... Честное слово - стоило! Энтони закусил губу и, не мигая, смотрел на Александру Ильиничну, лишь спросил отрывисто:

- Почему?

- Да потому, что и есть этот курган - княжья могила. Жил там князь с дружиной, стоял его городок - небольшая крепость, пограничная, как ты говорил - и погиб он там, когда монголы пришли, защищая рубежи Отечества... Так выходит, что курган - могила и для князя, и для дружины его. Прадед говорил, что враги князя убили - и неприбранным бросили, не по-христиански. Вот Пётр-ключарь - знаете, кто это? - и не пустил его в рай. Хотел, а не смог, потому что православному путь туда без погребения заказан. Но всё-таки князь за родную землю жизнь отдал, себя не пожалел - вот и сказано было ему именем Божьим, что быть ему и после смерти на рубежах родной земли, как и прежде, её защитником. С той поры уж какой век несёт он службу... Что в давние времена было - я не знаю, врать не буду. А вот не так чтобы давно были случаи. Раньше-то запрещали об этом говорить, да ещё если в школе, с детьми, работаешь... - она вздохнула: - Вы не думайте только, что бабка из ума выжила. Рассказам этим свидетели есть. Было это в 18-м году, как раз в самом начале гражданской войны... Собрались в наших краях челове двадцать офицеров, что после Первой Войны по домам вернулись с фронтов, да из плена германского. А с ними столько же примерно юнкеров, мальчишек вроде вашего, они сюда из Москвы ушли... Их всех как раз силой в Красную Армию забирать начали, вот и решили они тайком к генералу Маркову на Кубань уйти. Знаете такого?

Я кивнул:

- Он в Добровольческой Армии командовал, у белых, в самом начале войны. А потом погиб.

- Верно, - покивала тоже Александра Ильинична. - Ну вот... Народ бывалый, огни и воду прошли, оружие у них было, едой запаслись... Только нашёлся такой Иуда, рассказал комиссару продотряда, что недалеко отсюда, в Колобове, стоял. Однако, и добрый человек нашёлся - предупредил, чтоб уходили... Учили в школе, как в ту войну русский русского убивал, словно настоящего врага? И красные, и белые - все в крови были... - она вздохнула. - Поняли офицер и юнкера, что будет им смерть. Продотряд-то - как бы не триста человек, а их всего три десятка! Ночью и ушли - напрямик через цинские болота. Комиссар и гнаться не стал - рукой махнул. Болота там гиблые... Мол, одна им могила будет, и с похоронами не возиться... А всё ж прошли они болота насквозь! - торжествуя объявила Александра Ильинична. - И КАК прошли, - она понизила голос. - Увязли они в топях, как муха в меду. Ни вперёд, ни назад! Куда ни сунься - везде топь страшная, окна бездонные, вода мёртвая. А тут ещё туман с болот встал - дурной туман, волю у людей отнимает, а все страхи в нём растут...

Я слушал, как заворожённый. Старушка рассказывала так, словно бы сама там была - и я почти видел страшную топь и кучку отчаявшихся, усталых людей в мокрых шинелях с погонями, с бесполезным оружием в руках - окружённых смертью со всех сторон...

...- Вдруг видят они - всадник едет по болоту. В тумане едет, как в море, только силуэт тёмный виднеется. Голову так опустил, задумался. А где едет - по самой трясине, через смерть страшную! Опешили они, офицеры-то. А всадник и махнул им рукой, словно за собой зовёт. Верно говорят - кто тонет, за соломинку хватается. Пошли люди за ним. Идут - а под ногами гать затопленная! Долго шли, потом уж на твёрдое место выбрались, глядят - а благодарить-то и не кого. Ушёл туман, сухо под ногами - и одни они... Вот. И потом было, уже как фашист напал, в 41-м. До нас-то он не дошёл, не пустили его. Церквушка тогда была в Татариново. Батюшка наш ночь напролёт молился об одолении врага и победе нашим воинам. Слышит под утро - стучат в дверь. Да так, словно к себе домой, громко! Батюшка на крыльцо вышел - нету никого, пустая улица, а на ступеньках стоит деревянный сундучок, старый, чёрный... Открыл его батюшка - и обомлел. Доверху полон золотыми монетами сундучок оказал-ся - да не какими-нибудь, а самыми старинными, ещё от Святого Владимира Красно Солнышко, что Русь крестил... Предколхоза татариновский неверующий был - а босой в церковь прибежал, батюшку расцеловал на радостях. В газете писали, что на деньги те несколько танков построили. Думали, батюшка часть церковного богатства на это отдал, а он поклялся перед смертью в том, что не было в церкви такого... И последний случай недавно был - несколько лет назад. Бежали из колонии - тут, недалеко - четверо преступников. Двух часовых убили, автоматы у них забрали... Страху мы натерпелись тогда! Деревня-то пустая почти! Какая защита, от кого... Ловили их, конечно, но вы ж сами видели, какие леса тут... Неделью ловили. Нету их. И не выходят никуда, и не видели их нигде. Решили уж, что они лесами в соседнюю область подались. А потом нашли их - разом всех. Как раз тут - за Княжьей Могилой. Все четверо мёртвые лежали. Автоматы рядом, ни один патрон не трачен, ножики их самодельные - за голенищами. И крови - ни капельки, а только говорили, что лица у них были такие, словно увидели они страх - и кончились разом. А ведь отпетые были... Князь их погубил. Не любит он злодеев...

- Значит, искать надо в кургане... - медленно сказал Энтони. Глаза у него были недоверчивые и словно бы пьяноватые - да я и сам ощущал приподнятость от близости цели.

Александра Ильинична встала. Встала даже как-то величественно.

- А ты не торопись, - сказала она и пошла к стене, в угол, где висела большая икона. - Не торопись, - повторила она и достала из-за иконы старую тетрадку - ученическую. Вернулась за стол, положила тетрадку перед собой. - Это я за прадедом записывала. Не сразу, конечно, когда подросла и поумнела. И не всё здесь - всего не вспомнишь... И хочешь верь, хочешь не верь, внучек, - она посмотрела на Энтони, - а только... ЕСТЬ ТУТ ПРО ТВОЕГО ПРЕДКА.

- Дайте, - прошептал Энтони и протянул руку. - Дайте мне.

- погоди, не найдёшь. Я сама прочитаю, - она взяла с полочки над столом очки, начала листать тетрадь, страницы которой оказались мелко и часто исписаны. - Вот. Есть тут, я помню... - и Александра Ильинична начала читать...

- Подзывал к себе князь двух вернейших слуг,
Ближних двух бояр из дружинышки.
Говорил им князь речи тайные,
Речи тайные - не чужим ушам.
"Ой бояре вы мои ближние!
Вы служили мне верой-правдою,
Выц хранили со мной землю Русскую,
Послужите вы мне и в последний раз!"
Говорили бояре хоробрые,
Князю в пояс земно покланявшись:
"Что ты скажешь - исполним истинно,

Как прикажешь - так то и станется!"
И с печалью им отвечает князь:
"пропадёт поутру дружина моя,
Пропадёт и град, и все жители!
Беззаконная сила вражия
Велика числом, многочисленна -
Не сдержать её ни острым копьём,
Ни булатным мечом, ни молитвою!
Вы, бояре храбрые ближние,
Вы берите мою богату казну,
Собирайте в сумы злато-серебро,
Вы везите казну на Лучков угор,
Хороните казну в подземелия,
Хоронитесь с казной там и сами же.
Враг пришёл - враг уйдёт, жизнь не кончится.
Выходите тогда вы на белый свет,
Раздавайте казну вдовам-сиротам,
- Раздавайте бездомным, калеченым..."
Ночью потемну, нелюдским путём,
Поскакали бояре храбрые,
Повезли казну на Лучков угор.
Да увидели их во тьме ночной,
Углядели колдуны тугарские.
Натравили погоню, науськали...
Говорит тогда один из бояр,
Говорит своему он товарищу:
"Нет тебе тут ни славы, ни почести.
Не с Руси ты сам, так зачем тебе,
Из немецких земель приехавши,
Класть здесь голову, не в своей земле?
Ты скачи дорогой обочною,
Уведу я тугар вослед за собой!"
Говорит ему боярин другой,
Из немецких земель приехавший:
"Нет в далёкой земле, что под кралем²⁸ моим,
Нет у нас такова обычая -
Друга бросить, спастись, чтобы дальше жить -
Нет такого завода-правила!
Мы поскачем с тобою и далее,
А что будет - на то воля Божия..."

Александра Ильинична закрыла тетрадку. Пламя в керосинке горело ровно, похожее на острый наконечник копья. Энтони сидел, сцепив перед глазами пальцы. Потом отрывисто спросил:

- Лучков угор - это что?

- Не знаю, - вздохнула Александра Ильинична. - Вот разве что есть отсюда в тридцати километрах, на цнинском берегу, деревушка Лучки...

ГЛАВА 28.

- Значит, клад всё-таки есть, - задумчиво сказал Энтони и поморщился, придерживая правой рукой плечо - телегу подкинуло на ухабе. Так же задумчиво я ответил:

- Удивительно было бы, не будь его...
- Почему? - спросил Энтони.
- Без этого наша история будет незаконченной, - серьёзно пояснил я, и Энтони, поморгав, вдруг ухмыльнулся:

- Да, ты прав... - но тут же вновь стал серьёзным и вздохнул: - Мне не верится, что так может быть. Выстрелить в небо с закрытыми глазами и сбить самолёт...

- Бывает и так, - возразил я. Энтони кивнул:

- Да, наверное, бывает... Но что если эта баллада... былина - просто выдумка, совпадение?

- Нет, вряд ли, - я поёрзал на врезавшемся в зад бортике телеги, нашёл пока ещё неотсиженное место и начал обстоятельно пояснять, развеивая не столько сомнения Энтони, сколько свои собственные. - Ты послушай. Я этих былин кучу прочитал. Знаешь, что мне в глаза бросилось? Чем меньше конкретных де-талей - тем недостоверней и фантастичней былина. Вот, если бы, допустим, князь поручил своим боярам отвезти казну не на Лучков угор, а... ну, "за море синее", "за речку за Калицу" или просто "в подкопи глубокие" - было бы подозрительно. Или, скажем, не отвезти казну поручил, а выйти в поле и разбить вдвоём врага - мол, вы мои лучшие богатыри, разгоните поганую рать и всё такое. Это было бы ещё подозрительнее. Обычно в былинах ведь как? Малоизвестных географических названий нет. И речь идёт о том, как некий богатырь в одиночку разгоняет врага... или там змея побеждает, совершает всякие невероятные подвиги. Зачем сочинителю мучиться, выдумывать какой-то Лучков угор, да ещё сложную биографию выдумывать одному из героев - де-он из немецкой земли! Былины по сюжету простые. А если сюжет усложняется - это уже...

- ...исказившийся от времени рассказ о реальном историческом событии, - закончил за меня Энтони. - Мне хочется надеяться, что ты прав. Очень хочется.

- Вообще-то всё очень логично, - продолжал я. - Есть пограничная крепость. В ней - казна, или собственно княжеская или собранная в начале зимы с местного населения дань, которую не успели отправить в Рязань. Нападает враг, враг сильный и однозначно победоносный. Князь, как и положено хорошему правителю, думает не столько о себе, сколько о том, как и чем станут жить после ухода или изгнания врага уцелевшие люди. Он и поручает двум надёжным воинам тайком выбраться из крепости и укрыть казну в заранее подготовленном тайнике или просто в удобном месте. Воинов замечают татары, гонятся за ними... А дальше былина либо утеряна, либо Александра Ильинична не записала.

- Они могли и не добраться до цели, - покачал головой Энтони. - Тридцать километров скакать от врага! Тогда мы ничего не найдём - их останки лежат где-то в лесах, а клад - и Святой Грааль с ним! - увезён татарами.

- Послушай... - я помедлил, собираясь с духом. - Послушай, ты правда веришь в эту чашу?

Какое-то время Энтони молчал, покачивая головой то ли в такт движению попутной подводы, то ли собственным мыслям. Шустрый пожилой мужичок в старом солдатском кителе, подобравший нас на лесной дороге, почмокивал губами на лошадь. Такая привычная дорожная пыль висела за телегой, и я лениво подумал, что уже и не представляю, как можно жить по-другому-встал утром и идёшь до вечера с небольшими перерывами, а вокруг всё то же - лес и лес, но одновременно очень разный, всегда новый...

- Обрёл в тяготах похода великое сокровище, - сказал Энтони, и я, уже почти забывший о своём вопросе, вдрогнул. - Я не знаю, о чём ещё мог так сказать рыцарь тех времён.

- Ну что же, может, и мы обретём его... в тяготах похода, - без иронии заключил я, - если найдём этот Лучков угор и если монголы по своей привычке не упёрли чашу, чтобы хлестать из неё кумыс, - и повернулся к возчику: - А вы не скажете, деревня ваша, Лучки - она старая? Когда построена?

Этот вопрос стал уже просто контрольным, определявшим наше с Энтони отношение к населённым пунктам.

- А как же, - охотно откликнулся возчик, оживлённо поворачивая к нам довольное лицо - наконец-то пассажиры и его приняли в беседу! - Старая, ещё до нашего века построена, - в его устах это прозвучало, как "до нашей эры". - В каком это году-то, мне тогда говорили... - он почесал кнутовищем лоб под кепчонкой. - А! -вспомнил и выговорил с важностью: - В одна тысяча семисотом. Круглая дата!

- Семисотом? - я похолодел. - Вы точно знаете?!

Должно быть, в моих словах прозвучало настоящее отчаянье, потому что возчик на полминуты честно задумался и твёрдо сказал:

- В одна тысяча семисотом. Племяш мой тогда говорил, они в школе праздник обсуждали - через два-то года триста лет будет!

Я повернулся к Энтони, но тот как ни странно, был спокоен:

- А откуда такое название - Лучки? - осведомился он, снова потеряв плечо - заживающая рана дико чесалась.

- Лучки-то? - переспросил возчик. - Ннны, з-зараза... - он подстегнул лошадь. - Лучки? А вот, - он ткнул кнутовищем влево.

Там лес обрывался - резко, словно отсечённый мечом - и сверкала зеркальной рябью под ярким солнцем Цна. Широкая, не меньше километра здесь. На воде виднелись несколько лодок. А на противоположном берегу поднимался высокий холм с плоской вершиной.

- Лучков угор, потому и Лучки, - пояснил возчик и заморгал глазами опасливо, когда его пассажиры, только что выглядевшие скорее уныло, вдруг в один голос завопили, повалили друг друга в свежее сено и, продолжая орать, забарахтались в нём...

...Не знаю, бывают ли так счастливы настоящие археологи, когда после долгой, кропотливой работы наконец понимают, что можно напрямую приступить к изысканиям. Наверное - нет. Может, это и самонадеянно - так думать, но на свете не было людей более счастливых, чем я и Энтони, когда мы сгрузились с подводы напротив Лучкова угора.

Мы не спешили. Сначала искупались, а потом растянулись на песке, по временам довольными взглядами окидывая противоположный берег. Этот здоровенный холм деться никуда не мог - и однозначно был тем, что нам нужно. Энтони выиграл игру, которую играл с давнего детства.

Что выиграл я? Не знаю. Даже если просто эти дни в лесах - со всей их жутью! - это большой выигрыш. Больше тех денег, что лежат дома. Честное слово - больше.

- Всякий раз, когда я чего-то достигал, меня охватывало горькое чувство потери, желание найти что-то новое, - процитировал Энтони. Я понял, что именно процитировал - и не ошибся: он посмотрел на меня и добавил: - Мэри Стюарт, "Последнее волшебство".

- Ну, мы ещё не совсем достигли, - возразил я. Энтони поднялся на ноги и, глядя на противоположный берег, странным голосом произнёс:

- Во всяком случае, мы дошли до места, где, скорее всего, окончил свой путь граф Мерсии сэр Энтони лорд Колвилл, мой дальний предок... Пойдём искать лодку, Эндрю.

ЗЕМЛИ РЯЗАНСКОГО КНЯЖЕСТВА. БЕРЕГ РЕКИ ЦНЫ. 1237 ГОД ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Когда Энтони поднялся к пещере, он задышался. Собственный доспех весил три стона, не меньше - у обвисшего на плече руса, да он сам - около тринадцати стонов. Энтони нёс на себе полтора своих веса...

Осторожно уложив друга на снег, головой ко входу, Энтони выпрямился. Медленно оглянулся.

Мир был чёрно-бел. Белый снег, чёрная вода, чёрные деревья на фоне белого неба. Чёрная тропа, протоптанная им на белом склоне, пока он носил в пещеру груз. Вдали клубились тучи - начинался буран.

На противоположном берегу двигались фигурки всадников. Передний поднял

руку, низко свесился с седла. Взвизгнул, выпрямляясь, так, что было слышно у пещеры, махнул рукой и бросил мохнатого конька в ледяное прибрежное крошево шуги...

Энтони мельком подумал о луке - хорошем английском луке, из которого стрелял мальчиком в лесах вокруг замка. Двенадцать лет назад - жизнь, целая жизнь прошла в песках Палестины, нильских болотах, бескрайних снегах этой страны, где закончит свой земной путь сэр Спенсер Энтони, английский рыцарь... На миг он прикрыл глаза, вглядываясь в прошлое - шумел весёлый зелёный лес его доброй Англии...

...Потом он вернулся в чёрно-белый холодный мир.

- Антон... - послышался хриплый голос. - Антон...

Проваливаясь в снег, Энтони подошёл к лежащему, склонился над ним. Лицо боярина Лобана было лихорадочным, на щеках горел румянец - особенно яркий на бледной, похожей на снег коже. Тёмные от пота волосы прилипли ко лбу.

- Где они, Антон? - еле слышно спросил боярин. Закашлялся, изо рта на русую бороду струйкой потекла тёмная кровь.

- Ближе уже, - честно сказал Энтони. - Догоняют по следу.

- Сокровища укрыл?...

- Укрыл.

- Беги, - прохрипел Лобан. Кашлянул снова, закрыл глаза, уже теряя сознание, выдохнул: - Дальше... к колодцу... меня... оставь... тебя искать... не будут... у... мираю...

- Нет, - Энтони выпрямился, повернулся к реке, откуда уже отчётливо доносились близкие хукающие возгласы чэригов, 30 пешими лезущих на кручу. Зелёные глаза англичанина сощурились на ветер, тянувший к реке буранную мглу. - Второй раз предлагаешь мне ты жизнь, друг - и второй раз "нет" говорю я. Рыцари Святого Креста не бросают друзей... Дева Мария, попроси за меня, грешного и недостойного воина твоего...

Он прошёлся через площадку, ногами сгребая снег, что-бы не мешал. Топнул по камню, скинул тяжёлый плащ. Холодный ветер полосну, прошивая двойную кольчугу и кожаную куртку, как бронебойная стрела. Ничего... Совсем скоро ему уже не будет холодно...

Медленным, торжественным движением Энтони надвинул шлем на лицо - ледяной металл обжёг кожу. Выставил вперёд левую ногу, оперся на неё, поёрзал ступнёй. Перебросил из-за спины щит, пригнулся, прячась за ним и одновременно вткнул из ножен меч. Положил его клинком на стальное плечо.

И начал ждать...

...Первый чэриг выскочил снизу, из-за поворота тропки. Тяжело дышащий, распалённый непривычным бегом и азартом, он мчался, глядя на следы под ногами, из-под мохнатой шапки свисали, мотаясь, грязные, сальные косицы. Узкий кривой меч посверкивал в опущенной руке. Он не видел рыцаря, а Энтони не хотел бить без предупреждения. Поэтому рыцарь выкрикнул, сам удивившись звукам родного языка, на котором много лет говорил только во сне, вновь и вновь возвращаясь домой:

- Холен Кросс! 31- и прыгнул вперёд, воздев меч для рубящего удара.

Вскинувший изумлённое лицо чэриг просто ничего не успел сделать...

...Лобану не хотелось открывать глаза. Не хотелось жить. Там, ЗА ЧЕРТОЙ, были тишина, темнота и уютное тепло. Здесь, куда он вернулся - боль, холод, выкрики и гулкий, визгливый лязг стали. Он устал. Он очень устал от всего этого. Спать. И больше никогда не просыпаться. Не видеть. Не слышать. Не чувствовать. Не хотеть. Он уже умер. Мертвеца можно оставить в покое?!

Громкий крик - вроде по-половецки... нет, это монгол, их речь похожа на половецкую:

- Сбивайте его стрелами! О Суульдэ, 32 это не человек, это мангус! 33 Стрелами!

Он открывал глаза. Это было труднее, чем в одиночку поднимать крепостные ворота. Тело кричало, тело просило покоя, тело молило оставить мучить его... Но человеком командует не тело. Человека ведут разум и воля. Тем он отличается от зверя и тем он схож с богом.

Мир больше не был чёрным и белым, каким он запомнил его со схватки у леса. Мир был чёрным, белым и красным.

Площадку покрывала каша из снега и крови. Словно пустые мешки, в этой каше лежали нелепо плоские, сломанные тела чэригов - их было девять или десять, не меньше, вокруг валялись раскроенные щиты, клочья одежды, перерубленные клинки...

Остальные чэриги теснились у входа на площадке. Оскальзываясь в снегу, они пытались достать человека в рогатом шлеме, тот мерно бил мечом, как молотом, отшвыривая чэригов этими ударами. Его пробовали колоть пиками - только щепы брызгала жёлтыми, весёлыми искрами, усыпая снег.

Антон. Брат.

- Брат! - закричал Лобан. Ему казалось, что закричал, на самом деле - захрипел, в груди и горле плескалась боль и кровь, густые, тягучие... Но он кричал надсадно, неистово и поднимал своё непослушное тело, проклятую, каменную тяжесть, ломая его сопротивление, как сопротивление врага... - Брат! Брат!

Энтони, уловив момент, обернулся. С дюжину стрел сидело в его щите. Две - перо к перу - в нагруднике, одна - в животе слева, ещё одна - в правом бедре; пущенные с десяти-двадцати шагов, они пробивали сталь, как холстину... Но рыцарь почему-то не падал - повернувшись к врагам, он вновь взмахнул мечом...

Повернуться на живот. Под себя - руки. Колени... На четвереньки... Из рта лилась кровь, и Лобан знал, что это выливается его жизнь, поэтому - спешил.

Хотя бы умереть рядом.

Нашарив меч, он уперся концом в камень и поднял себя на колени. Качнуло; навалившись на рукоять, боярин процедил:

- Врё-ошь!... - и с натужным сипом даже не через силу, а через всё на свете - встал. И шагнул вперёд. И ещё шагнул. И замер - плечо в плечо с рыцарем.

Тот не подставил своего плеча, чтобы не унижать друга. Но, сдвинув свой щит в сторону, закрыл и его тоже.

Они стояли за одним щитом. И каждый сжимал в руке длинный тяжёлый меч - прямой, как жизнь и душа воина.

Чэриги отхлынули в ужасе. Они не могли понять, что происходит. На них глазах только что поднялся мертвец и пришёл на помощь непонятно как сражавшемуся давно убитому воину.

Монголы начали отступать вниз по тропе, не сводя взглядов с двух фигур, застывших на краю площадки. Чем ниже спускались чэриги по склону, тем огромней, непоколебимей и страшней казались им эти фигуры - грозные, чёрные в белом небе, на алом снегу...

- Стреляйте! - закричал сотник. - Скорее же - стреляйте!!!

... - Восемь в этого и девять в этого, Баракча, - поклонился воин. - Ещё дюжина - в щит... - воин помедлил и добавил с прорвавшимся ужасом: - И ещё пять они отбили мечами на лету!

- Одиннадцать моих воинов за двух урусов, из которых один был уже мертвец... - сотник Баракча концом клинка сбил с одного из мёртвых рогатый шлем.

И содрогнулся.

Рыцарь Энтони улыбался.

Сотник шагнул в сторону и отрывисто приказал:

- Внесите их в пещеру. Обрушьте вход. И - ни слова! Никому! Никому!...

... Мальчик кубарем скатился в снежную яму и притих на дне, изо всех сил кусая

толстую кожу рукавицы. Лицо его кривилось. Ещё молодая женщина, баюкавшая на руках завернутое в старый зипун дитя, тихо спросила:

- Что там? Ушли? Или бьются ещё?

- Обоих порубали, - сказал мальчишка, рванул рукавицу зубами ещё раз - и заплакал злыми слезами, сдерживая рыдания, без облегчения...

- Молчи, молчи, услышат! - тихо вскрикнула женщина, расширенными от страха глазами шаря по верху ямы.

- Пусть услышат! Убьют пусть! - прорвалось сквозь слёзы.

- Не прощу им! Ничего не прощу! Смертью бить буду! За всё спрошено будет! За всё!

ГЛАВА 29.

Этой ночью мы разбили лагерь довольно вызывающе - прямо на холме. Ничего особенного мы этим сказать не хотели, честное слово - просто от поисков настолько устали, что переправляться обратно в Лучки не осталось сил.

А поиски оказались безрезультатными. Мы использовали все склоны этого чёртова холма, кроме обращённого к воде - этот был отвесный и каменный, из серого гранита, в трещинах и лопинах, но без намёка на вход в пещеру, подземелье или хотя бы какую-нибудь нишу. Ничего. Совершенно ничего! Ближе к вечеру от досады мы несколько раз принимались копать в "подозрительных" местах, а я надавал по шеем двум соплякам, которые вздумали посмеяться над нашими поисками. Они пообещали вернуться с подкреплением, но мы находились в таком состоянии, что Энтони поклялся перестрелять всех ещё на середине реки.

Усталые до невозможности, мы лежали около костра. У Энтони разболелось плечо, я ухитрился стереть себе большой палец на правой руке - мозоль лопнула.

- Ну вот, - сказал я, вынимая изо рта травинку, - пробил башкой стену.

Что теперь будем делать в соседней камере?

- Хватит, - с отвращением сказал Энтони. - Думать надо, а не шутить.

- Давай думать, - согласился я. - Начинай.

- Не думается, - признался Энтони, переворачиваясь на бок.

- Давай угоним в деревне экскаватор и сроем холм, - предложил я. Энтони поморщился.

- Ещё можно динамитом взорвать...

Энтони поднялся.

- Пойду ноги вымою и завалюсь спать.

- Я с тобой, - предупредил я, тоже вставая. - Только, по-моему, вообще надо искупаться.

Нога за ногу мы спустились с холма. На берегу реки, около запертого лодочного сарая, горел костёр и классический дед-сторож колдовал над котелком с ухой. Картина напоминала кадр из не совсем понятных, но смешных и интересных фильмов 30-х - 50-х годов, которые часто крутили по телевизору.

Дед явно настроен был поговорить, поэтому заранее зазвал нас на уху - пока мы купались в чёрной, уже ночной воде с дрожащей полоской заката, она как раз доварилась. Наш костёр искрой догорал на вершине холма. Дед извлёк мятые армейские миски и алюминиевые ложки, разлил в них своё "произведение", как именовал уху - но сам ел мало, развлекая нас разговорами о боевой молодости и о том, как он охотился на кабанов в лесах за Цной "с большими людьми", даже с Будённым, и однажды спас командарму жизнь, когда его - Будённого - сбросил конь.

- Кабан, значит, в одну сторону, конь - в другую, Семён Михалыч маршрута не поменял... - излагал он, помахивая ложкой.

- Конь Будённого сбросил? - недоверчиво спросил я. Старик сохранил полную невозмутимость:

- Сбросил... А другой раз - это уже здесь я сторожем работал - я Аркадия Константиновича аккуратно вот тут из воды спасал.

- Какого... Райкина, что ли?! - изумился я дедову нахальству.

- Его самого, парень, - подтвердил дед. Энтони эти фамилии, имена и отчества ничего не говорили, она наворачивал вторую тарелку ухи. Ничего, подумал я, что ты запоёшь, когда этот старый гриб начнёт рассказывать, как он Черчилля по грибным местам водил... - Он, видишь, с тропки сорвался. С Лучкова угора - и прямо в воду. Приезжал, значит, на рыбалку...

- С какой тропки? - поинтересовался я. - Темните, дедушка - нет там такой тропки, чтобы в воду можно было сорваться!

Дед не обиделся и охотно отвлёкся от темы спасения Райкина.

- Сейчас нет, - пояснил он. - Этот ведь Лучков угор, сколько здесь живу, всё по частям в воду сползал. Сейчас перестал - камень открылся, видишь. А раньше, что ни лето, кого вытаскивали, а кого и нет. Особенно, значит, городские.

Тропка там краем шла - год от года уже. Приедут, значит, особенно с женским полом - и давай по этой тропке гулять... И знаки ставили, и штрафовали, и всё равно - лезут, как мёдом намазано. И при Сталине лезли, и при Хрущёве, и при Брежнев... Я так думаю - и при царе Николашке лазили. А вот два года назад весь склон возьми да и весной сползи в речку! Только был вот тут месяц назад племяш мой, гостил недолго - он этот склон увидел, так аж зашёлся. Говорит, жди нас в августе, дед, компанией. Этих, как их... альпинистов привезёт. Для них, говорит, самое то - и ездить недалеко. Обратно лазить будут, уж прямо по скале...

- Склон сполз... - сказал я. И, посмотрев на Энтони, застывшего с ложкой у рта, спросил небрежно: - Дед, а у вас в Лучках магазин хороший?...

...Вот когда оставалось пожалеть о пропавших вместе с рюкзаками альпинистских верёвках!!! Правда, в магазине нашлись шнуры из какой-то синтетики, которыми Энтони остался доволен.

- Полезу я, - безапелляционно заявил англичанин, быстро и умело обвязываясь верёвкой и закрепляя её перед грудью беседочным узлом. - Будешь травить по-немногу, скажу: "Стоп!" - прекращай, - "Пошёл!" - начинай снова, - он закрепил свободный конец верёвки за вогнанный в землю толстенный и длиннющий кол, подошёл к краю обрыва и серьёзно посмотрел на меня: - Не подведи, я тяжёлый.

- Помню, - усмехнулся я. - Нам чертовски везёт, Тошка. Не иначе, как твой предок на небесах ворожит...

- Очень может быть, - без улыбки ответил англичанин. - Пошёл!

...Держать его и в самом деле было тяжело - тем более, что Энтони постоянно мотался, я его не видел и от этого волновался больше, чем надо. Трос резал руки, хотя мы и догадались купить рабочие рукавицы. Потом - через двадцать минут! - англичанин приглушённо вскрикнул, и я едва не прыгнул к обрыву, но вовремя одумался и услышал какое-то истошное:

- Пошёл! Пошёл!

Что-то с плеском летело в воду, пушечно бухало - немаленькие куски. Верёвка уходила из моих рук так, словно Энтони шёл по ровному месту. Потом я услышал его голос - задыхающийся:

- Выбирай, Эндрю!

Я выволок его из-под обрыва с круглыми глазами, трясущегося, всего перевачканного землёй и какой-то паутиной. Англичанин сел наземь, сунул руки под мышки и, не справляясь с языком, сказал, глядя на меня почти сумасшедшим взглядом - сказал неверяще:

- Я его нашёл, Эндрю.

- Кого? - я мгновенно охрип. Энтони медленно моргнул и ответил:

- Сэра Энтони.

...Когда я сказал, что нам везёт - я даже не предполагал, что настолько. Часть коридора пещеры, прорытая в земле, обрушилась вместе с оползнем - почему её не заметили раньше, не знаю, может быть, она была завалена. Но остальной коридор был прорублен в гранитной скале! И вход в него прятался... вот заведите одну вашу ладонь за другую - между ними и будет коридор. Сверх-ху он вообще не был виден, снизу казался просто трещиной.

Повезло нам и в том, что через месяц сюда приедут альпинисты. А им обнаружить вход ничего не стоило.

Во второй раз мы спустились оба. Сначала Энтони спустил меня, а потом слез сам просто по сброшенной вниз верёвке, повис напротив входа, я протянул ему руку и втянул внутрь.

Коридор был короткий и резко расширялся в небольшую пещерку, из которой, в свою очередь, вёл коридор - с наклоном, лучи наших фонариков терялись в темноте. Туда Энтони в первый раз не заходил, да и сейчас мы не спешили. Не хотелось нам спешить.

Два скелета лежали рядом на каменном полу, сами от него почти неотличимые. Лежали около стены, рядом. То, что было металлом, превратилось давно в непонятные буро-рыжие сросшиеся комья, но и так ясно - оба они носили доспехи и шлемы, причём шлем одного украшали короткие рога, больше похожие на выступы. Металлические перчатки намертво срослись с крестовидными рукоятками длинных мечей. Лезвия давно изъела ржавчина. Щит был только у одного - того, что в рогатом шлеме.

Говорить ничего не хотелось. И радоваться не хотелось тоже. Совсем. Грустно мне было. Но при этом - не плохо. Это была какая-то странная грусть, я такой раньше никогда не испытывал...

Энтони встал на колени, осторожно провёл ладонью по миндалевидному щиту. Дублёная кожа и листовенница, из которых был сделан щит, пережили века лучше, чем сталь. Открылся необычайно яркий рисунок - на алом фоне чёрный двухглавый орёл, коронованный золотой короной... Щит был испещрён следами ударов.

- Он, - тихо сказал Энтони, вставая. И безо всякого наигрыша отдал честь - как взрослый солдат погибшему другу. - Сэр Энтони.

Наш безумный поиск увенчался успехом. Наверное, всем безумным делам это суждено - если цель, которую поставил перед собой, достаточно недостижима и высока...

- Жаль, нельзя узнать, кто был второй, - вздохнул я. Это было немного обидно - ведь второй-то был русским.

- Его друг, - ответил Энтони так, словно это всё объясняло. Мы постояли ещё какое-то время. Потом Энтони неохотно сказал:

- Пошли, посмотрим, что там дальше...

...Вторая пещерка была побольше, но не намного. И... пуста. Мы растерянно оглядывались, пока я не высветил фонариком на стене каменное колесо, очень похожее на штурвал старинного корабля.

- Смотри! - толкнул я Энтони. Англичанин без слов подошёл к колесу, оглянулся на меня и осторожно повернул его.

Послышалось что-то, похожее на металлическое журчание. Энтони ещё повернул колесо...и только тогда я допёр, что часть пола, на которой мы стоим, и часть стены с этим колесом... **ОПУСКАЮТСЯ ВНИЗ!**

Древний механизм работал. Энтони поспешно повернул колесо обратно - плита поднялась, что-то щёлкнуло, пол и стена вернулись на место.

- Спуск в шахту, - прошептал я. Интерес - был. Но какого-то особого трепета я не ощущал. И острого желания спуститься - не было тоже. Потому что... потому что лежащее внизу было НЕ НАШЕ. "Вдовам-сиротам... бездомным-калеченым," - вспомнил я и сошёл с плиты.

- А где же золотая лихорадка? - грустно спросил Энтони, шагая за мной. - Где непреодолимое желание перерезать тебе глотку ради обладания сокровищами? - он пожале

плечами и добавил: - После ТОЙ пещеры... - не договорил и решительно заключил: - Но Святой Грааль поискать надо!

- Надо, - согласился я.

- Надо, - сказал...

...сказал Сергеич.

ГЛАВА 30.

Он стоял у входа в лучах наших фонариков, глумливо усмехался - и в одной руке у него тоже был фонарик, а в другой - ТТ.

- Надо. И не только его, - повторил бандит. Фонарик и ТТ смотрели на нас. - Значит, нет клада, щенки? - он усмехался. А глаза были злыми...

- Дурак ты, - сказал я. Странно, но испуга не было. Я не боялся.

- Дурак, - неожиданно согласился Сергеич. - Недооценил вас. Вы ведь, считай, обрубил хвосты... Думаю - дай в Погорелое смотаемся, просто так, на всякий случай! А переправляться решили через Цну здесь, около Лучков... Тут один дед про вас и рассказал... - Энтони не то хрюкнул, не то фыркнул, и Сергеич обернулся к нему: - А ты живучий, англичанин... Пистолет достань. И кидай сюда. Только осторожно доставай, за рукоятку двумя пальцами, а то ведь пристрелю ненароком...

- Потерял я пистолет, - безразлично ответил Энтони.

- Врёшь. Вон он у тебя - под курткой... Не шути, мальчик! - голос Сергеича сделался злобным. Энтони скривился и неспеша полез под куртку, а я тут же задал вопрос, надеясь, что Сергеич отвлечётся:

- А Витька куда ж дели? Уже на дне Цны раков кормит?

Бандит не отреагировал - он не спускал глаз с Энтони, пока тот не достал пистолет и не бросил его к ногам Сергеича, не выдержав:

- Подавись, скот.

- Витёк наверху, - только теперь ответил Сергеич на мой вопрос, - ждёт. Ну что, ребятки? Начнём работать? Ставлю задачу: вы спускаетесь под землю и грузите всё, что там есть, на подъёмник. Потом - сюда с грузом, наверх. Передаёте его на верёвке Витьку. Ну а потом прыгаете в реку. Плавать-то оба умеете?

- А если б не умели - это вас что, остановило бы? - спросил я, прикидывая высоту - скорее всего, выплыву... да дело и не в этом - просто гадко было подчиняться этому бандюге. И стыдно - перед мёртвыми воинами. Они спасли клад от монголов, а мы...

- Да нет, не остановило бы, - легко согласился Сергеич. - Просто зачем мне лишние хлопоты? Пока вы на берег выбираться будете - нас и след простынет... Да, отказываться не советую. Я ведь и сам могу сокровища поднять, просто одному труднее и дольше. А вас я в этом случае немного подстрелю, а потом - сброшу в шахту. И все дела. Выбирайте. Только недолго.

- Я уже выбрал, - вдруг зло сказал Энтони и скрестил руки на груди. - Можешь стрелять, но сначала - посмотри, что у тебя за спиной.

Сергеич молча покачал головой. Он не поверил! А зря, потому что за его спиной в коридоре, куда падал свет моего фонарика, явно что-то двигалось! Я глазам своим не поверил - и, очевидно, глаза эти самые меня и выдали, так как бандит вдруг забеспокоился и повернулся со словами:

- Я же сказал тебе, чтобы ты...

Человек прыгнул из коридора так быстро, что Сергеич не успел даже ахнуть. ТТ улетел куда-то в угол, а бандит, получив страшный удар основанием раскрытой ладони в подбородок, молча рухнул под стену на плиту лифта. Наш неожиданный спаситель быстро нагнулся и, подобрав "вальтер" Энтони, повернулся к нам.

Раньше я никогда не видел этого человека - среднего роста крепкого мужчину лет сорока, с абсолютно обычной, даже скучноватой, внешностью. Но Энтони вдруг ахнул - и в его выдохе было невероятное, безграничное изумление:

- Сажнт Уилбо?!34

- Ай-ай, маста Тони,35 - с улыбкой кивнул человек.

- Вотс ю дуинг, сажнт?! - Энтони шагнул вперёд. - Вотс мэтта? Хау а ю...36

- Стоп ит, маста Тони, - продолжая улыбаться, сказал Уилбоу. - Вэлл, ю донт дуллоли тэп - стоп ит, ор ай шут.37

Энтони остановился. Прищурился. Процедил:

- Ее-э... Со ризэлли... Блади трэйтор! Ю донт э солджер, ю онли блади трэйтор!!!38 - и англичанин ожесточённо сплюнул.

Сержант Уилбоу весело рассмеялся. У него был приятный смех... Не опуская пистолета, он повернулся ко мне и спросил:

- Ну, ты, я вижу, мой подарок потерял... Хорошие хоть ножи?

- Ножи? - по-тормозному спросил я. - Какие... ножи?

- Которые я купил вам в магазине! - рассмеялся сержант. - Не узнаёшь?

- Вы?! - почти заорал я, искренне изумлённый.

- Я, - перестал смеяться Уилбоу. - И мальчишек, чтобы обшарили твой дом, тоже нанял я. А когда это у них не получилось - пришлось лезть самому... Вы не обиделись, мастер Тони, на шуточку с бензобаком? Я знал, что вы её заметите, а мне надо было, чтобы вы возлагали вину на этих скотов, - он небрежно кивнул в сторону лежащего без сознания Сергеича. - Такая глупость вполне в их духе... И в Тудыновке ребятам за сведения о вас платил тоже я. А от Тудыновки просто шёл по вашим следам, как-то раз даже ночевал возле вашей палатки.

У меня голова закружилась от досады. Не было никакого неуловимого "№3" в банде! А была ТРЕТЬЯ СТОРОНА - сержант Уилбоу! Но я всё-таки спросил:

- Вы были с ними заодно?

- С этими? - презрительно спросил Уилбоу, и я только теперь заторможенно удивился, как он хорошо говорит по-русски. - Нет, конечно! Правда, это моя глупость дала им в руки сведения о кладе. Я хорошо знаю русский язык, но единственный раз был в СССР в 89-м году, да и то на юге, поэтому обратился к этим двум мерзавцам за помощью, обещав им по четверти клада. Они решили, что пополам - лучше и в результате, если бы не моя выучка, я бы и по сю пору лежал в болотах под Ленинградом...

- Под Санкт-Петербургом, - поправил я. Уилбоу свёл брови:

- Что?

- Под Санкт-Петербургом, - повторил я. - Ленинграда у нас больше нет.

Сержант внимательно посмотрел мне в лицо своими холодными глазами, посвёркивавшими лучах фонарика, как льдинки. Одобрительно сказал:

- Пытаешься заставить себя не бояться? Молодец. Если смерть неизбежна - нужно хотя бы постараться не падать на колени, а упасть в рост...

- Мне Антон... Энтони про вас немного рассказывал, - продолжал я, - и он говорил, что вы любили армию... и свою родину.

- Именно "любил". Когда был моложе и глупее, - ответил сержант. - А потом стал задумываться - что они мне дали? Пятьсот фунтов пенсии в месяц?

- Значит, вы её никогда не любили, - такого жёсткого тона я сам от себя никак не ожидал. - Родине не служат за деньги. И не продают свою службу ни за какое золото.

Мне показалось, что сержант разозлился и... и смутился. Нет, правда смутился! Но тут же справился с собой и покачал головой:

- Это всё слова. А тут, внизу, лежат деньги. Если их продавать не как золотой лом, а понемногу в коллекции, в частные руки - как исторические ценности, за них можно будет выручить столько, что мне хватит до конца дней на совершенно безбедную жизнь. Где-нибудь на тихоокеанских островах... А вас придётся убить. Хотя и жаль.

- Это не ваши деньги, - сказал я и удивился, что по-прежнему не испытываю страха, словно смотрю кино про самого себя. - И не этого бандюги, - я кивнул на Сергеича, - и даже не наши.

- А чьи же? - с лёгкой насмешкой спросил Уилбоу.

- Их, - я кивнул за его спину в коридор и добавил, - и не думаю, что ОНИ позволят вам их взять.

Очевидно, нервы спецназовца-изменника были всё-таки на пределе - он резко обернулся. Всего на секунду - но Энтони, в броске выхватывая нож, метнулся к нему.

Выстрелить Уилбоу не успел - нож Энтони распорол ему запястье. Но больше англичанин ничего не смог сделать - сержант ударил его коленом в живот. Ударил так, что Энтони, беззвучно согнувшись, молча рухнул на пол. Я пнул пистолет - тот вылетел в коридор, а Уилбоу рубанул меня ладонью по правому плечу, и я перестал ощущать всю руку, а второй удар - просто оплеуха - опрокинул меня рядом с Энтони.

- Литл силли кидз,³⁹ - услышал я даже не запыхавшийся голос сержанта. Он возвышался над нами, как башня, в свете нескольких лежащих на камне фонариков. С его руки капала кровь, но сержант не обращал на это внимания. Левой он достал откуда-то - так быстро, что я не понял - длинный плоский кинжал, рукоятка которого походила на шляпку гвоздя. - Помнишь, я говорил тебе, что там, откуда я родом, все мужчины носят настоящие кинжалы? Я хоть и англичанин, но родился в Шотландии - а это и есть шотландский дирк - знакомься!

Плоское широкое лезвие блеснуло в электрическом свете. И - странно! - именно в этот момент я увидел, что Сергеич, стоя на коленях возле колеса, крутит его - повёрнутое к нам лицо перекашивала гримаса.

- Уходит, - не крикнул, а сказал я. Уилбоу понял сразу и, обернувшись, метнул дирк.

Он слишком спешил, да и кинжал не был приспособлен для метания - оружие чиркнуло о камень в пальце от головы бандита.

- Фризз, дирти уорм!⁴⁰ - прорычал Уилбоу - и прыгнул на Сергеича как раз в тот момент, когда тот, перестав крутить колесо и, удерживая его одной рукой, второй подхватил кинжал.

Они сцепились. Кинжал зазвенел по камню - Сергеич, выпустив колесо, неожиданно ударил англичанина кулаком в висок и сбросил с себя ногами. Колесо медленно повернулось, начало вращаться. Я услышал знакомое металлическое журчание. Вместо того, чтобы удерживать ворот, Сергеич рванулся за кинжалом, тонко выкрикнув:

- Моё! Моё!

- Аах! - англичанин ударил его ногой в живот, что-то прорычал, кинул на вращающееся колесо быстрый взгляд - и потянулся добить бандита. Тот откатился, махнул кинжалом; Уилбоу навалился на него...

Журчание убыстрялось. Плита уходила вниз, над краем шахты оставались только головы дерущихся. Они отшвыривали один другого - и, вместо того, чтобы перехватить кролесо, бросались добивать соперника, конкурента...

Журчание перешло в стальной рёв - словно взвыл замурованный в недрах скалы дракон. Но я ещё слышал вопли Сергеича и хриплое рычание англичанина, усиленные шахтой...

ААААХХХХРРАХХ!!!

Пол под ногами вздрогнул. Каменный чёрный колодец издал удовлетворённый, живой гул - и всё стихло... Я не сводил глаз с чёрного прямоугольника в полу.

- Кажется, всё, - слабо сказал Энтони. Опираясь на локоть, он, оказывается, тоже следил за происходящим, прижав локоть к солнечному сплетению.

- Давай выбираться отсюда, - предложил я, вставая на ноги. Лицо слева опухало, рука всё ещё не шевелилась...

...Наверх мы выбрались не без труда, да ещё и с опаской - Энтони прихватил свой "вальтер", я - ТТ Сергеича, но Витька нигде не было.

Лишь по краю скалы был сорван дёрн - словно что-то тяжёлое подтащили и сбросили в воду...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Вот тут, в сущности, и кончается эта история.

Энтони прожил у меня ящё довольно долго, пока Олег Никитович хлопотал о переправке в Англию останков сэра Энтони и захоронении неизвестного русского воина. Но с мамой познакомить англичанина так и не вышло - он всё же уехал раньше, чем мама вернулась...

Клада мы так и не нашли. То есть, клад, наверное, и правда существует. Но мне мерзко вспоминать, как два подонка катались по каменной плите. Если кому охота - пусть ищет, опускается, достаёт - что там есть, хоть и Святой Грааль. А у меня в ушах до сих пор стоит надсадный вопль Сергеича: "Моё! Моё!" - и волчий рык англичанина... Ну его к богу в рай, этот клад...

...И потом, мне кажется, что рыцарь Энтони имел в виду всё же не ТОТ клад, о котором говорил Уилбоу. Не драгоценности и не монеты. И даже не Чашу Грааля, мечта о которой привела к нам, в сегодняшнюю Россию, его потомка. Я это начал понимать, когда глядел на те скелеты - скелеты, лежащие рядом. И я думаю, что понимаю слова сэра Энтони, прочитанные в том письме, отправленном им незадолго перед смертью: "Я обрёл великое сокровище, которое, к сожалению, будет похоронено в этой земле вместе со мной..."

На дороге Энтони пожал мне руку - чисто по-английски, резко потряс её - и сказал несколько слов, а потом прыгнул на свой мотоцикл - и уже не оглянулся...

Я потом перевёл эти слова.

"Наибольший клад - то, что внутри нас."

Нет, не так. По-английски это звучало складнее и напевнее...

Лучше вот как!

"Главный клад - в душе твоей."

Знаете - мне кажется, что рыцарь Энтони имел в виду дружбу...

...До встречи, Энтони!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Время действия повести - лето 1998 года.
2. Несмотря на название - армейский спецназ Великобритании. Объективно - один из лучших в мире и несомненно лучший за пределами бывшего СССР.
3. Это невозможно... Я не согласен!... Я не согласен!... Это неправильно!... Я не верю... это ошибка!... (англ.)
4. Госдорога N...
5. Дом лесника (англ.)
6. В основе мистического романа знаменитого американского писателя - история путешествия мальчика Джека Сойера через все США. Немалое место в книге отведено описанию всех тех бед и опасностей, которые подстерегают одинокого ребёнка в современном мире.
7. Чёрт побери.
8. Остановись, не волнуйся, может быть, это только ошибка, большая ошибка, прекрасный мираж... (англ.)

9. Широкая рубчатая доска с захватом под руку, предназначавшаяся для прокатки после стирки простыней, скатертей и т.п., навёрнутых на специальную палку. До сих пор кое-где используется.

10. Дерись со мной, ну, ты, вонючка! (англ.)

11. Спокойной ночи всем, спокойной ночи (англ.)

12. Английский фунт = 454 г, следовательно 4 фунта около 1,7 кг;

13. Двуручный шотландский меч с длинным обоюдоострым лезвием.

14. Около 7 кг.

15. Там...

16. Проклятые ублюдки... браконьеры... недалеко... н реке... (англ.)

17. По мнению многих учёных, матерные ругательства русского языка - наследие монгольских завоевателей.

18. Английский фут = 30, 5 см, следовательно 30 футов = 9 м 15 см.

19. Кривая восточная сабля.

20. Топор с сильно вытянутым, утяжелённым нижним концом полотна.

21. Так во времена крестовых походов называли на Востоке всех европейцев.

22. Аллах велик! Аль-Камил вождь! (арабск) Аль-Камил - султан, противник крестоносцев, правивший в период Пятого и Шестого крестовых походов.

23. Ударное оружие вроде палицы, оснащённое широкими металлическими пластинами.

24. Конфликт между православной и католической церквями идёт аж с XI века. Католики считали "схизматиков"-православных даже хуже вообще не верующих в Христа.

25. Ничего страшного... только закрылась дверь... ничего страшного... господи боже! Мне это не нравится. Мне это не нравится (англ.)

26. Если в кость... правда в кость... боже мой (англ.)

27. Помогите... Эндрю плохо... ради бога... (англ.)

28. Кротями в русских былинах называются западные короли. Например, французский император Карл Шарлемань Великий - Краль Харлеманище.

30. Чэриг - отборный монгольский воин, гвардеец.

31. Святой Крест! (староангл.) - клич английских крестоносцев.

32. Верховный монгольский бог.

33. Злые духи в верованиях монголов.

34. Сержант Уилбоу?!(англ.)

35. Слушаюсь, господин Тони.(англ.)

36. Что вы делаете, сержант?! Что случилось? Как вы...(англ.)

37. Остановитесь, господин Тони. Ну, вы же не идиот - остановитесь, или я стреляю.

38. А-а... Так это правда... Проклятый предатель! Ты не солдат, ты просто проклятый предатель! (англ.)

39. Глупые детишки.(англ.)

40. Замри, грязный червяк! (англ.)